

Книжка 64.

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Подъ редакціею Предсѣдателя Этнографическаго Отдѣленія

В. И. Ламанскаго

и члена-сотрудника **Н. Н. Виноградова**

Выпускъ IV

Годъ XVI

1907

С-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о), Фонтанка, 117.

1907.

ОТДѢЛЪ I.

Канунъ по Сибирскимъ селеніямъ.

(Восточная Сибирь. Енисейская губернія).

Изучая жизнь сибирскихъ крестьянъ въ короткіе промежутки этнографическихъ поѣздокъ отъ Имп. Русскаго Географическаго Общества въ Енисейскую губернію и въ болѣе продолжительное время своего невольнаго пребыванія въ ней, приходилось подмѣчать среди нихъ удивительные обряды и обычаи, восходящіе подчасъ до глубокой древности. И теперь я намѣренъ предложить читателямъ сгруппированныя свѣдѣнія объ обычаяхъ сибирскихъ крестьянъ варить канунъ.

Считаю долгомъ оговориться при этомъ, что моя задача— не изслѣдованіе этого вопроса во всей его ширинѣ и глубинѣ для всей Сибири, какъ желательно было бы и для меня, а лишь скромное освѣщеніе обряда кануна новыми указаніями изъ живой дѣйствительности въ предѣлахъ Енисейской губерніи, и ямъ пополнить этнографическую сокровищницу, изъ которой будутъ черпать желающіе заняться „кануномъ“ во всемъ его объемѣ.

Крестьяне данной губерніи устраиваютъ канунъ ¹⁾ въ память святыхъ, избранныхъ покровителями того или иного селенія; ради нихъ сибирскіе крестьяне установили по своимъ селеніямъ храмовые, а по мѣстному „сѣвѣжн“ праздники.

¹⁾ Приблизительно такое же толкованіе этому слову даетъ и Даль (См. Толк. Словарь, 210) для Европейской Россіи; по нему: канунъ—медь, пиво, брага, сваренная къ празднику или на память усопшаго; канунить—„пировать, праздновать погулкой“.

Ко дню такого праздника съѣзжаются родственники и знакомые изъ другихъ селеній. Послѣ общаго молебна, сопровождающагося нерѣдко крестнымъ ходомъ за селенія, къ „крестикамъ“, духовенство носитъ „святы“ (иконы) по избамъ. Хлѣбосольные хозяева приглашаютъ своихъ гостей отвѣдать „ѣствн“. Хлопотливыя хозяйки заблаговременно приготовили на этотъ случай разныхъ горячихъ „похлебокъ“, „жарко“, пирожковъ и пр., даже хмельнаго пива наварили. „Хозяинъ“ припасъ „вина“—водки... Веселье разгорается и длится день-два, а то и дольше. Это общее явленіе въ Сибири. При этомъ случается, что „сведѣльски“ пиво варятъ не только индивидуально у себя дома, для семейной гулянки, но и въ честь празднуемаго святого—тогда пиво варятъ міромъ и міромъ публично распиваютъ. Это будетъ канунъ святому.

Съ технической стороны и цѣлью кануна читатели познакомятся ниже; а пока ихъ вниманію можно предложить ссылку на одинъ историческій фактъ, указывающій на то, что вареніе кануна справляется въ Сибири со старинны. Это извѣстный „Циркулярный указъ Енисейской Воеводской канцеляріи 14 марта 1771 года“¹⁾. Въ немъ между прочимъ говорится слѣдующее:

„Неоднократно посыланнами изъ здѣшней канцеляріи во всѣ присуды указами было подтверждаемо и запрещаемо, чтобы *каноновъ* (нашъ курсивъ и братчинъ отнюдь не было; но и затѣмъ оказалось, въ Анциферовскомъ присудѣ²⁾ была варима братчина и послѣдовало отъ оной посадскому Локасову отъ ясачнаго Вѣшнякова смертное убивство, за что тотъ ясачный Вѣшняковъ, въ страхъ другимъ, и наказанъ внутомъ, а зачинщикъ того варенья братчины плетьми; а чтобы и паки таковыхъ братчинъ варимо не было, и во всемъ оныя присѣблись опредѣлено: послать паки указы и велѣть оныя братчины, страшаясь вышеописаннаго, а паче и жесточайшаго наказанія, нигдѣ не варить“.

Можно предположить, что и до описаннаго въ этомъ циркулярномъ указѣ случая, сколь раньше трудно, конечно, сказать, многократно посылались строгіе указы во всѣ „присуды“ Енисейскаго Воеводства, чтобы „каноновъ и братчинъ“ отнюдь не было, ослушниковъ били батогами и наказывали плетьми. Однако ничего не помогало. Жизнь народная, вопреки канцелярскимъ циркулярамъ и воеводскимъ репрессіямъ, и въ Сибири шла своимъ чередомъ: она донесла къ намъ чрезъ 136 лѣтъ, считая отъ даты цитированнаго документа, во всей почти ар-

¹⁾ Кн. Костровъ. „Онскія селенія“, стр. 257.

²⁾ Нынѣ Анциферовская волость въ сѣверной части Енисейскаго уѣзда.

хаической цѣлости одинъ изъ любопытнѣйшихъ народныхъ обычаевъ, занесенный, разумѣется, изъ Европейской Россіи ¹⁾).

Кануны варились въ Сибири и продолжаютъ быть варимы вѣлчительно по наши дни.

Современнымъ „зачинщикамъ“ варенія „кануна“ и участникамъ онаго сибирское начальство до поры до времени не грозить своими скорпіонами. Само же коренное сибирско-русское населеніе этихъ „зачинщиковъ“ называетъ не иначе, какъ *желательны мужики, доброжелатели, трудники*, т. е. люди, по доброй волѣ и собственному почину принимающіе на себя трудъ варки кануна, сопряженный съ немалыми хлопотами, ради благоудной цѣли.

Въ чемъ заключается добротное трудичество „желательныхъ мужиковъ“, какіе результаты оно приноситъ и чѣмъ способствуетъ „трудникамъ“ деревенскій міръ, будетъ видно изъ нижеслѣдующихъ фактическихъ данныхъ, собранныхъ мною по селеніямъ Мавлаковской, Казачинской, Кежемской и частью Пинчужской волостямъ Енисейскаго уѣзда. Нѣкоторыя изъ нихъ возникли еще въ половинѣ XVII столѣтія по пути водной артеріи „Енисей-Ангара“, которыми шло извѣстное время историческое заселеніе Восточной Сибири русскими выходцами. Начну съ изложенія своихъ наблюдений, относящихся къ Кежемской волости, гдѣ жители въ большинствѣ случаевъ все еще продолжаютъ исполнять обрядъ кануна.

Село Пановское, Кежем. в. „Трудники по желанію своему, сообщила уроженка этого села, вздумаютъ и ходятъ по дворамъ, собираютъ муку на канунъ „Николѣ вешному“ (9 мая); либо „Кирику-Улиты“ (15 іюля); къ „Петрову дню“ (29 іюня); важной отъ желанья свою даетъ, а которы есть и по коробицѣ даютъ. Потомъ пива ²⁾ сварятъ ушатовъ пять, а то и десятокъ; остатнюю муку продадутъ на хмѣль для пива, а если таковой былъ собранъ, то деньги Богу отдадутъ.

„Въ „Николу вешнова“, либо въ Петровъ день, либо въ „Кирику-Улиты“ вынесутъ въ „ограду“ (дворъ) которова-нибудь трудника ушатъ ли—два пива; постановать столъ, сватеркой

¹⁾ Обычай варенія кануна распространенъ по Сѣверу Россіи и, между прочимъ, въ Вятской губерніи. По крайней мѣрѣ Д. Зеленинъ въ своемъ этнографическомъ изслѣдованіи о „Троещипятницѣ“ говорить, что къ воскресенью, на которое назначено молебствіе и пиршество съ приготовленнымъ троещипятницы, тамъ варятъ „канунъ“, въ родѣ пива, безъ хмелю, подслащенный медомъ, а иногда и безъ меду и пивомъ.—Стр. 3.

²⁾ Рецептъ „сводѣльскаго“ пива указанъ въ приложеніи.

„браной“ (узорной) покрытой; постановятъ на него ковшики, кружки, стаканья, чашки; постановятъ и тарелочки для сбора денегъ.

„Станетъ приваливать народъ ошосли обѣдин: хто конешку положить на тарелку, хто двѣ — хто еечикъ притащить и пьеть канунъ — пиво. Трудники то и дѣло подтаскиваютъ ушатамъ...

„Деньги въ церкви Богу прикладають, еечки, пражу продадутъ и Богу отдадутъ.

„Варятъ пива хороши, хмельны. Мужики до послѣду сидятъ въ оградѣ, имъ подають пива, не отказуютъ. Бабы, дѣвки выпьютъ и уходятъ. По домамъ также пьютъ „вино“ и пива домашней стряпни. По гостямъ съ пѣснямъ ходятъ. Дѣвки съ парнямъ еечки варятъ, короводомъ ходятъ и всякимъ играмъ играютъ на палинкахъ. Народу съѣжатца не мало. Каждой годъ варятъ канунъ“, закончила рассказчица.

Въ деревнѣ Алешиной (Кежем. в.) „Желательны мужики варятъ канунъ каждой годъ. Муку собираютъ по дворамъ. Пить пиво приходатъ съ своей посудой. Общу молитву не творятъ. Каждой перехреститца и скажетъ: „Господи благослови!“ Ему нальютъ пива. Тотъ владеетъ деньги, либо то, чево принесетъ. Пьютъ пиво на мѣстѣ, либо уносятъ къ себѣ“.

Сборы поступаютъ въ мѣстную часовню. Обѣдню служатъ кежемскій священникъ.

Въ селѣ Кежмѣ варятъ канунъ къ „Николѣ вѣшному“ (9 мая). Муку заранѣе собираютъ съ міра трудники; они канунное пиво варятъ и завѣдуютъ его распродажей въ день праздника тѣмъ же порядкомъ, какъ и въ с. Пановскомъ. Выручку передаютъ церковному старостѣ для обращенія ея на нужды мѣстной церкви, на свѣчи „Николѣ“.

Канунъ сопровождается обычнымъ гульбищемъ. Дѣвицы яйца варятъ, на полянкахъ разныя „игрыща“ устраиваютъ.

„Варить канунъ рѣже стали“.

Кануны варятъ по такому же образцу въ деревняхъ: Мозговой на праздникъ Инноентія Иркутскаго (26 ноября) и Аксеновой на Митрофанія (28 ноября), въ той же Кежемской волости.

Д. Кежемская Займка. „Къ Николѣ вѣшному (9 мая) и къ „Казанской“ (22 октября) трудники собираютъ съ міра муку и варятъ пива: доспѣютъ его ушатовъ 30.

„Часы отойдутъ (если священникъ не прійдетъ изъ Кежмы), тогда собираютца свои деревенски и пріѣзжи гости въ ограду, ежели въ „Николу“, которово - нибудь трудника, канунъ пить. Хто пьеть кружкой, хто ведро беретъ, владеетъ на тарелку:

ейца, рыбой клей, ¹⁾ куделю, а то 2—3 и пять конешъ; за цѣльной ушатъ пива и по 30 коп. берутъ; хощь въ оградѣ пей, хощь тащи, куда тебѣ надо. Съ тово кануна зачинатца гулянья на всю деревню, — гулять народъ и два дни и четыре.

„Въ „Казанску“ канунъ пьютъ у трудника въ нѣбѣ ²⁾. Што наторгуютъ за пиво, трудники часовенному старостѣ отдадутъ; клей, куделю, еечки продадутъ, ему же отдадутъ — Богу на свѣчки“, въ „займсеу часовню“.

Что касается Пинчужской волости, смежной съ Кежемской, то мнѣ извѣстенъ пока одинъ примѣръ варки кануна, а именно въ деревнѣ Пашутиной ко дню „Никола зимнево“ (6 декабря); она лежитъ при Мурскомъ порогѣ рѣки Ангары и имѣетъ въ хорошей сохранности старинную часовеньку съ слюдяными окнами.

Въ деревнѣ Порожинской (Казачинской волости), стоящей надъ Казачинскимъ порогомъ рѣки Енисея, тоже сохранился обычай варить общественное пиво къ нѣкоторымъ праздникамъ. Въ мое посѣщеніе этой деревушки въ 1904 году, ея население, по моей просьбѣ, нарочито демонстрировало пивовареніе по тому образцу, какъ у нихъ совершается.

Передъ домомъ зажиточнаго крестьянина Токарева небольшая полянка, заваленная разнымъ хозяйственнымъ матеріаломъ; на ней постоянное мѣсто занимаютъ стоймя установленные другъ противъ друга, на разстояніи двухъ сажень, два старыхъ улья, толщиною 10—12 вершковъ, повышеніемъ 2 арш.; съ одного на другой перекинута вершковъ трехъ въ отрубѣ березовая слежка, нѣсколько длиннѣе двухъ сажень; то былъ станъ для подвѣшыванія котла, въ которомъ кипятится вода и т. п.; поодаль немного, на плотныхъ чуркахъ, стоялъ солидный пивной „чанъ“, около 6 четвертей высотой и 5 четвертей въ діаметрѣ верхняго отверстія, сколоченный изъ листовенничной тростины съ черемуховыми обручами; рядомъ съ чаномъ лежало на чуркахъ вмѣстительное долбленое корыто, подставляемое подъ дно чана, когда спускаютъ „сусло“; такихъ корытъ полагается нѣсколько для охлажденія готоваго сусла.

Изъ „анбара“ Токарева (онъ же церковный староста) вынесли желѣзный котелъ (выс. $\frac{3}{4}$ ар., діам. 1 ар.) съ ушами

¹⁾ Перечисленные селенія Кежемской волости лежатъ при рѣкѣ Ангарѣ (Верхняя-Тунгузка), богатой красной рыбой, изъ которой добывается клей, поступающій въ продажу и на домашнія нужды.

²⁾ Къ этому времени обыкновенно устанавливаются санный путь и морозы, дѣлающіе несудобнымъ питье кануна на открытомъ воздухѣ.

и подвѣсили на желѣзныхъ крюкахъ къ слѣжкѣ описаннаго выше стана; бабы натаскали ушатами воды, развели подѣ котломъ костеръ, притащили ведеръ, „грузилку“, „веселку“; по общему приговору мужиковъ и бабъ приставили къ чану *мисовара* съ *мисоварихой*... Собрались, будто бы на „слевки пивы“, мужики, парни, дѣвицы, дѣтвора. Говоръ, смѣхъ, дѣловая суета... Въ этотъ моментъ щельнулъ затворъ моего фотографическаго аппарата... Я былъ новичекъ въ этомъ искусствѣ и допустилъ сильную передержку, испортившую негативъ. Осталось запечатлѣннымъ только то, что мною было предусмотрительно зарисовано.

Въ селѣ Стрѣловскомъ (при устьѣ р. Ангары) населеніе справляетъ *канунъ* „Егорью“ (23 ар.). Этотъ обычай тамъ нѣсколько отличается отъ вышеописанныхъ по Кежемской волости.

Отстоявъ, какъ водится, обѣдню въ мѣстной церкви и, отобѣдавъ, жители этого села и смежныхъ съ ними деревень Коновщины, Саввиной и Новосельцы (одной и той же Маглаковской волости) отправляются на домъ къ церковному старостѣ. Въ его избѣ начисто вымыто и приубрано; столъ въ „переднемъ углу“ (подъ образами) застланъ чистой скатертью, на немъ *тарема* съ теплящеюся восковой свѣчю; по „лавкамъ“, придѣланнымъ, какъ водится, вдоль стѣнъ, и на отдѣльныхъ скамьяхъ и табуретахъ размѣстились принаряженные бабы и кое-кто изъ дѣвицъ; онѣ не съ пустыми руками пришли; у одной „туесокъ“ (берест. посуда), у другой стеклянный „кувшинъ“ (кувшинъ) или глиняная чашка, а иная, смѣха ради, принесла цѣлую „корчагу“¹⁾; посуды не пустая, а наполнена хмельнымъ *мивомъ*—кануномъ, домашняго приготовленія. Оно принесено для *продажи*.

Стали и покупатели въ избу заходить: мужики, парни и кое-кто изъ „чистый публики“. Бабы и дѣвицы встрѣчаютъ гостей съ поклонами и предложеніемъ испить „ейнова пива“. Между продавщицами возникаетъ естественное соревнованіе. Онѣ расточаютъ „ласковы—привѣтливы“ слова, пускаютъ въ ходъ милыя шутки, чтобы обратить на себя вниманіе гостей и завербовать покупателя на „свое пиво“; тѣ отвѣчаютъ своими любезностями, сопровождая ихъ иногда довольно прозрачными

¹⁾ Большой горшокъ съ крохотнымъ отверстіемъ у доннаго вѣнчика, за-
тыкающимся „чепикомъ“ (дер. затычка)—для варенія *корчажнаго* пива.

комментаріями. И все это тонетъ въ громкомъ говорѣ, веселомъ смѣхѣ и шуткахъ.

Согласившійся испить пиво-канунъ отъ болѣе „поглянувшей“ ему обладательницы, долженъ подойти къ столу, на которомъ рядомъ съ тарелкой уже водруженъ порядочной величины „кухоль“ (кувшинъ). Продавщица, предложеніе коей было принято, должна налить пивомъ кухоль до полна; переверстась на „святы“ (иконы), покупатель опоражниваетъ кухоль, стараясь выпить содержимое, какъ говорится, „единымъ духомъ“; это считается молодецкою удаляю; осилившій подобное испытаніе вызываетъ одобреніе среди прекраснаго пола; на не выпившаго до дна кухоль пива, наоборотъ, сыпятся со всѣхъ сторонъ забористыя остроты, благодушныя насмѣшки, предназначенныя преимущественно для вящаго увеселенія „чесной“ компаніи. Выпившій свою долю кануна кладетъ на тарелку какую нибудь *монетку* и отходитъ, уступая мѣсто слѣдующему...

Въ этомъ же родѣ продажа *кануна* производится и въ „оградѣ“ церковнаго старосты. Продавцами здѣсь—мужской персоналъ, покупательницами являются „бабы“ и „дѣвки“...

Собранныя деньги въ концѣ концовъ поступаютъ въ церковному старостѣ и расходуются на покупку свѣчей „Егорью“ и т. под. нуждъ мѣстной церкви.

Въ поименованныхъ селеньяхъ, какъ и во всей Маклаковской волости, съ возникновеніемъ золотопромышленности въ Енисейскомъ горномъ округѣ, привлечшей ихъ населеніе къ себѣ, и продолжавшемуся вплоть до открытія сибирской желѣзной дороги сплаву по Ангарѣ чаевъ, выгрузкой коихъ стрѣловскіе и коновскіе крестьяне долгое время были заняты, совершенно пало земледѣліе, плохо въ тому же развивавшееся, благодаря суровости климата и плохому качеству почвы. Хлѣбъ для питанія сталъ приобрѣтаться по преимуществу на сторонѣ. Посторонніе заработки были не всегда удовлетворительны. Наступила необходимость экономить матеріальныя средства въ томъ числѣ и хлѣбъ. Это обстоятельство быть можетъ и повліяло на то, что, ради той же экономіи, жители стали варить пиво у себя по домамъ, въ ограниченныхъ даже размѣрахъ, для семейныхъ пирушекъ и остановились на возможности для себя удѣлять *кануну* извѣстную долю пива домашняго приготовленія ¹⁾.

¹⁾ Нѣчто подобное дѣлается и въ Вологодской губерніи, гдѣ по Далю „туесь (буракъ) съ пивомъ приносится въ церковь, для освященія къ празднику“, это называется по тамошнему тоже кануномъ.

Въ данномъ случаѣ уже ясно обрисовываются черты несомнѣннаго разложенія религіозно-мірскаго обряда, какиѣ является канунъ въ Сибири.

Перечисленные только-что примѣры, такъ сказать, факты современнаго варенія *кануна* въ селеніяхъ Енисейскаго уѣзда. Интересныя подробности выясняются также изъ фактовъ прошлаго.

Не знаю, какъ дѣло обстоитъ въ бывшемъ „Анциферовскомъ присудѣ“ т. е. въ нынѣшней Анциферовской волости, но зато въ цѣломъ рядѣ селеній, на примѣръ, Казачинской волости, того же Енисейскаго уѣзда до недавняго сравнительно времени варили *кануны*.

Въ селѣ Рождественскомъ (въ 12 вер. въ сторону отъ с. Казачинскаго) варили *канунъ* во дню Вознесенія, путемъ общественнаго сбора муки и пр. Перестали это дѣлать лѣтъ 40 тому назадъ. Это тѣмъ болѣе знаменательно, что въ названномъ селѣ издавно находился Рождественскій женскій монастырь, переведенный впоследствии въ г. Енисейскъ; его мѣсто заняла понѣвѣ существующая церковь. И она была свидѣтельницей варки *кануна* въ ея приходѣ, состоящемъ изъ нѣсколькихъ деревень¹⁾. Изъ словъ почтеннаго и религіознаго рассказчика И. Варыгина можно было заключить, что этотъ обычай самъ по себѣ пережилъ. Впрочемъ, въ виду его географически широкаго распространенія по Сибири въ то старое время, едва ли было по силамъ монастырю и бѣлому духовенству бороться съ проявленіемъ древняго пережитка въ самомъ селѣ, жители котораго, понаѣхавъ частью изъ „Московской губерніи“ (Варыгинны...) или обрусѣвъ подъ вліяніемъ „москвичей“ изъ тунгусовъ (Бекетовы...) в татаръ (Горнаковы...), до сихъ поръ склонны крѣпко держаться „досельщины“ (старини). Съ другой стороны мѣстному, особенно бѣлому, духовенству врядъ ли было выгодно чинить препятствія исполненію *кануна*: какъ ни какъ, а цѣлью его было все же увеличеніе матеріальныхъ средствъ мѣстной церкви, въ чемъ ощущается хроническій недостатокъ... За молебствія и посѣщенія вѣбъ съ „святыми“ въ дни сѣвѣжнихъ праздниковъ и кануна духовенство также взимало, какъ взимаетъ и теперь, въ свою пользу известную мзду. Этими соображеніями отчасти можно объяснить, почему обы-

¹⁾ Деревни: Лопаткина, Чашина (Челнокова), Бѣлоусова (Водовозова), Зеледѣва, Вароковщина.

чай варили кануна сравнительно долго держался въ с. Рождественскомъ.

Выгоды для церкви, впрочемъ получались грошевыми. Тотъ же И. Варыгинъ передаетъ, что въ канунъ набирали рубля два: выпивая канунъ, вляли на тарелку все больше крошечки... А пили „своль душа примала; были питаки, говорилъ В., которы по ведру выпивали,—съ просядвой, какъ говорится... Со старинки велось такъ.“

Такова была сила традиціи, пока сама „модомъ“ (постепенно) не исчахля.

Въ канунъ подбавляли меду или водки; пили, добавилъ В., какъ и вообще пива, дома: чашками глиняными, круглой формы, съ зеленой обливой и ручками съ изображеніями птицъ и т. п.; употреблялись также „нотановки“,—родъ бокаловидныхъ стаканчиковъ, точеныхъ изъ дерева или литыхъ изъ оловянной композиціи.

Деревня Лопаткина отдѣляется отъ с. Рождественскаго небольшою рѣчущею („Черная“); въ настоящее время жители обоихъ селеній составляютъ одно сельское общество. Въ этой деревнѣ также миромъ варили канунъ къ „Рождеству Христову“ (25 декабря) и къ „Николѣ вешнему“ (9 мая). Заглохла эта „досельщина“ вѣроятно въ то же время, какъ и въ Рождественскомъ.

Въ деревнѣ Челноковой (Чашина) лѣтъ 40 тому назадъ варили канунъ къ Ильину дню (20 іюля), путемъ сбора добротныхъ пожертвованій мукою среди однодеревенскихъ и другихъ прихожанъ. Въ ней, какъ передавали, сохранилось мирское зданіе—поварня, гдѣ раньше варили канунъ, а теперь продолжаютъ варить въ сладчину пива къ годовымъ праздникамъ, къ свадьбамъ и т. п. (О поварнѣ см. описаніе д. Сполошной).

Въ деревнѣ Сполошной (Казачинской вол.) перестали варить канунъ 30—35 лѣтъ тому назадъ. Это былъ обычай „обществомъ“ варить пива наканунѣ „Егорья вешнова“ (23 апрѣля), „Успенска дна“ (15 августа), почитаемыхъ сполошницами за свои „сѣмжи“ праздники; „обществомъ“ распивали канунъ и жертвовали при этомъ „Егорью на свѣчи“ и т. п.

Сполошная, надо сказать, возникла, судя по преданію, на мѣстѣ нѣкогда бывшаго сторожевого поста, на которомъ енисейскіе казаки „били сполохъ“—жгли огни, когда замѣчали вражеское движеніе воевавшихъ съ ними инородцевъ. Сама деревня пріютилась на низменности праваго берега рѣки Енисея. На противоположномъ берегу той же рѣки, лежалъ „Казачій

Лугъ“, гдѣ паслись казачьи лошади и заготовлялось сѣно; при немъ возникло сельцо того же названія ¹⁾, переименованное впоследствии въ село Казачинское (Казачье тожъ). Теперь жители этого села съ сполошницами составляютъ одно сельское общество и одинъ церковный приходъ.

И все же въ д. Сполошной имѣется собственная „Чесовня“ во имя „Егорья“, не менѣе старинной постройки, чѣмъ церковь въ Казачьемъ. По крайней мѣрѣ я видѣлъ въ ней, кромѣ книги „Поученіе повседневное“ за 1815 годъ, еще „Слѣдованный псалтырь“ съ датой 1698 года; ему, такимъ образомъ, не менѣе 209 лѣтъ; сама же „чесовня“ можетъ быть даже старше. Доказывая старинное происхождение ея, сполошницы говорятъ, что было время, при ихъ дѣдахъ, когда русло рѣки Енисей между „Казачьимъ Лугомъ“ и Сполошной было настолько узко, что удалые молодцы могли перекинуть съ берега на берегъ камень. Тоже самое я слышалъ отъ стариковъ с. Казачинскаго. Такъ на нынѣшней косѣ, у нижней „изголовья“ села, гдѣ весною пристають пароходы, стояла церковь, перестроенная въ каменную и освященная въ 1800 году на теперешней площади; неподалеку отъ старой церкви находился „могильникъ“ (кладбище). Могучій Енисей давно уже смылъ съ берегомъ мѣста старинной церкви и кладбища... Помнится, когда Енисей вошелъ въ берега, послѣ весенняго разлива 1895 г., то на обнажившейся церковной площади я нашелъ могильный черепъ человѣка; а въ слѣдующемъ 1896 выпалъ въ обвалившемся берегу церковной площади человѣческой востякъ и послалъ въ Енисейскій городской музей. — Енисей продолжаетъ размывать также берегъ д. Сполошной. Это чрезвычайное обстоятельство заставило три раза переносить мѣстную часовню на новыя мѣста.

По архитектурѣ зданіе часовни ничѣмъ особенно не отличается отъ типа русско-сибирской избы; сложено въ одинъ этажъ изъ бондоваго сосняка, длиною въ 19 аршинъ, шириною въ 12 ар., повышеніемъ аршинъ четырехъ слишкомъ, съ крышей на четыре ската, крытой тесомъ подъ карнизъ и съ крыльцомъ подъ тесовымъ навѣсомъ, поддерживаемымъ при входѣ фигурными колонками; за сѣверной стѣной подвѣшенъ

¹⁾ Въ казачьемъ церковномъ архивѣ сохранились грамоты: Митрополита Тобольскаго и Нерчинскаго Антонія 1730 года, Архіепископа Тобольскаго и Нерчинскаго Варлаама за 1780, 1781, 1788 и 1800 года; въ этихъ актахъ сельцо „Казачій Лугъ“ упоминается не разъ.

въ столбу съ переладиной и навѣсикомъ „оповѣщальный колоколъ“, малыхъ размѣровъ, игравшій при канунѣ видную роль. Внутри часовни мрачно и убого, по стѣнамъ развѣшены немногочисленныя иконы стараго письма, имѣются рѣзныя изъ дерева паникадила и рѣзныя деревянныя изображенія святыхъ. Сбоку у входа небольшой чуланчикъ: въ немъ, между прочимъ, сохранялся „общественный“ инвентарь, — мѣдный котелъ, деревянная посуда и прочія принадлежности ¹⁾, бывшаго варенія кануна въ д. Сполошной.

Вотъ что рассказалъ по этому поводу мѣстный крестьянинъ Трифонъ Шестаковъ, которому, когда мы бесѣдовали (въ 1904 г.), исполнилось 84 года.

Наканунѣ означенныхъ выше праздниковъ „часовенной“ староста, въ сопровожденіи „доброжелателей“ варить канунъ, обходилъ своихъ сельчанъ и объѣзжалъ сосѣднія деревни: Борки, Захарову, Банкиры, Падерену и Омутовщину, гдѣ собиралъ добротныя приношенія натурою, въ видѣ муки, хмеля и проч. Сборъ одной только муки бывалъ по 15 — 20 пудовъ. Значительная ея часть, а то и все количество пудовъ переваривалось на канунъ или поминальное пиво.

Техникой и внутреннимъ распорядкомъ обрядоваго пивоваренія заправлялъ *пивоварь*; сполошницы выбирали его, какъ мастера своего дѣла, каждый разъ изъ среди своего общества; приставляли къ нему помощниковъ — „доброжелателей“ и помощницъ — „доброжелательницъ“, подчинявшихся всецѣло указаніямъ пивовара.

Мѣстомъ варки кануна служила *поварня*; она была построена въ сторонѣ отъ жилыхъ помѣщеній силами „общества“ для соотвѣтственныхъ общественныхъ нуждъ (варки кануна, пива къ свадьбамъ и т. п.). Я уже засталъ поварню въ полуразрушенномъ состояніи; въ свое время она представляла изъ себя сравнительно малыхъ размѣровъ невысокую избушку, срубленную „по черному“ четырехстѣнкой изъ мелкихъ бревешекъ, съ плоскою землею крытою крышею; крытый земляными же „пластамъ“ присѣнокъ защищалъ отъ непогоды низенькую входную дверку, прорубленную съ восточной стороны; маленькое оконце съ запада, затянутое „брюшиною“, пропускало тусклый свѣтъ въ поварню; внутри стѣны ея были чернымъ-черны и лоснились, располитованныя дымомъ и копотью,

¹⁾ Куплены мною у сполошинскаго „общества“ для Этнографическаго отдѣла Рус. Музея И. А. Ш., въ 1904 г.

въ избытѣ наполнявшими избушку, когда топили сооруженную въ ней „каменку“ (печь изъ дикаго камня), лишенную дымо-вника. Въ фронтонной стѣнѣ, сбоку, невысоко отъ земли было прорублено еще продолговатое оконце: въ него всовывался деревянный желобъ, по которому „сleckали“ холодную воду, кипятокъ въ стоявшіе въ повариѣ пивные чаны ¹⁾, и обратно готовое „сусло“ (хлѣбный наваръ) въ наружныя „кади“ (кадки, перерѣзы).

На улицѣ вблизи поварики были впопаны другъ противъ друга столбы высотой 2,5—3 арш.; на нихъ влася брусъ, въ нему подвѣшивался на желѣзныхъ крючьяхъ мѣдный котелъ, вмѣстимостью въ 10—15 ведеръ, купленный „обществомъ“, какъ и прочій инвентарь, на „Егорьевски“ сборы: въ немъ согрѣвали кипятокъ для сусла и перепаривали послѣднее съ хмелемъ. Дрова для пивоваренія поставляли „помочью“ тѣ же сполошинцы.

Готовому суслу давали время остыть, разливая по „карьтямъ“ и другимъ „посудинамъ“... Пивоваръ тогда приступалъ къ перепариванію сусла съ хмелемъ...—Когда полученное такимъ путемъ пиво „уписало“, его сливали въ одно мѣсто.

Съ высоты „чесовенной“ колокольни билъ „оповѣщательной“ колоколь, бѣгая подъ окнами, „зватаи“ и ребяташки сликали народъ на „слевки“, выкрикивая: „Тупайте на слевки, у ково волосы вѣрѣи!“ Являлись сполошинцы съ ведрами, ушатами и уносили пиво въ чаны, помѣщенные на храненіе въ „ямахъ“ (погребушки) „чесовеннова“ старосты и „доброжелателей“.—Наваривали ушатовъ по 40 и болѣе. Пиво было пьяное, „что твоя водка“. Отвѣдывать запрету не было. Помочане этимъ правомъ пользовались въ достаточной степени, упивались изрядно... Не обходилось безъ ссоръ и дракъ... Отсюда и возникла означенная форма приглашенія „зватаями“ мирянъ на „слевки“ сусла и пива.

Ко дню кануна въ Сполошную съѣзжались гости—жертвователи, родственники, пріятели. Со своими собиралось, говорилъ Т. Шестаковъ, человѣкъ 200 и болѣе.

¹⁾ „Егорьевскихъ“ чановъ было два, одинъ въ 15, другой въ 25 ведеръ. Въ одномъ изъ такихъ чановъ, рассказчикъ Т. Шестаковъ, будучи 7—8 лѣтъ, спрятался съ сверстникомъ-товарищемъ, чтобы безъ помѣхи полакомиться „крадче“ нарванными въ огородѣ огурцами. Мать товарища, Толстухина, „прислѣдила“ и отгнала проказниковъ пруткомъ въ „егорьевскомъ“ же чану.

Въ день кануна прїѣзжало изъ с. Казачинскаго духовенство и совершало часы, а потомъ ходило съ иконами по лавкамъ. Такъ, съ полденъ, вокругъ часовни ставились скамейки, „лавы“, „столъ съ браной скатеркой“ для пивной посуды, приносили ушаты съ пивомъ. „Чесовенной“ староста билъ въ „оповѣщальной“, колоколъ, приглашая народъ на канунъ. Сполошницы и гости размѣщались по лавкамъ (сколько хватало мѣстъ). Часовенный староста разливалъ канунъ—пиво большой „поваренкой“ въ бовшники, чашки, скобкари ¹⁾, а свои деревенскіе „доброжелатели“ („мужики, бабы, дѣвки“) подносили желающимъ. Таковыми оказывались всѣ. Пили и клали „грошники“ и копейки на носимыя между пьющими деревянныя и оловянныя тарелочки. Партии смѣняли одна другую... Такъ продолжалось дня два—три. Веселье становилось общимъ и сопровождалось обычнымъ пѣньемъ, ѣвдой въ экипажахъ по улицѣ... Вырученныя деньги отъ кануна и продажи остатковъ муки и пр. прикладывали „Егорью“ или „Усиленью“, смотря по тому, въ память кого справляли обрядъ. Были даже „вошеди“ для денегъ—однѣ „Егорью“, другія „Усиленью“. А въ общемъ канунныя деньги расходовались на нужды „часовни“ и даже, какъ говорилось выше, на нихъ приобретался пивоваренный инвентарь.

И въ этомъ яркомъ примѣрѣ, какъ мы видимъ, богоугодное дѣло совмѣщалось съ мірскимъ увеселеніемъ. Таково было значеніе кануна и въ д. Сполошной.

Заключивъ фактическую сторону своего сообщенія, попытаемся сдѣлать анализъ существенныхъ чертъ затронутого нами обычная варки кануна и попробуемъ опредѣлить отношенія въ нему духовныхъ и свѣтскихъ властей.

Какъ обычай, обрядовое пивовареніе теряетъ свое начало въ глубинѣ сѣдой старины. Въ повдѣйшемъ его видѣ обрядъ кануна разбивается на двѣ характерныя части—религіозную и мірскую (соціальную).

Канунъ варятъ въ днѣмъ почитаемыхъ святыхъ; а денежные сборы во время совершенія обряда, равно какъ получаемыя отъ продажи приношеній (натурою), въ концѣ концовъ, поступаютъ на благолѣпіе храма, на свѣчи святому и пр.; самый обрядъ освящается молебномъ, „часами“... Все это и составляетъ религіозную подкладку кануна.

¹⁾ Описаніе ихъ дано въ концѣ статьи.

Мірское или социальное значеніе этого обряда выражается въ слѣдующемъ. Канунъ варятъ силами и издивеніемъ деревенскаго міра или „общества“, какъ говорятъ сибиряки. Имъ даются отъ „желанья свою“ мука и другіе сельскохозяйственные продукты, что переводится отчасти на канунъ, отчасти на деньги и прилагается также Богу; „общество“ устраиваетъ „поварни“, снабжаетъ ихъ дровами, водой; оно выбираетъ изъ своей среды даже „пивовара“, какъ главнаго руководителя технической обрядоваго пивоваренія, даетъ ему помощниковъ и помощницъ; приходитъ къ нему на „помочь“, когда „оповѣщальной колоколь“ или „звѣтан“ пригласятъ итти на „слевки“ суслу или пива—вануна. Безъ участія „желательныхъ мужиковъ“, „трудниковъ“ и „доброжелателей“,—этихъ главныхъ мѣстныхъ иниціаторовъ кануна—какъ выяснилось, не обходится не только подготовительный процессъ обряда, но и его завершеніе. Ихъ усилія были бы, намъ кажется, тщетны или мало продуктивны, не будь само „общество“ сочувственно расположено къ устройству кануна. Оно не только относится симпатично къ тому, чтобы потрудились для Бога тѣ или другіе однообщественники, но матеріально и физически содѣйствуетъ ихъ благому начинанію. „Общество“ является, наконецъ, главнымъ платнымъ потребителемъ кануннаго пива, чѣмъ также способствуетъ улучшенію денежныхъ средствъ своей церкви, своей часовни. Мірская рука и религиозно-бытовая мораль „общества“, сказали бы мы, вѣковой обычай обрядоваго пивоваренія сохраняютъ въ Сибири до настоящаго времени.

Противъ міра и его „трудниковъ“ въ цѣляхъ, якобы, искорененія пагубной его слабости къ кануну, а вѣрнѣе въ цѣляхъ фиска, предержавшей властью „добраго стараго времени“ были пущены, какъ указано выше, „батоги и плети“. Тѣ, кто хотѣлъ, выражаясь фигурально, „плетью обушь перешибить“—не перешибъ. Иными словами, народъ и въ Сибири немало претерпѣлъ гоненій и каръ за свою приверженность къ кануну, но продолжаетъ быть вѣрнымъ выношенной въ его душѣ традиціи, вѣрнымъ своему исконному обычаю обрядоваго пивоваренія. Несомнѣнно, и сама традиція, и дѣдовскій обрядъ находятся теперь въ состояніи разложенія (какъ, напр., въ с. Стрѣловскомъ) и постепеннаго умиранія. Мы можемъ быть наблюдаемъ ихъ въ послѣдней стадіи, за которой наступитъ полное исчезновеніе, въ чемъ насъ убѣждаютъ примѣры селеній Казачинской волости и цѣлыхъ уѣздовъ: Красноярскаго, Ачинскаго, Минусинскаго также Енисейской губерніи, гдѣ о канунахъ и помню:

нѣтъ. На это въ Сибири, однако, потребовались столѣтія стіхійнаго теченія событій и все цивилизующее время: они то, какъ на мельничномъ жерновѣ, неустанно перетирають сибирскую „досельщину“ и прививаютъ сибирякамъ новыя привычки новыя обычаи.

Остается отмѣтить въ немногихъ словахъ отношеніе духовенства къ народному кануну. Въ жестокостяхъ бывшаго преслѣдованія, въ частности, сибирскаго „общества“, за канунъ быть можетъ были не менѣе повинны и представители высшаго духовенства „добраго стараго времени“. Въ архивахъ сохранились документы (наилучшимъ выразителемъ которыхъ является извѣстный „Стоглавъ“), свидѣтельствующіе о чрезвычайно суровыхъ бичеваніяхъ духовною властью соблазновъ мірскихъ увеселеній и остатковъ явнчества. Это не могло не отразиться на характерѣ репрессій свѣтской власти, преслѣдовавшей въ свою очередь подобнаго рода явленія въ народной жизни. Что касается мѣстнаго сибирскаго чернаго и бѣлаго духовенства, то оно по своему поведенію въ то время было ничуть не лучше мірянъ, и поэтому, вѣроятно, не обладало достаточнымъ авторитетомъ, чтобы успѣшно бороться съ консервативной приверженностью своей духовной паствы къ обряду кануна и его мірскимъ удовольствіямъ. Впрочемъ, ему и ссориться съ приходомъ было невыгодно. Какъ никакъ, а отъ кануна, повторяемъ перепадали матеріальныя „врохи“ и сибирскому духовенству, и церкви.

Въ настоящее время отношеніе свѣтской власти къ обычаю варки „кануна“ въ Сибири пока что безразличное. Отношеніе духовенства къ нему теперь пока что доброжелательное. Историческій опытъ наглядно, надо думать, убѣдилъ тѣхъ и другихъ что „батогами и плетями“ не переломишь народныхъ вѣрованій, не перегнешь народнаго духа въ желательную для нихъ сторону.

Алексѣй Макаренко.

Приложеніе I.

Праздники и селенія съ кануномъ.

„Егорей“ (23 апр.)—канунъ въ селѣ Стрѣловскомъ (жит. об. пола 338+203—д. Коновщины) Мавл. в. ¹⁾

„Иннокентей Иркутской“ (26 ноябр.)—канунъ въ д. Мозговой (жит. об. пола 380), Кеж. вол.

¹⁾ Цифры о населеніи взяты за время всеобщей переписи 1897 г.

„Казанскя“ (22 окт.)—канунъ въ д. Кежемская Займка (жит. об. пола 632).

„Кириыи—Улиты“ (15 іюля)—канунъ въ с. Пановскомъ (жит. об. пола 753), Кеж. вол.

„Митрофаньевъ день“ (23 ноябр.)—канунъ въ д. Авсеновой (жит. об. пола 127), Кеж. вол.

„Никола вешной“ (9 мая)—кануны: 1) въ д. Кежемская Займка, 2) въ с. Пановскомъ и 3) въ с. Кежмѣ (жит. об. пола 1058).

„Никола зимней“ (6 декабр.)—канунъ въ д. Пашутиной (жит. об. пола 194), Пинч. вол.

„Петровъ день“ (29 іюня)—канунъ въ с. Пановскомъ.

(Безъ обозначенія дней)—канунъ въ д. Алешкиной (жит. об. пола 394), Кеж. вол. и въ д. Порожинской (жит. об. пола 101), Казач. вол.

Приложеніе II.

Праздники и селенія безъ кануна.

„Вознесенье“—варили канунъ въ с: Рождественскомъ (жит. об. пола 1050), Казач. вол.

„Егорей“ (23 апр.)—варили въ д. Сполошной (жит. об. пола 183), Казач. вол.

„Ильинъ день“ (20 іюля)—варили въ д. Челноковой, Казач. вол.

„Никола вешной“ (9 мая)—варили въ д. Лопаткиной (см. с. Рождественское), Казач. вол.

„Рождество“ (25 декабр.)—варили въ д. Лопаткиной.

„Успленье“ (15 авг.)—варили д. Сполошной.

Приложеніе III.

Способы варки „сводѣльскова“ пива, а равно и „кануна“.

Если нѣтъ ячменнаго солода, то пекутъ „квасники“—родъ пресныхъ хлѣбовъ изъ низкаго сорта ржаной муки. Но полпуда квасниковъ засыпаютъ въ пивной „чанъ“ крупно смолотой ржаной муки 30—40 ф. ¹⁾ Квасники „перепекаютъ“ два раза; и третьимъ разомъ, продержавъ всю ночь въ печи, ихъ съ утра ломтями складываютъ въ кадочку и размачиваютъ,

¹⁾ Съ этого количества муки получается ушатъ сусла въ 3—4 ведра.

подливая „по ковшичку“ кипятку и изрѣдка размѣшивая легонько „веселкой“, пока не получится гуща. Въ то же время засыпаютъ немного муки въ чанъ, завариваютъ кипяткомъ, размѣшиваютъ, кладутъ въ нее „мелкихъ“ накаленныхъ камышеговъ, чтобы заторъ „солодѣлъ“; выливаютъ въ чанъ квасники, доливаютъ кипяткомъ (по одной чугункѣ или „мѣднику“ заразъ), хорошенько размѣшиваютъ веселкой, подсыпая муки и долятъ кипяткомъ, пока не получится въ чанѣ требуемой густоты хлѣбная брага. Потомъ „садятъ на стыр“ . Деревянный стержень съ четырехграннымъ нижнимъ концомъ, которымъ накрѣпо съ сначала заколачиваютъ четырехгранное отверстіе въ днѣ чана; верхній конецъ его нѣсколько возвышается надъ чаномъ. На „стыр“ надѣваютъ свитое изъ соломы кольцо, опускаемое до доннаго отверстія; на „стыр“ же своимъ центромъ надѣвается „кита“ или „китка“—кругъ изъ соломы; сверху „кресты“ и затѣмъ съ помощью „грузилокъ“ (двоерогія палки) все это одавливаютъ на дно, и въ то же время на „кресты“ опускаютъ „пожогі“—крупные дикіе камни, накаленные въ печи до-красна; подъ ихъ тяжестью „кита“ не можетъ всплыть; жаръ ихъ настолько силенъ что брага очень скоро закипаетъ, хотя при этомъ пожогі стараются вѣстать въ чанъ „потолику“—по-немногу, чтобы брага „не сбѣгла“. Последняя кипитъ влючемъ, и пѣнится; а когда „ключъ уходится“, можно пускать „сусло“. Тогда слегка раскачиваютъ „стыр“: у него на четырехъ граняхъ бороздки и столько же на днѣ чана, по нимъ сусло сбѣгаетъ медленно безъ гущи въ подставленное подъ чаномъ корыто. Затѣмъ сусло разливаютъ по разнымъ „посудинамъ“; а когда остынетъ, ставиваютъ въ чаны, помѣщаемые въ „ямахъ“ (погребушки).

Въ то же время заготовляютъ „приголовокъ“. Извѣстное количество студенаго сусла съ положеннымъ числомъ фунтовъ хмеля (на 1 пудъ муки—1 фунтъ хмеля) перепарятъ въ мѣдникѣ или котлѣ и заквасятъ дрожжами; а когда „приголовокъ“ засолодѣетъ „размолаживаютъ“ свѣжимъ сусломъ до извѣстнаго предѣла и со всѣмъ его „гнѣздомъ“ опускаютъ частями по всѣмъ чанамъ, куда было слито вторично все сусло перепаренное съ хмелемъ. По желанію подливаютъ медъ, водку.

Сусло для „корчажнаго“ пива варится въ „корчагѣ“ (глин. горшокъ) изъ однихъ квасниковъ и солода, завариваемыхъ кипяткомъ; брага съ корчагой держится извѣстное время въ печи; на утро разбавляется кипяткомъ и также садится на „стыр“ при помощи соломеннаго кольца и „китки“, вводимыхъ внутрь корчаги. Сусло получается слаще, гуще и чернѣе.

Варятъ пиво „травяныя“. Сусло корчажное или чанное перепаривается безъ хмеля съ сборомъ медоносныхъ и пахучихъ травъ (Богородская малая—*Thymus serpyllum*, Васильки и др. См. А. Макаренко: „Матеріалы по народ. медицинѣ“ Ужурской в., Ачин. ок., Енисейской губ., съ прил. „Сборника народномедицин. средствъ“, отд. IV, стр. 410, журн. „Живая Старина“ за 1896—1897 гг.).

Приложение IV.

Котель, деревянная посуда и прочія принадлежности бывшаго варенія кануна въ д. Сполошной (стр. 189).

Котель мѣдный: высота 46 снт., діаметръ 75 вѣсь 2 пуда; уши желѣзныя, крючья, служащіе для подвѣшиванія котла, тоже желѣзные. Приобрѣтены отъ сельскаго общества д. Сполошинской.

„Китъ“, „кѣтъ“ —снопикъ ржаной соломы, колосья которой заломлены внутрь и перевязаны веревочкой, въ видѣ крутой головки: „кита“ надѣвается головкой на „стырь“ пивного чана, сверхъ соломеннаго же кольца, и разламывается комельками круглымъ вѣромъ, удерживаемымъ въ такомъ положеніи „крестами“; погружается „грузилками“ въ хлѣбную брагу, содержащуюся въ чанѣ; кромѣ того „китъ“ придавливается еще „пожогами“. Въ общемъ „китъ“ имѣетъ, въ процессѣ деревянскаго пивоваренія, значеніе фильтра.

„Кресты“ изъ сосновыхъ узкихъ драничекъ, связанныхъ веревочками, въ видѣ равнобедренныхъ треугольниковъ.

„Грузилка“ —березовая палка съ короткими развилками на одномъ концѣ; длина 1,30 метр. Употребляется для погруженія „киты“ съ „крестами“.

Веселка сосновая, длиною въ 1,17 метра—употребляется для помѣшиванія пивного затора.

„Пожога“ —камни: накаливъ на огнѣ докрасна, ими выпятятъ воду или пивную брагу въ какой-либо деревянной посудѣ.

Черпакъ березовый съ овальнымъ вмѣстительствомъ и съ прямой, крючкомъ приподнятой сверху ручкой (дл. 35 снт.). Старинный образецъ; купленъ при котлѣ.

Черпакъ березовый съ плоскимъ дномъ и ручкой съ крючкомъ, приподнятой сверху (дл. 19 снт.). Старинный образецъ, купленъ при котлѣ.

Ускобкаръ—большихъ размѣровъ березовая чаша съ двумя ручками: на одной изображена голова гуся, на другой —

подобіе хвоста. Въ этой чашѣ, по словамъ сплошнскихъ крестьянъ, подавался прихожанамъ „канунъ“. Старинный образецъ, тожественный съ скобками съверо-восточной полосы Европ. Россіи. Занесеніе этого сосуда отсюда весьма вѣроятно. Мѣстные жители назвали его просто „чаша“.

Братина—деревянная чаша малаго размѣра съ ручкой, изображающей голову утки (мордочка удлиненная, горбоносая). Изъ этой „чашы“ прихожане пили „канунъ“. Экземпляръ старинный, не мѣстнаго происхожденія.

Ковшъ деревянный, большой емкости (діам. 27 снт.), на плоскомъ доньшѣ, съ прямой короткой ручкой (дл. 21 снт.) и небольшимъ язычкомъ на противоположной сторонѣ круглаго вѣнчика. Имъ разливался „канунъ“ по разнымъ посудамъ. Экземпляръ старинный, не мѣстнаго происхожденія, названа — „поваренка“.

Ковшикъ малаго размѣра, изъ березовой щетки, съ язычкообразной маленькой ручкой, сверху покрытый политурой—служилъ для питья „кануна“. Экземпляръ старинный, не мѣстнаго происхожденія. Работа чистая.

Ковшикъ изъ березовой щетки, малаго размѣра, съ короткой язычковидной ручкой. Работа не совсѣмъ чистая; возможно, что дѣлался на мѣстѣ. Служилъ для питья „кануна“.

Тарелочка деревянная, круглая (діам. 18 снт.), выточенная, глубокая—служила въ дни „кануна“ для сбора „грошиковъ“ (обычное подаванье пившихъ канунъ).

Тарелочка деревянная, выточенная, круглая (діам. 18 снт.), мелкая,—служила для сбора „грошиковъ“ (мелкія монетки) за питье „кануна“.

Оловянные тарелочки (діаметръ одной 22,5 снт., другой—18 снт.), употреблявшіяся при сборѣ „грошиковъ“ на часовню, на „свѣчи Егорью“ и т. п.

Шайки деревянные, одноручныя, названныя „ведрами“, имѣющія на ручкахъ вырѣзные инициалы. Относятся къ числу посуды, употреблявшейся при варѣ „кануна“.

Ларецъ сосновый, въ формѣ лежачей конторки, съ откидной поватой крышкой, на желѣзныхъ шарнирахъ, окованный желѣзными полосами и съ двумя, на бокахъ, желѣзными ручками. Служилъ при часовнѣ, вѣроятно, для храненія свѣчей и денегъ. (Списки коллекцій Этнографич. Отдѣла Русск. Муз. Имп. Алекс. III, № 575).

А. М.

Среди нищей братьи.

Богомольцы, посѣщающіе Кіево-Печерскую Лавру, направляясь отъ главнаго собора къ Дальнимъ пещерамъ, должны пройти длинныя ряды нищихъ, которые образуютъ собою настоящую *viam dolorosam*—дорогу скорби. Обиліе нищихъ по русскимъ монастырямъ—явленіе давнее, повсемѣстное. Кіево-Печерская Лавра не исключеніе; нищихъ въ ней даже больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ для богомолья. Ни одна русская святыня не посѣщается въ такомъ большомъ количествѣ богомольцами, какъ Печерская Лавра, и естественно, что сюда привлекается за подаваніемъ болѣе всего нищей братьи, какъ изъ ближайшихъ мѣстъ и окрестностей Кіева, такъ и изъ другихъ губерній Россіи. Главнымъ образомъ лаврскіе нищіе являются изъ приднѣпровскихъ губерній, такъ какъ калѣвамъ и больнымъ очень удобно передвигаться по воднымъ путямъ.

На лаврской *via dolorosa* можно видѣть всевозможныя случаи человѣческихъ увѣчій и уродствъ. Тутъ и природныя уродства, и послѣдствія несчастныхъ случаевъ, и результаты страшной болѣзни, грызущей живого человѣка. Безрукіе и безногіе сравнительно мало обращаютъ на себя вниманіе и въ нищенской борьбѣ за существованіе отстаютъ: богомольецъ часто проходитъ мимо нихъ, не раскошеляясь. Но чѣмъ больше уродство человѣка, чѣмъ онъ ужаснѣе на видъ, чѣмъ больше бьютъ по нервамъ язвы, тѣмъ болѣе выигрываетъ обладатель ихъ на этой аренѣ борьбы между обездоленными живнью людьми.

Богатая Лавра, собирающая дань рѣшительно со всѣхъ концовъ Руси, нищелюбимъ и щедростью не отличается. На ночь нищіе должны оставлять стѣны монастыря, да и днемъ они не пользуются ничѣмъ со стороны монаховъ. Въ Лаврѣ есть бесплатная столовая, но только для богомольцевъ, причемъ обычно въ столовую пускаютъ только людей безъ узловъ и какой-либо другой поклажи, которую необходимо оставлять въ гостини-

ницѣ за 15 копѣекъ. А такъ какъ изъ-за воровства на дворѣ ничего нельзя оставить, то волей-неволей приходится отдавать свои вещи на храненіе въ монастырскую гостиницу. Такимъ образомъ, по виду бесплатные обѣды на самомъ дѣлѣ обходятся совсѣмъ недешево.

Но богомольцы крестьяне, хотя ихъ кошелки и очень оскудѣваютъ во время пребыванія въ Лаврѣ отъ всѣхъ ея соблазновъ: пузырьковъ со свяченою водою, кусочковъ ладона и всевозможныхъ религіозныхъ амулетовъ, которые такъ манятъ простой народъ,—все же не забываютъ и нищую братію. Достоинно даже примѣчанія то, что нищіе, главнымъ образомъ, питаются крестьянскими грошами. Городскіе жители, пріѣхавшіе на богомолье, отличаются меньшею щедростью, а интеллигентные посѣтители Лавры совсѣмъ не подаютъ нищимъ. Во всякомъ случаѣ, ни одинъ нищій не уходитъ или не выплзаетъ изъ Лавры безъ подаенія, которое колеблется ежедневно отъ 20 до 50 копѣекъ. Рассказывали мнѣ сами нищіе, что наиболѣе увѣчные собираютъ до пяти рублей въ день, но этому трудно вѣрится.

Живя пропешедшимъ лѣтомъ вблизи Лавры, я часто обходилъ ряды нищихъ и заговаривалъ съ ними, чтобы узнать ихъ настроеніе и мысли о себѣ и своей судьбѣ. Это намѣреніе, однако, не всегда кончалось удачно. Часто вопросы встрѣчали уклончивые и недружелюбные отвѣты, а иногда прямо нежеланіе разговаривать. И замѣчательно то, что болѣе недружелюбно, иногда враждебно встрѣчали меня нищіе, менѣе всего страдающіе и даже совсѣмъ здоровые. Очевидно, среди нихъ были люди, которые и могли что-либо дѣлать, но, вслѣдствіе какаго-нибудь незначительнаго физическаго недостатка, отлынивали отъ дѣла и предпочитали перебиваться милостынею. Совсѣмъ злобное отношеніе я встрѣтилъ со стороны женщинъ, вѣроятно по той же причинѣ: женщинъ—бездѣльницъ и обманщицъ среди нищихъ гораздо болѣе, чѣмъ мужчинъ. При томъ большинство женщинъ-нищихъ—пьяницы.

Но среди многихъ мужчинъ-нищихъ я встрѣчалъ самое радушное отношеніе, и они цѣнили не только мои копѣйки, но и самое доброе слово, съ которымъ я обращался къ нимъ. Проходя какъ-то по *via dolorosa*, я разговорился съ однимъ калѣкою, у котораго ноги, какъ веревка, были скручены въ узелъ,—ужасная, безжалостная игра природы. Нищій говорилъ со всѣми типическими оттѣнками бѣлорусскаго говора и оказался изъ Могилевской губерніи. Я сталъ спрашивать его о житьѣ-бытьѣ, и онъ повѣдалъ мнѣ всѣ нищенскія скорби.

— „Вѣрно послѣднія времена наступаютъ, говорилъ онъ. Вотъ сказывается въ Евангеліи, что нищихъ за имя Христова будутъ мучить всяческими муками и карами. Можетъ, не мы, а, можетъ, и мы будемъ, когда это положеніе объявится. Да ужъ оно и близко. Недавно вотъ тоже идетъ господинъ, какъ вы, съ палкою. А я у него попросилъ милостыни ради Христа. Онъ ничего не далъ, да еще палкою на меня замахнулся, разсердился. Я себѣ и думаю: вѣдь это онъ не меня отгоняетъ палкою, а Христово имя“.

— Да, можетъ, онъ нехрещенный какой, — замѣтилъ его сосѣдь.

— „Какъ нехрещенный! Хрещенный! Зачѣмъ бы онъ въ Лавру пошелъ, если бы не хрещенный былъ. Вотъ монахи тоже хрещенные, это извѣстно. И даже отцы. А развѣ они лучше? За что, скажи, они меня десять лѣтъ назадъ изъ кухни выгнали? сдается, я у нихъ ни украду, ни худа имъ не сдѣлаю. Гдѣ мнѣ! А выгнали. Эхъ! злость на меня тогда противъ монаховъ напала; хотѣлъ было проклянуть ихъ, да Господь не допустилъ до страшнаго грѣха. Христось, думаю, вонъ какое дѣло дѣлалъ, да и то пострадалъ. А я что? Кому я такой нуженъ? Такъ что жъ я такъ себя ставлю, что меня и обидѣть нельзя? Такъ и отлегло отъ сердца, и успокоился. А только времена наступать страшныя. Былъ тутъ странникъ и говорилъ онъ про то, что въ концѣ Библии написано: будетъ время, и скажутъ паны, попы и купцы: „Не надо намъ нищихъ. Давай ихъ утопимъ или убьемъ всѣхъ до одного“. И захотятъ они насъ утопить или убить. Можетъ, это не съ нами еще будетъ, а будетъ непременно. Да вотъ, найдется одинъ человѣкъ; можетъ быть, онъ будетъ царь какой заморскій. И скажетъ онъ нашему царю, не теперешнему, а другому царю, какой тогда будетъ въ нашемъ царствѣ: продай мнѣ нищихъ со всего твоего царства. Ну что жъ? Онъ продастъ всѣхъ нищихъ, ему нипочемъ. И соберутъ ихъ, и отправятъ въ другую землю къ тому самому царю, что купить ихъ. А въ Россейской землѣ не будетъ совсѣмъ нищихъ. И станутъ тогда паны, попы да купцы весело жить и радоваться, что нѣту въ ихней землѣ нищихъ, и не надо объ нихъ заботу имѣть и давать имъ милостыню. Начнутъ они пить и гулять. И такъ будутъ пить они долго, пока не наступитъ голодъ въ Русской землѣ. Всѣ тогда начнутъ убиваться, а отчего голодъ, не знать-то. Тогда вотъ, можетъ, имъ кто расскажетъ объ насъ, а, можетъ, они сами вспомнятъ, только скажутъ паны, попы и купцы: „а гдѣ наши нищенны? Отчего мы имъ милостыню

не подаемъ? Отчего отъ нихъ за здравіе не слышимъ, отчего они сродниковъ нашихъ не поминуютъ. Вѣрно, оттого у насъ неурожай по всей землѣ“. Вспомнятъ они, что продали нищихъ въ другую землю, захотятъ поворотить ихъ назадъ. Да поздно ужъ это будетъ. Возьметъ Господь Иисусъ Христосъ нищихъ до себе на небо и придетъ самъ на землю со ангелы небесными. Про это вотъ странникъъ сказывалъ“.

Эта нищенская легенда, созданная на *via dolorosa*, поощрила меня искать плоды литературнаго творчества нищихъ, и я сталъ спрашивать ихъ про тѣ причитанія, которыми обыкновенно нищіе по ярмаркамъ и базарамъ привлекаютъ къ себѣ вниманіе среди гула и говора торгующей и покупающей толпы. Мнѣ хотѣлось записать преимущественно украинскія причитанія, которыхъ я совсѣмъ не встрѣчалъ въ этнографической литературѣ. Даже въ „Каликахъ переходжихъ“ Безсонова нѣтъ украинскыхъ нищенскихъ причитаній, да и великорусскихъ съ бѣлорусскими тамъ очень мало.

На мою просьбу „показаты“ мнѣ причитаніе одинъ нищій малороссъ отвѣчалъ: „Я не вмю такъ. Я тилькы трохи вмю: дайте рады Хрыста, та й годи. То слины жиньы „прозьбуютъ“, а мы просымо. У нихъ голосъ дельхатный, тонкый, такъ йимъ и подходяще, а у насъ голосъ товстый: ничого не выходить“. Но это не совсѣмъ вѣрно; правда, „прозьбуютъ“ больше женщины и при томъ слѣпныя, но встрѣчаются причитанія и среди мужчинъ. Мнѣ удалось записать два нищенскихъ причитанія, изъ которыхъ одно было записано отъ слѣпца, а другое отъ слѣпой женщины. Первое причитаніе идетъ изъ Екатеринославской губерніи, и записалъ я его на пароходѣ, слѣдуя по пятамъ за нищимъ, обходившимъ третьеклассную публичку. Обычно нищій имѣетъ въ своемъ распоряженіи нѣкоторый запасъ стиховъ, который онъ, доведя до конца, начинаетъ сначала, при чемъ причитаніе прерывается молитвами за подающихъ. Вотъ это причитаніе:

Дайте мени, господа милосердныи,
Хочъ одну копѣчку.
Та зробить мени, таточку,
Хочъ маленьнее милосердда,
Що я божого свита не выдаю,
Та черезъ чужьи очы по свиту скытаюсь.
Та я жъ не можу заробыты,
Та я жъ не можу заслужыты.
Да лучше мени, мій батечку, та не жыты,

Ниже мени на свити, на земли
За чужими оченками,
Та чужими копійками
Тужыты.
Дайте жь мени, господа милосердныи,
Хочь маленький хлиба кусочокъ,
Да Господь запишыть ваши дары во святыхъ
канонахъ.

Записавъ это „прозьбуванне“, я вспомнилъ что-то читанное мною, и, обратившись къ „Калѣбамъ переходжимъ“ Безсонова, нашель почти подобное же сербское нищенское причитаніе, перепечатанное изъ Вука Караджича:

Даруйте ме, мила братѣ,
Так' овако не гледали!
Слепа чеда не имали
Ни у дому, ни у роду,
И у свет га не спремили,
Кано мене моя майка,
Што е у свет оправила
У незнау тудю землю
А за туѣм очицама...
Мене воде туде очи,
Мене ране ваше руке,
Ваше руке, тепке муке.

(Безсоновъ, I, 29).

Такъ одинаковыя условія создали одинаковое настроеніе и почти одни и тѣ же слова причитанія.

Другое причитаніе женское было записано мною въ Кіевѣ на базарѣ. Несмотря на весьма неудобную обстановку для записыванія, стоя въ толкотнѣ и приводя въ недоумѣніе ближайшихъ торговцевъ, я нѣсколько разъ прослушалъ это причитаніе и провѣрилъ его съ точностью.

Дайте, моя паниматеньку,
Дайте, моя выноградоньку,
Дайте милостыньку, моя матинко,
И возмылуйтесь;
Дайте милостыньку, моя матинко,
И возжалуйтесь.
Дайте коніечку, моя матинко,
На мое горькое соднваніе.

Дайте копіечку, моя матинко,
На мое слезное собуваніе.
Дайте копіечку, моя матинко,
А щобъ я мыру божому не докучала;
Дайте копіечку, моя матинко,
А щобъ я дорижечкы—стежечкы не зосидала.
Дайте копіечку, моя матинко,
А щобъ я до вашихъ слидочкывъ не прыпадала.
Дайте копіечку, моя матинко,
А щобъ я голивонькы мойй матинкы не клопотала,
А і у васъ бы копіечкы не прохала.
А що мы мойй матинкы
Просымо-перепросымо,
Що мы по чужому слидочку ходымо.
Дайте копіечку, моя матинко,
А на стежечкы, моя матинко, указаніе,
На дорижечкы, мій татоньку, проважданіе.
А якъ бы я, моя матинко, очы мала,
Браце бъ, моя матинко, тотъ свить выдала..
Дайте копіечку, моя матинко,
За свое здорovie благословеніе.
Дайте копіечку, моя матинко,
За упокой своихъ родытелиивъ,
Не мынайте.
Рады денечка божественного,
Рады Господа мылосердного,
Рады царствія небесного.
А возмылуйтесь, мій татоньку,
А возмылуйтесь, мій батеньку,
Надъ нами,
Якъ Господь мылосердный надъ вами.
Надъ нищымы, моя матинко,
Нищетою,
А надъ темнымы, моя матинко,
Темнотою,
А надъ нищею, моя матинко,
Калыкою.
А вы отецъ, мій татоньку,
А надъ диткымы надъ своимы.
Дайте мени копіечку,
Розривныте;

Отца—свою матинку
Прыпомяните.
Хто отца—свою матинку
Прыпомынае,
Тому Господь милосердный посылает.
А хто нищетоныкы не мынае,
Тому Господь милосердный посылает.
А мыни, моя матинко, свить замураваній,
А тымы двиречыамы свить запытвореній.
Я жь не бачу сонца праведного,
Я не бачу свита божого.
Я не бачу, моя матинко,
Якъ хмарна годына наступае;
Я жь не бачу, моя матинко,
Якъ темна ниченка сумеркае;
Я жь не бачу, моя матинко,
Якъ свить просвитае.
Я не бачу, моя матинко,
Пойты заробыты;
Я не бачу, моя матинко,
Пойты заслужиты.
Ой горенько, моя матинко,
Та й неволенька,
А безъ вичочокъ прожываты,
А свита Божого не выдаты.
Дайте мыни вопіечку,
Дайте мылостыньку
И возмылуйтесь,
Дайте мылостыньку
И возжалуйтесь.

В. Даміловъ.

Очерки Бѣлоруссіи.

III. Ловля вьюновъ.

„Вьюноубу ни пѣой, ни карма, тѣольки
у кошыгъ беры. На чѣрта-бѣ, здаѣтца, таѣ
гразь, да тамъ вьюнъ и карась. Усе люд-
замъ на карысь (корысть)“.

Изъ бѣлорусскихъ присловій.

Говорятъ, что Россія страна земледѣльческая. Такое положеніе непримѣнимо въ огромной мѣстности, лежащей широкой полосой вдоль рѣки Припечи по лѣвымъ ея притокамъ. Песчаная и болотистая почва этого края не годна для земледѣлія. И хотя здѣсь жители обрабатываютъ поля и много затрачиваютъ труда на веденіе сельскаго хозяйства, но хлѣба родится такъ мало, что его не достаетъ даже до декабря. Это вынуждаетъ мѣстныхъ жителей различными промыслами снискивать средства къ существованію. Сюда относятся: скотоводство, рыболовство, звѣроловство, пчеловодство, собираніе грибовъ и ягодъ, лѣсной промыселъ и др.

Въ этой части Бѣлоруссіи большое подспорье въ хозяйствѣ даетъ особенный, свойственный только данной мѣстности промыселъ, — это ловля вьюновъ (родъ небольшого угря, длиною 15—20 сѣт.). Множество топкихъ торфяныхъ болотъ, грязныхъ озерь и гнилыхъ рѣчекъ благоприятствуетъ изобилію здѣсь вьюновъ, живущихъ въ тиѣ. Вьюновъ ловятъ во всякое время года, но особенно богатый уловъ бываетъ лѣтомъ, когда нѣсколько подсохнутъ болота, и вьюны соберутся въ болѣе глубокія мѣста въ озера и въ такъ называемые „выжары“ (углубленія среди болотъ, наполненныя тиной), и зимою, когда вода покроется льдомъ, и вьюны собираются въ незамерзшія „прѣльыя“ мѣста. Въ этихъ мѣстахъ ихъ бываетъ такое множество, что можно ловить руками, безъ особыхъ приспособленій. Зимою на озерахъ

или „выжарахъ“ въ незамерзшей „продушинѣ“ (полыннѣ) или, прорубая ледъ, ставятъ особое рѣшето и покрываютъ его вишарникомъ¹⁾ или навозомъ, чтобы вода не замерзала. Рѣшето это устраиваютъ слѣдующимъ образомъ: дно обечайки отъ рѣшета обшивается холстомъ такъ, что представляетъ конусъ, доходящій почти до половины обечайки. Въ вершину конуса вставляется трубочка изъ бересты въ 10 снт. длиною, 3 снт. въ диаметрѣ. Вьюны ищутъ продушины, пролѣзаютъ съвозъ трубочку въ рѣшето и остаются въ немъ, ибо не могутъ попасть обратно въ трубочку.

Одинъ промышленникъ ставитъ нѣсколько такихъ снарядовъ и, переходя отъ одного къ другому, выбрасываетъ вьюновъ на ледъ. Лѣтомъ ловля вьюновъ производится „сачкомъ“. Это небольшая конусообразная, съ одной плоской стороной, корзина изъ прутьевъ; высота 70—100 снт., диаметръ основанія 50—70 снт.; къ основанію придѣлана вилообразная ручка (длина 150—200 снт.). На челнокѣ пробираются въ озеро или „выжаръ“, опускаютъ „сакъ“ плоской стороной внизъ и погружаютъ его въ тину. Тутъ рыбакъ, поддерживая одной ногой „сакъ“, другой оставаясь въ челнокѣ, хлопаетъ весломъ предъ отверстиемъ „сака“, чтобы загнать вьюновъ, потомъ быстро за ручку приподнимаетъ и выбрасываетъ вьюновъ въ челнокъ. Такія манипуляціи продѣлываетъ рыбакъ до тѣхъ поръ, пока челнокъ наполнится вьюнами. Тутъ остается только доставить вьюновъ на берегъ. Но это самое трудное дѣло, такъ какъ по тинѣ челнокъ еле подвигается, а до сухого мѣста не близко. Вотъ почему обыкновенно для ловли вьюновъ отправляются въ дальнія озера недѣли на двѣ; избираютъ гдѣ-нибудь среди озеръ возвышенный берегъ для стоянки и отсюда отправляются на ловлю. Вечеромъ разводятъ костеръ, по сторонамъ котораго вбиваютъ въ землю „сушкы“ (столбики) и кладутъ на нихъ жердочки. Вьюновъ нанизываютъ головками на прутьи (длина 50—60 снт.) вплотную и цѣпляютъ эти „мѣтки“ на жердочки надъ жаромъ. Вьюны поджариваются, а потомъ засушиваются на солнцѣ. Шестьдесятъ „мѣтокъ“ составляютъ „кбпу“, а шестьдесятъ „копъ“—„тростъ“.

Каждый хорошій рыбакъ до тѣхъ поръ не возвращается домой, пока не заготовить „троста“ вьюновъ. Не легкая это работа: цѣлый день стоять на одной ногѣ въ зыбкомъ челнокѣ, рискуя каждую минуту свалиться въ тину, питается только

¹⁾ Вишарникъ, вѣшь или ветошь—скошенная по льду трава.

одними вьюнами, спать на голой землѣ подь открытымъ небомъ во всякую погоду, а тутъ мириады комаровъ и мошекъ сосутъ кровь, забираются въ носъ, глаза, уши и причиняютъ нестерпимыя мученія. Только огрубѣвшая кожа полѣшука въ состояніи отчасти защитить отъ смертельныхъ страданій.

Но всѣ эти трудности переносятся безропотно, ибо несчастные обитатели этихъ мѣстъ не видятъ лучшей жизни. Дика и безжалостна полѣсская природа; она не балуетъ своихъ дѣтей. Съ другой стороны нужда гонитъ человѣка въ тяжелыя условія и заставляетъ преодолевать всевозможныя трудности.

Когда вьюны на „мѣткахъ“ просохнуть, ихъ на челнокахъ перевозятъ домой. Здѣсь часть для своего употребленія снимаютъ съ „мѣтокъ“ и складываютъ въ „урѣзки“ (разрѣзанныя пополамъ бочки), пересыпаютъ солью и закрываютъ деревяннымъ кругомъ. Лучшій, болѣе крупный сортъ вьюновъ идетъ въ продажу. Обыкновенно полѣшуки вывозятъ вьюновъ въ полевныя мѣста и тамъ обмѣниваютъ ихъ на хлѣбъ, ленъ, коноплю и т. п. продукты домашняго обихода или продаютъ по 2—5 коп. за „мѣтку“. Въ зимнее время вьюновъ сушатъ въ вытопленной печи на соломѣ. Этотъ сортъ вьюновъ дешевле цѣнится и больше идетъ для своего употребленія. Вьюны мѣстными жителями употребляются въ пищу въ разныхъ видахъ. Свѣжіе вьюны поджариваются на сковородѣ и подаются гостямъ, какъ лавомое блюдо. Въ сухомъ видѣ ихъ ѣдятъ, посыпая солью. Въ вареномъ видѣ вьюны кладутся въ борщъ, щи, супъ, кашу и т. п. Вообще въ полѣсской части Бѣлоруссіи вьюны составляютъ главнѣйшую часть пищи.

Бываютъ мокрые годы: рѣчки и озера выходятъ изъ береговъ, и вода разливается по болотамъ, тогда вьюны расходятся въ разныя мѣста и не поддаются улову. Такіе годы—истинное бѣдствіе для полѣшука. Болота, которыя даютъ почти всѣ средства къ жизни простолюдина, при обиліи дождей превращаются въ сплошныя озера, на которыхъ разгуливаютъ стаи дикихъ утокъ и другихъ водяныхъ и голенастыхъ птицъ. Трава погибаетъ не скошенной; вьюны и другія рыбы расходятся по всему болоту; ни скоту, ни человѣку не пробраться черезъ топкія торфяныя мѣста; полѣсье буквально отрѣзывается отъ всего остального міра—тогда полѣшуки сильно голодаютъ. Рассказываютъ, что послѣ одного такого мокраго лѣта крестьяне сами питались дикими яблоками, грушами, желудами и даже пыреемъ, а скотъ всю зиму пасли по лѣсамъ.

IV. Т а л а к а́.

Въ Толковомъ Словарѣ живого великорусскаго языка В. Даля подѣ словомъ „помѣчь“ между прочимъ сказано: „помѣчь сѣв. и вост. толѣка южн., работа міромъ, за угощеніе“. Толѣка или, какъ произносятъ бѣлоруссы, талака́, т. е. помощь міромъ въ исполненіи большого или тяжелаго дѣла, не посильнаго одному семейству, въ полѣвской части Бѣлоруссіи до послѣдняго времени примѣняется очень часто въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ. Признакъ угощенія при работахъ талакою не можетъ считаться существеннымъ, такъ какъ онъ имѣетъ мѣсто только въ такихъ случаяхъ, когда талаку собираютъ помѣщики, священники, волостные писаря и т. п. лица, не принадлежащія къ крестьянской средѣ. Талака́ — древній народный обычай. Онъ распространенъ по всей Бѣлоруссіи. Въ крестьянскомъ быту талака, какъ и всякая другая помощь, обходится безъ угощенія. Нерѣдко міромъ исполняются большія работы лишь за словесную благодарность. Бѣлоруссъ отличается добротой и состраданіемъ; у него мягкій, покладистый характеръ. Этими качествами народнаго характера и существующимъ обычаемъ безвозмездной помощи при большихъ и трудныхъ работахъ воспользовались „паны“ съ корыстной цѣлью и устраиваютъ талаку за угощеніе водкой. Здѣсь, какъ и всюду на Руси, простолюдины имѣютъ склонность къ вину. Зная эту народную слабость, „паны“ довольно часто собираютъ талаку въ такихъ случаяхъ, когда почему-либо нельзя нанять рабочихъ или не желательно платить за работу большія деньги, тогда какъ угощеніе участниковъ талаки обходится гораздо дешевле. Но это уже исковерканный „панами“ прекрасный обычай помогать другъ другу въ несчастія или при выполненіи трудныхъ и непосильныхъ работъ. Здѣсь довольно низкія корыстные цѣли, тогда какъ въ народномъ быту талака имѣетъ основанія и задачи болѣе высокаго нравственнаго и соціальнаго порядка. Сюда относятся работы по устройству жилищъ, плотинъ, „езовъ“ (перегородки рѣки для ловли рыбы), володцевъ и т. п. До послѣдняго времени талака въ своемъ чистомъ видѣ имѣетъ мѣсто, по преимуществу, въ такихъ случаяхъ, когда одной семьѣ не подѣ силу справиться съ большой, тяжелой работой или стихійными бѣдствіями. Такъ, напримѣръ, пожаромъ или наводненіемъ уничтожены постройки или другія хозяйственныя сооруженія; одна семья безсильна, и она прибѣ-

гаеть къ общественной помощи. Главные работники въ семьѣ подверглись тяжелой и продолжительной болѣзни и не могли убрать своевременно сѣно или хлѣбъ—туть собирають талау, которая безъ всякаго угощенія или платы производитъ необходимыя работы. Надо доставить тяжелые матеріалы для построекъ, или поднять ихъ на значительную высоту, а хозяинъ одинокій, бѣдный человѣкъ, у котораго и лошаденка-то еле передвигаетъ ноги—собираются сосѣди и талакою исполняютъ все, что нужно. Народный обычай требуетъ не отказываться отъ приглашенія на талаку. Кто увлоняется отъ помощи другимъ, тому и общество не поможетъ въ бѣдѣ. „Усіа падъ Богомъ ходзимъ“, говорятъ бѣлоруссы, а потому они строго соблюдаютъ этотъ обычай и идутъ на талаку даже къ зажиточнымъ односельчанамъ, которые могли бы нанять рабочихъ, не прибѣгая къ общественной помощи. „Нехай намъ Буогъ заплациць“, говорятъ, когда богатые люди приглашаютъ на талаку, ссылаясь на бѣдность, и добавляють: „за непраўду ихъ Буогъ сварае“.

Насколько въ Бѣлоруссіи распространенъ обычай собирать талаку, позволю себѣ привести нѣсколько бытовыхъ сценъ изъ этой области, которыя мнѣ пришлось лично наблюдать.

Въ бѣлорусскомъ Полѣсьѣ еще и въ настоящее время многія рѣчки дѣлятся крестьянами на участки, и находящаяся въ каждомъ изъ этихъ участковъ рыба считается собственностью отдѣльныхъ домохозяевъ. Участки отгораживаются „езами“. Поперекъ черезъ рѣчку вбиваются на разстояніи одинъ отъ другого въ $\frac{1}{2}$ аршина длинные колья, выходящіе изъ воды на 2—3 аршина; колья привязываются къ горизонтальнымъ жердямъ, идущимъ отъ одного берега до другого. Между кольями плотно набивается фашиникъ, и „езъ“ готовъ. Это настоящая запруда, сильно задерживающая теченіе воды. Чтобы напоръ воды не опрокинулъ „еза“, его укрѣпляютъ противъ теченія подпорками изъ крѣпкихъ бревенъ. Въ продѣланныя отверстія еза вставляются коши, жаки, венцера и т. п. рыболовные снаряды. Кромѣ прямого назначенія—ловли рыбы—езы служатъ мостиками для перехода черезъ рѣчки. Мѣстные жители обоего пола, всѣхъ возрастовъ, осторожно ступая на жердь или фашиникъ и ловко цѣпляясь обѣими руками за полусгнившіе колья, словно пауки за паутину, быстро перебираются черезъ рѣчки; иногда они совершаютъ таковой переходъ даже съ тяжелой ношей за плечами. Жутко смотрѣть, когда иная женщина, съ положеннымъ въ колыбель за плечами груднымъ ребенкомъ,

идеть по такому мосту. Подъ ногами шумить и хлопочетъ вода, езь шатается, колья трещать, а мать съ какииъ-то окаменѣлымъ, безстрастнымъ выраженіемъ на лицѣ медленно и плавно подвигается впередъ, продѣлывая руками какие-то магическіе пассы. Страшно. Невольно думается, что вотъ-вотъ одинъ невѣрный шагъ, или неловкое движеніе руки и несчастная женщина вмѣстѣ съ ребенкомъ ринется въ омутъ. Дѣйствительно, несчастные случаи здѣсь нерѣдки. Въ одну изъ моихъ поѣздокъ на Полѣсье, кажется въ 1894 году, въ д. Чудинѣ, Слуцкаго уѣзда, Минской губерніи, одна женщина свалилась съ еза вмѣстѣ съ годовымъ ребенкомъ; къ счастью быстрымъ теченіемъ ее отнесло къ торчащему изъ воды колу изъ стараго езовища. Бѣдняжка около часа держалась на водѣ, ухватившись одной рукой за колъ, а другой поддерживая ребенка, пока случайные рыбаки подоспѣли на помощь. Мощный напоръ воды довольно часто опрокидываетъ такіе езы. Для исправленія разрушеннаго еза и для возведенія новаго сплошь и рядомъ созывается талака, такъ какъ одна семья не можетъ справиться съ теченіемъ рѣки. Но особенно характерна талака, имѣющая цѣлю оказать помощь хозяину, пострадавшему отъ пожара или наводненія, когда требуется возвести новыя жилища или служебныя постройки. Въ такихъ случаяхъ на талаку являются всѣ, кто чѣмъ можетъ оказать помощь: мужчины — одни пѣшіе съ топорами, пилами и другими плотничьими инструментами — другіе на лошадяхъ или волахъ для вывозки бревенъ и прочихъ строительныхъ матеріаловъ, женщины и даже подростки для копанія глины, изготовленія кирпичей, заготовки моха и т. п. Кромѣ личнаго труда нерѣдко участники талаки приносятъ съ собою по „кулю“ (снопъ) соломы или „чаратѣ“ (болотное растеніе изъ породы тростника или камыша), по нѣскольку кирпичей или другихъ строительныхъ матеріаловъ. Тутъ нѣкоторые, кромѣ физическаго труда, оказываютъ помощь своими строительными способностями и указаніями. Само собою разумѣется, что при такихъ обстоятельствахъ, когда на талаку собирается вся деревня, не можетъ быть и рѣчи объ угощеніи въ томъ или иномъ видѣ. Вечеромъ или по окончаніи работъ хозяинъ благодаритъ принявшихъ участіе въ талакѣ, говоря: „дайкуй вамъ! нехай вамъ Буогъ заплациць за турбацу!“ Этими и оканчивается талака. Бываютъ случаи, когда талака служитъ своего рода епортомъ. Тутъ собираются лучшіе работники или работницы и устраиваютъ своеобразныя состязанія въ ловкости и умѣніи трудиться. Конечно, такія состязанія могутъ быть

при разныхъ видахъ работъ, когда собирается много рабочихъ и есть предъ кѣмъ щегольнуть ловкостью или похвастать силой и умѣніемъ. На талакѣ какъ нельзя болѣе состязанія достигаютъ своей цѣли, а потому чаще практикуются. Вотъ, почему-либо, приглашаютъ на талаку для кошенія травы. Косцы берутъ лучшія косы, долго вклеплютъ ихъ и оттачиваютъ, а потомъ принимаются за косьбу въ перегонку. Сначала косцы выступаютъ стройной шеренгой и быстро подвигаются впередъ по діагонали. Скоро нѣкоторые изъ нихъ уходятъ впередъ, другіе же, обкошенные противниками, выбиваются изъ строя и занимаютъ мѣсто на правомъ флангѣ. Весело сверкаютъ на солнцѣ длинныя косы, трава ложится, словно по мановенію волшебнаго жезла, работа кипитъ, раздаются бодрящіе возгласы, крики одобренія и насмѣшливыя замѣчанія и остроты по адресу отставшихъ. Все это вызываетъ шутки, прибаутки, смѣхъ и создаетъ такое веселое, бодрое настроеніе, при которомъ продуктивность работы сильно повышается. Подобныя состязанія въ работѣ устраиваются и женщинами во время жатвы талакою. Тутъ нѣкоторыя, особенно взрослые дѣвицы—невысты напрягаютъ всѣ усилія, чтобы заявить предъ міромъ о своей ловкости и трудоспособности. И слѣдуетъ замѣтить, что судьба бѣлорусской дѣвушки въ большинствѣ случаевъ зависитъ отъ того успѣха въ работѣ, какимъ она (дѣвушка) заявила себя во время талака. Аналогичныя состязанія ведутся при разнообразныхъ работахъ, которыя производятся талакою. Эти состязанія съ одной стороны возбуждаютъ бодрость и стараніе при бесплатныхъ работахъ и тѣмъ увеличиваютъ продуктивность труда, съ другой стороны понуждаютъ лѣнливыхъ и приучаютъ ихъ добросовѣстно относиться ко всякому дѣлу. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ состязанія принимаютъ довольно уродливыя и даже опасныя формы. Такъ, напримѣръ, иногда поднимаются споры о томъ, кто изъ присутствующихъ сильнѣе. Споры оканчиваются состязаніями, которыя сплошь и рядомъ влекутъ за собою несчастные случаи: одинъ подниметъ чрезмѣрную тяжесть и тѣмъ разстроитъ свое здоровье, другой при малѣйшей неловкости подвергаетъ себя большой опасности и т. п. Тутъ обыкновенно присутствующіе устраиваютъ пари: кто побѣдитъ, тотъ получаетъ призъ, а кто останется побѣжденнымъ, тотъ платитъ этотъ призъ или угощаетъ всю компанію водкой. Въ с. Комаровичахъ, Мозырскаго уѣзда, Минской губерніи жилъ лично мнѣ извѣстный плотникъ—бочарь, котораго называли Янкомъ Бондаромъ. Онъ отличался такою ловкостью, что много

разъ бралъ самые рискованные призы. Янко Бондаръ по виду самый обыкновенный безсильный и неуклюжій полѣшукъ, а на самомъ дѣлѣ въ немъ скрывалась большая физическая сила и необыкновенная ловкость. Такъ, одинъ разъ на талакѣ, при вывозѣ лѣсныхъ матеріаловъ, для построекъ крестьяне заспорили, кто подниметъ наибольшую тяжесть. Янко влѣзъ подъ лошадь, понатужился и понесъ ее на плечахъ, за что получилъ гарнецъ водки, которую онъ очень любилъ пить. Дальше онъ много разъ продѣлывалъ такіе примѣры ловкости: обыкновенно беретъ три топора и бросаетъ ихъ по одиночѣ по направленію сосны на разстояніи 10 шаговъ. Топоръ дѣлаетъ въ воздухѣ нѣсколько оборотовъ и вбивается въ сосну съ такою силой, что Янко по этимъ топорамъ взбирается на сосну, какъ по лѣстницѣ. Но самый опасный примѣръ ловкости Янкомъ продѣлывался много разъ такимъ образомъ: вотъ онъ кладетъ на бревно лѣвую руку съ растопыренными пальцами ладонью внизъ, а въ правую руку беретъ большой и тяжелый топоръ и со всего размаха рубитъ бревно съ такимъ расчетомъ, чтобы лезвее топора поочередно попадало между пальцами. Только одинъ разъ такой приѣмъ былъ неудаченъ для нашего гимнастера—топоръ задѣлъ безымянный палецъ и отхватилъ полоску кожи. Впрочемъ Янко повторилъ свой приѣмъ и окончилъ его удачно, за что присутствовавшимъ при этомъ помѣщикомъ былъ награжденъ ведромъ водки.

Само собою разумѣется, что подобныя состязанія и споры могутъ имѣть мѣсто не только при исполненіи работъ талакою, но и во всякое другое время. Но на талакѣ, когда собирается много работниковъ, когда индивидуальный трудъ на виду у всѣхъ, состязанія въ работѣ и т. п. стремленія личности заявить о себѣ, похвастать своею силой и ловкостью предъ товарищами, имѣютъ свое психологическое основаніе.

Талака въ Бѣлоруссіи сохранилась и до настоящаго времени, но къ ней теперь больше прибѣгаютъ лица, не принадлежащія къ крестьянской средѣ, съ чисто корыстными цѣлями. Къ такимъ „господамъ“ крестьяне идутъ на талаку по необходимости, чтобы не навлечь на себя неудовольствія. Не даромъ существуютъ пословицы— „Бога хвали й чорта не гнѣви“ или: „пана на шыбеницу (виселица) ведуць, а мужыкъ шапку здымай, бо язь атарветца, та й атрыгнетца“.

(Продолженіе слѣдуетъ).

А. Сергюттовскій.

Туркменскій поэтъ-босьякъ Кёръ-Молла, и его пѣня о русекихъ.

(Этнографическій набросокъ).

I.

„Кёръ-Молла“, „Шагыръ“, „Кари“¹⁾—подъ этими прозвищами извѣстенъ въ Мервскомъ оазисѣ и даже за предѣлами его Текинецъ отдѣла Утомышъ, подотдѣла Бахшы, рода Топазъ, аула Хырланды, настоящее имя („чин-ады“) котораго Субханъ-верди. Онъ неграмотенъ, и въ 1906 году ему было 30 лѣтъ.

Отецъ Кёръ-Моллы, Эвезъ-берди былъ поэтомъ, и прозвище его было Молла-Сакаръ. Молла-Сакаръ зналъ грамоту и написалъ въ прозѣ и стихахъ исторію текинцевъ, „Теке-намэ“. Книга эта попала въ руки одного кавказца, Тарланъ-бега, который уже умеръ, — и гдѣ она теперь, никому нова неизвѣстно. Что „Теке-намэ“ дѣйствительно была написана, объ этомъ намъ приходилось слышать неоднократно, но ни одного отрывка этого крайне интереснаго сочиненія въ наши руки не попало.

Братъ Кёръ-Моллы, какъ и отецъ, грамотенъ.

До 25-лѣтняго возраста Субханъ-верди жилъ въ своемъ аулѣ и занимался хлѣбопашествомъ. Въ 25 лѣтъ онъ сталъ народнымъ пѣвцомъ, „бахшы“,²⁾ а нынѣ уже извѣстенъ подъ именемъ „шагыра“, поэта, импровизатора. До 25 лѣтъ Кёръ-Молла, по его признанію, стиховъ вовсе не сочинялъ. Вступить въ профессію „бахшы“ Субханъ-верди побудили, вѣроятно — его склонность къ празднои жизни, сиротство (отецъ его въ то время уже умеръ), заманчивость профессіи, члены которой всегда могутъ имѣть даровой лакомый кусокъ и довольно часто

¹⁾ Шагыръ = арабскому ша'ыр, „поэтъ“, а кари по-арабски значить „чтець“.

²⁾ По-туркменски бахшы — только „народный пѣвецъ“, а по-казакъ-киргизски баксы (= бакшы) — „знахарь“. О другихъ значеніяхъ этого санскритскаго слова см. въ словарѣ Будагова.

новый, хотя и неважный, халатъ и другіе подарки,—во, главнымъ образомъ, пожалуй, то обстоятельство, что Субханъ-верди сталъ слѣпнуть и терять способность управлять сохой. А матеріаловъ, потребныхъ для „бахши“, т. е. прежде всего популярныхъ пѣсенъ разныхъ туркменскихъ поэтовъ, начиная съ Махтумъ-Кули, ¹⁾ и пѣсенныхъ отрывковъ изъ распространенныхъ по всему мусульманскому востоку романтическихъ поэмъ въ родѣ „Іосифа и Зудейхи“, „Зебра и Тагыра“, затѣмъ сказокъ, анекдотовъ, пословицъ, прибаутокъ и загадокъ ²⁾—въ богатой памяти головѣ Субханъ-верди къ 25 лѣтамъ накопилось достаточно, несмотря на то, что онъ неграмотенъ: до чего бываетъ развита память у неграмотныхъ сказителей всѣхъ народовъ, хорошо извѣстно. Сыну грамотнаго поэта и брату грамотнаго муллы записаться всѣмъ нужнымъ для „бахши“ было еще удобнѣе.

Что касается творческаго дара Кёръ-Моллы, то онъ у него весьма и весьма скромнѣе, и, не будь Субханъ-верди „терьяк-кешемъ“, не кури онъ оніума, такъ раздражающаго фантазію человѣка, — возможно, что онъ вовсе не былъ бы и „шагиромъ“. Не говоря уже о томъ, что всѣ произведенія Кёръ-Моллы—у насъ ихъ записано 17, но это не все—исключительно подражательныя, — такова вообще туркменская поэзія, какъ часть джагатайскаго, — и подражатель-то Кёръ-Молла далеко не выдающійся. Этимъ, однако, онъ тоже интересенъ, какъ одинъ изъ большинства, изъ средней массы туркменскихъ пѣвцовъ-импровизаторовъ.

Кёръ-Молла, собственно, не поетъ свои произведенія, а декламируетъ нараспѣвъ.

Онъ уменъ, остроуменъ, язвительнъ. Большой циникъ. Весьма неряшливъ во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ средняго роста; выразительное лицо изрыто оспой и покрыто желтизной; лѣвый глазъ едва видитъ, а правый почти совсѣмъ уже ослѣпъ, —

¹⁾ Объ немъ см.: 1) Chodzko, Specimens of the popular poetry of Persia, 1842 г. стр. 389—394; Березинъ, Турецкая Хрестоматія, 1857 г., т. II, вып. 1; Вакулинъ, Пѣсни у туркменъ и поэты ихъ Махтумъ—Кули (Изв. Кавказск. Отд. Р. И. Географич. Общ., т. I, 1872—3 гг.); Vambéry, Die Sprache der Turkomanen und der Diwan Machtumkuli's (Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, т. 33).

²⁾ О туркменскихъ пословицахъ и поговоркахъ см.: Агабековъ, Учебникъ туркменскаго нарѣчія съ приложеніемъ сборника пословицъ и поговорокъ туркменъ вакаспійской области, Асхабадъ, 1904; объ ихъ загадкахъ см.: Текинскія загадки (Туркестанскія Вѣдомости, 1906 г., № 141).—Последняя замѣтка написана нами.

отсюда и прозвище „Къръ-Колла“, „Слѣпой Мулла“¹⁾. Субханъ-верди заболѣлъ глазами лѣтъ 10 тому назадъ, и ни туркменскіе знахари („табибъ“, онъ же часто и кузнецъ, „уста“), ни русскіе врачи ему, по его словамъ, не помогли, вѣрнѣе же, по нашему, что онъ, какъ терьяк-кешъ, плохо лечился.

Глазныя болѣзни, какъ извѣстно, страшно распространены среди туркменовъ, но и удачно излечиваются нашими врачами, если больные серьезно и терпѣливо относятся къ лѣченію. Среди всѣхъ закаспійскихъ туркменовъ отъ Аму-дарьи до Астрабада пользуется извѣстностью и довѣріемъ мервскій глазной докторъ Г. В. Епинатьевъ, котораго туркмены зовутъ просто „гѳз-дохторъ“...

Растительность на лицѣ Къръ-Моллы весьма слабая. Волосы на головѣ, вопреки мусульманскому закону, запущены; въ нихъ уже проглядываетъ преждевременная сѣдина. Какъ мы замѣтили, Къръ-Молла не носитъ, въ отличие отъ своихъ единокѣрцевъ, тюбетейки („тагья“), а прямо мохнатую рыжую барашковую туркменскую папаху („тельпек“)²⁾. Здѣсь проглядываетъ небреженіе, можетъ быть, демонстративное, обрядовой стороною своей религіи. Поверхъ грязной бѣлой рубахи и такихъ же штановъ („кѳшек“ и „балак“) надѣтъ грязный, рваный, ватный халатъ („пахта-дон“), подвязанный вмѣсто кушака скрученнымъ грязнымъ ситцевымъ платкомъ („яглык“). На босыхъ въ болячкахъ ногахъ — стоптанныя туфли („коуш“). Въ рукѣ кривая палка... Такимъ мы видѣли его въ первый разъ, 3 сентября 1906 года въ агыр-башскомъ (колѣно рода бегъ отдѣла тохтамышъ) аулѣ, что въ мѣстности Перренгъ-чага, подъ самымъ Мервомъ.

Болѣе чѣмъ скромный видъ—у всѣхъ бахши средней руки, но бѣдность Къръ-Моллы — отъ его страсти къ опиуму. На это зелье идутъ всѣ его заработки и деньгами, и вещами, — все, что ему перепадаетъ въ чай-ханахъ и вертепахъ Мерва и на „той“

¹⁾ Если имя Молла указываетъ на духовный санъ, то ставится въ началѣ полного имени лица, напримѣръ, Молла — Сабиръ, а если это имя является только прозвищемъ, даннымъ не духовному лицу, то оно ставится въ концѣ полного имени лица; напр., Къръ — Молла. Надо еще замѣтить, что у туркменовъ, собственная школа которыхъ (мектебъ, медресе)—чисто духовнаго направленія, всякій грамотный является уже и моллой, а отсюда и двойное значеніе слова молла: „духовное лицо“ и „грамотный человѣкъ“.

²⁾ Тельпеки бываютъ разныхъ цвѣтовъ: черные, бѣлые, рыжіе. Есть разница въ формѣ тельпековъ мервскаго и ахальскаго: послѣдній выше. Намъ объясняли, что мода носить высокія папахи перенята ахальцами у милиціонеровъ туркменскаго дивизіона, а послѣдніе подражаютъ нашимъ казакамъ.

яхъ“, т. е. народныхъ торжествахъ въ аулахъ. Оттого у него и болѣзненный, нервный видъ. Онъ не сидитъ спокойно: если онъ не въ терьякъ-ханѣ, то во рту у него все-же шарикъ опиума и зеленый жевательный табакъ („нас“); лицо подергиваетъ, руки постоянно въ движеніи, — то онъ чешется, то что-нибудь крутитъ между пальцами. Душа его часто вступаетъ въ бесѣду съ Богомъ, ибо онъ всегда болѣе чѣмъ сытъ. Онъ безустали плюется зеленой отъ жевательнаго табаку слюной и тѣмъ дѣлаетъ свое присутствіе въ кибиткѣ („оі“) или саклѣ („там“) крайне стѣснительнымъ для ихъ хозяевъ...

Несчастный видъ поэта и умное выраженіе его лица (вѣдь не одни глаза могутъ придавать лицу то или другое выраженіе!) побудили насъ спросить его: пріятна ли, по его мнѣнію, чело-вѣческая жизнь? на что онъ отвѣтилъ стереотипной мусульманской фразой: „бу дуньб бивепа! Баки дуньб — о!“ т. е. „эта жизнь ненадежна! Вѣчна жизнь — та!“. И при этомъ онъ показалъ рукой на небо. Мы дальше спросили, доволенъ ли онъ все-таки *своей* жизнью, а онъ отвѣтилъ: „Если я и недоволенъ буду, то что смогу подѣлать?! Я не могу не быть довольнымъ Божьимъ предопредѣленіемъ, теждир’омъ!“...

До насъ никто не записывалъ произведеній Коръ-Моллы. Не только для того, чтобы побольше отъ него „выудить“, но и искренне подъ первымъ впечатлѣніемъ желая прочной памяти его не столь ужъ въ сущности цѣннымъ для широкой публики пѣснямъ, — мы сказали Коръ-Моллѣ, что ему слѣдовало бы давать ихъ записывать, а то онѣ умрутъ вмѣстѣ съ его смертью, — но онъ въ отвѣтъ промолвилъ: „а ну ихъ къ чорту!“ — „Какой симпатичный философъ“, подумали мы тогда, впоследствии же намъ пришлось разочароваться: диктуя свои произведенія, поэтъ настойчиво требовалъ, чтобы передъ каждой пѣсней отмѣчалось: „газаль-и-Коръ-Молла“, или „пѣсня Коръ-Моллы“. Непріятное впечатлѣніе неволью создавалось отъ разлада между возвышеннымъ, мистическимъ содержаніемъ нѣкоторыхъ изъ исполнявшихся имъ пѣсенъ и той грубой прозой, которой онѣ прерывались и сопутствовались: жеванье табаку, плеванье, почесыванье, отрыжка, циничная ругань, если забудется стихъ... Не хотѣлъ ли поэтъ такимъ поведеніемъ показать неуваженіе, преврѣніе въ этому обманчивому міру, приходило намъ на мысль и мы вспоминали при этомъ, какъ на старомъ Афонѣ, въ 1900 году, монахи наивно-искренне рассказывали намъ про одного подвижника: „вотъ какимъ униженіемъ подвергалъ себя этотъ святой человекъ въ сей жизни, чтобы быть вознесеннымъ

въ жизни будущей: онъ напивался дѣпьяна, валялся по землѣ и ругался свѣрными словами на глазахъ у всей братіи! "...

Спеціальность Кѳръ-Молла, какъ поэта — пѣсни хвалебныя, панегирики и хулительныя, сатиры. Онъ восхваляетъ народныхъ героев ближайшаго прошлаго и народныхъ благодѣтелей современности, въ чемъ сказывается, между прочимъ, его туркменскій патриотизмъ; онъ поетъ хвалу тѣмъ, кто дѣластъ ему подношенія; онъ прославляетъ знаменитыхъ коней, столь любимыхъ туркменами, — побѣдителей на скачкахъ; чай — этого неизмѣннаго спутника туркменскаго вейфа; мальчиговъ-бачей, которыми соблазняютъ городскіе притоны наименѣ стойкихъ изъ чистыхъ еще душой сыновъ степей. Хулу свою Кѳръ-Молла направляетъ на невѣрныхъ, или на тѣхъ изъ своихъ соплеменниковъ, которые жестоко обращаются со своей меньшей братіей, или же, наконецъ, на тѣхъ, кто просто не угодилъ поэту.

Постояннаго пристанища Кѳръ-Молла не имѣетъ. Если онъ не въ аулахъ, гдѣ какое-нибудь торжество, то въ городѣ Мервѣ, — на базарѣ, въ чайныхъ, въ притонахъ. И для каждаго мѣста и случая у него имѣется подходящий жанръ. Для вертеповъ — порнографическій, въ смѣшанномъ, восточно-европейскомъ духѣ, какъ и должно быть въ полувосточныхъ, полугерманскихъ городахъ Туркестана. Цинизмъ Кѳръ-Молла, его распущенность, его босячество пожалуй, главное его отличіе. Въ остальномъ, какъ мы замѣтили, онъ является довольно типичнымъ туркменскимъ пѣвцомъ — импровизаторомъ средней руки¹⁾.

II.

Первая пѣсня, которую исполнилъ для насъ Кѳръ-Молла, была „Пѣснь о Кошутъ-хайдъ“. Въ воротенькомъ прозаическомъ предисловіи къ этой пѣснѣ поэтъ выразился о себѣ такъ: „черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти (Кошутъ-хана) объявился нѣкій поэтъ, очень-то отъ Бога не кормящійся, народомъ питаемый, — по имени Кѳръ-Молла“. Пѣсня эта воспѣваетъ двухъ текинскихъ героев второй половины XIX вѣка, Кошутъ-хана и его спод-

¹⁾ Не беремся судить, поскольку на Кѳръ-Молла сказалося вліяніе средне-азиатскаго монашества, „дервишей“. Яркимъ полубогданымъ типомъ такого средне-азиатскаго „святого отца“, память котораго весьма чтится населеніемъ, является Мешребъ. Съ его оригинальными своей нескромностью подвигами можно познакомиться по статьямъ: Н. С. Лыкошина, *Диван-и-Машрабъ* (Туркест. Вѣдомости за 1901—1902 г.г.) и М. Гартмана, *„Meşreb, der weise Narr und fromme Ketzer. Ein zentralasiatisches Volksbuch“* (Der islamische Orient, Band I, Berlin, 1905).

вижника Аманъ-Сахатъ-сердара, прославившихся войнами съ персами (особенно 1860 года подъ Мервомъ) и хивинцами (особенно 1855 года подъ Серахсомъ, гдѣ тогда погибъ хивинскій ханъ Мухаммедъ-Эминъ) ¹⁾.

Какъ известно, во всей Закаспійской области и въ частности въ Мервскомъ оазисѣ вопросъ о водѣ является самымъ насущнымъ, первостепеннымъ вопросомъ; какъ-бы хороша ни была земля, а если ее нечѣмъ оросить,—она не имѣетъ никакой цѣны для тѣхъ изъ туркменовъ, которые существуютъ земледѣлемъ, а таковыхъ въ 1900 г. было уже 80% ²⁾. И потому вполне естественно, что вода, равно какъ и лица, близко стоящіе къ дѣлу орошенія, играютъ видную роль и въ поэзіи Кюръ-Моллы. Нами записано двѣ пѣсни, восхваляющихъ тохтамышскаго „пенджуара“, или надсмотрщика за Кошутбендской плотиной на Мургабѣ, Гарри-бега, сына еще здравствующаго „пенджуара“ времени самого Кошутъ-хана, Рамазанъ-хана. Одна пѣсня посвящена Гарри-Кызыль-пенджуару, двѣ пѣсни—прорыву и восстановленію Кошутъ-ханъ-бенда; въ первой изъ двухъ послѣднихъ пѣсенъ порицается жестокость „старшины и пенджуара“ Куль-хана и русскаго техника (сехникъ-баяръ), безпощадно каравшихъ нерадивыхъ работниковъ.

Въ остальныхъ изъ записанныхъ нами пѣсенъ воспѣваются: Юсупъ-ханъ, сынъ знаменитыхъ супруговъ Нур-берди-хана и Гуль-Джамаль ³⁾; Гарри-хашъ, сынъ Юсупъ-хана; Мел'ать,

¹⁾ Данныя по новѣйшей мервской исторіи см.: Алихановъ, „Мервскій оазисъ и дороги, ведущія къ нему“. СПБ. 1883 г.; Алихановъ-Аварскій (тотъ-же авторъ), „Закаспійскія Воспоминанія (Вѣстникъ Европы, томъ V, 1904 г.); O'Donovan, The Merv oasis, т. II, гл. XXXIX; Бартольдъ, Историко-географическій обзоръ Ирана, СПБ. 1903 г. стр. 32.

²⁾ О. А. Михайловъ, Туземцы Закаспійской области и ихъ жизнь, Асхабадъ, 1900 г., стр. 60. Съ земле-водопользованиемъ туркменовъ можно познакомиться по трудамъ: Матеріалы по землеводопользованію въ Закаспійской области, собранные и изданные по приказанію Начальника Закаспійской области, генераль-лейтенанта Д. И. Суботича, Асхабадъ, 1903; Матеріалы по водопользованію у туркменъ Закаспійской области, собр. Я. Таировымъ, Спб. 1904.

³⁾ Французскій профессоръ Cahun въ своемъ интересномъ, но мало-научномъ трудѣ „Introduction à l'Histoire de l'Asie“, Paris, 1896 г. пустилъ слѣдующую сплетню про эту выдающуюся туркменскую женщину: „Chez les Turcomans de l'Oxus, restés si fidèles au vieux droit coutumier, on a vu, récemment, la veuve du chef des Turcomans Tekké transmettre régulièrement ses pouvoirs territoriaux et politiques à la Russie, par mariage (курсивъ нашъ!) avec le colonel russe Ali-Khanoff, sans qu'aucun de ses sujets ait soulevé motif d'opposition“ (стр. 65). Источники не указаны! См. собственные показанія одной изъ жертвъ этой сплетни въ цитованныхъ выше „Закаспійскихъ воспоминаніяхъ“.

сказочный вонь ахальца Аширь-Кечэ; неизвестная красавица, которая въ слѣдующей пѣснѣ уже поносится, на чемъ свѣтъ стоитъ, ибо чѣмъ-то прогнѣвила поэта; чай и, наконецъ, мальчики-бача. Двѣ пѣсни являются подражаніемъ мистическимъ стихотвореніямъ Махтумъ-Кули.

Пѣсня, которую намъ сообщилъ Кюрь-Мола не безъ колебаній, и которую мы ниже приводимъ въ переводѣ, называется „Пѣсня о русскихъ“. Она сочинена въ архи-турецкой формѣ 11-слоговыхъ четверостишія, приспособленныхъ къ арабско-персидской формѣ „муребба“ ¹⁾, числомъ 12; совершенно лишена поэтическихъ достоинствъ; построена довольно нескладно, неискусно; не вездѣ легко понимается какъ потому, что изъ-за стиха поэтъ не всегда ясно выражаетъ свою мысль, такъ и потому, что поэтъ высказывается больше намеками; но при всемъ томъ пѣсня эта весьма интересна по содержанію.

Подъ идолами II четверостишія разумѣются иконы. Ушастыя собаки того-же четверостишія — дивовинка для туркменовъ, имѣющихъ обыкновеніе подобно нашимъ крестьянамъ обрубать уши у своихъ собакъ. Хотя и у туркменовъ, плохихъ мусульманъ, положеніе женщины не такъ низко, какъ у другихъ ихъ единовѣрцевъ ²⁾, но все-таки русскіе на ихъ взглядъ слѣшкомъ ужъ много даютъ воли своему слабому полу, на что намекаетъ 3-й стихъ все того-же II четверостишія. Насчетъ „водки—вина“ IV четверостишія справедливость требуетъ замѣтить, что и до прихода „невѣрныхъ“ „правовѣрные“ туркмены не всѣ были трезвенниками ³⁾. Стихи 1—3 четверостишія V заимствованы у Махтумъ-Кули. Данные о неоконченной вѣрности Кошутъ-

¹⁾ Несовершенство формы этой пѣсни состоитъ, между прочимъ, въ томъ, что не выдержано единства рифмы 4-аго стиха всѣхъ 12 четверостишія, какъ это полагается въ „муребба“.

²⁾ См. цитованную выше брошюру Михайлова, стр. 51.

³⁾ „O'Donovan, The Merv oasis“, t. II, стр. 130: „Opium smoking and arrack drinking are the common and wide-spread vices. In fact, the Mervli are Mussulmans in very little more than name“. Шинкарями въ свободномъ Мервѣ были евреи. Посудой при Donovanѣ служили бутылки изъ-подъ содовой воды съ русскими ярлыками. Бутылки попадали въ Мерв изъ Хивы и Бухары, а водка дѣлалась на мѣстѣ евреямъ по имени Matthi (стр. 285). Прошлое—на отвѣтственности отважнаго англичанина, нынѣ-же пьянство среди туркменовъ мы наблюдали только въ самыхъ скромныхъ разбѣрахъ, только какъ исключеніе. Какъ всюду въ средней Азии. и у туркменовъ съ приходомъ русскихъ мусульманство сдѣлало, повидимому, замѣтные успѣхи. Это хорошо, поскольку отъ этого становится лучше народъ, и это плохо, поскольку съ успѣхами правовѣрія растетъ темное вліяніе своекорыстнаго духовенства.

хана (VI четверостишіе) собраны покойными О' Донованомъ и Алихановымъ-Аварскимъ ¹⁾. Въ поясненіе 2—3 стиховъ того-же четверостишія и 1-аго стиха X четверостишія слѣдуетъ указать, что по убѣжденію текинцевъ Кошутъ-ханъ былъ отравленъ авганско-англійскимъ шпіономъ („эмиссаромъ“), извѣстнымъ подъ именемъ „Сіяхъ-поша“; взявшись лѣчить болячку на ногѣ хана, шпіонъ впустилъ будто-бы въ тѣло хана ядъ на остріѣ хирургическаго инструмента ²⁾. Упомянутое, начиная съ VI четверостишія, Кошутъ-хана, приведеннаго текинцевъ въ 50-ыхъ годахъ XIX вѣка изъ Серахса въ Мервъ и бывшаго послѣднимъ выдающимся правителемъ мервскихъ текинцевъ, а также Нуръ-берди-хана (X четверостишіе), послѣдняго славнаго правителя ахальскихъ текинцевъ—оба они умерли до прихода русскихъ въ Ахаль и Мервъ—³⁾ звучитъ какъ-бы сожалѣніемъ, что ханы эти не дожили до появленія новыхъ завоевателей: только они, „опоры мусульманства“ и могли-бы отстоять родину! Стихъ 3-ій VII четверостишія передаетъ поговорку, извѣстную и казакамъ-киргизамъ; ее произносятъ, когда хотятъ сказать, что времена измѣнились въ худшему ⁴⁾. Та-же мысль,

¹⁾ The Merv oasis, т. II, 143; Мервскій оазисъ гл. IV, стр. 51.

²⁾ О „Сіяхъ-пошѣ“ см. въ „Закаспійскихъ воспоминаніяхъ“, стр. 89, 104, 445, 446, 451, 453, 454, 455, 456, особенно двѣ послѣднихъ страницы. Пенджуръ, т. е. надсмотрщикъ за плотиной временъ Кошутъ-хана, Рамазанъ-ханъ (80 лѣтъ; нынѣ живетъ на покой у мѣста своей бывшей службы, на Кошутъ-бендѣ), дѣлясь съ нами своими воспоминаніями, упомянулъ, что Кошутъ-ханъ и его современникъ Абдулла-Ишанъ (медресъ его имени находится въ аулѣ Гѣкча) умерли отъ лекарствъ какого-то англичанина. Если это былъ дѣйствительно Сіяхъ-пошъ, то является вопросъ, точно-ли онъ появился въ Мервскомъ оазисѣ только въ 1882 году, какъ показываетъ Алихановъ (стр. 455)? Вѣдь Кошутъ-ханъ умеръ въ 1878 году! Мы постараемся выяснитъ это въ одной изъ слѣдующихъ нашихъ работъ о Мервѣ.

³⁾ Кошутъ-ханъ умеръ въ 1878 г. (По Алиханову, Воспоминанія, стр. 87; по О' Доновану, Merv-oasis, II, стр. 122). Его характеристику и его заслуги см. въ „Закаспійскихъ воспоминаніяхъ“, стр. 87. Нуръ-берди-ханъ умеръ въ 1880 г. (по Алиханову, тамъ-же, стр. 88; по Гродекову, Война въ Туркменіи, т. I, стр. 71). Его біографію съ нѣкоторыми хронологическими опечатками см. въ названномъ сочиненіи Н. И. Гродекова, стр. 67—71.

⁴⁾ См. Готовицкій и Пфеннигъ, „Двѣ статьи о киргизскихъ и сартскихъ народныхъ пѣсняхъ“ (Этнографич. Обзорніе, III, 73). Изъ пѣсни по умершемъ мужѣ: „Время измѣняется; ишакъ сталъ перегонять быстрога бѣгуна“.—Ишакъ у туркменовъ принадлежитъ къ числу „неблагородныхъ“ животныхъ, и слово ишакъ является браннымъ на ряду съ именами другихъ животныхъ: собаки (итъ), свиньи (донгузъ), верблюды (дѣд); сюда-же относятся: собачій сынъ (ит-оглы), свинячій сынъ (донгузъ-оглы). Въ ходу у туркменовъ ругань: эшек-эрмени (осель-армяшка), которую отгѣтилъ и О'Донованъ (цитованное сочиненіе, т. II, стр. 406).

повидимому, выражена и во 2-омъ стихѣ IX четверостишія. Въ противоположность умершимъ героямъ поэтъ невысокаго мнѣнія о своихъ современникахъ; противоположеніе это ярко резюмировано въ 1—2 стихахъ VIII четверостишія (см. также четверостишія III и IV). Красноголовыми (VIII четверостишіе) не одни только туркмены называютъ персовъ, имѣющихъ обыкновеніе, какъ извѣстно, красить себѣ волосы; своихъ южныхъ сосѣдей туркмены зовутъ еще „пюрсіанъ“, „веляегъ“ и просто „вуль“; второй терминъ изъ трехъ послѣднихъ мы должны понимать какъ „люди, подчиненные власти“ въ противоположность „туркменчлянъ“—„турменству“ (равно нашему „казачеству“), т. е. людямъ ни отъ кого независимымъ, каковыми были нѣкогда сами туркмены. Третье названіе значить „рабъ“; оно обязано своимъ происхожденіемъ тому обстоятельству, что персы являлись для туркменовъ до прихода русскихъ прежде всего „живымъ товаромъ“, объектомъ работоторговли ¹⁾. Стихъ 1-ый XI четверостишія, надо полагать, заключаетъ въ себѣ намекъ на побѣду Коушуть-хана надъ персами въ 1860 г., когда дѣйствительно сильно упала цѣна на персидскихъ рабовъ,—такъ много попало ихъ тогда въ текинскій плѣнъ ²⁾.

¹⁾ Ср.: „Histoire générale du IV siècle à nos jours“ par Lavissee et Rambear т. I, стр. 706: такъ какъ къ IX вѣку западные славяне были порабощены германцами, то „dès 828, le mot de Slave (sclavus) est employé comme synonyme de serf“. Здѣсь имя народа стало нарицательнымъ, а у туркменовъ нарицательное имя стало именемъ народа.

²⁾ Закаспійскія воспоминанія, стр. 88: „Цѣна на рабовъ спала съ 300 р. на 5“.

До прихода русскихъ — „красноголовыхъ“ много онъ (на себя) перенесъ!

Еще Кошутъ-ханъ придетъ, друзья!..

- IX. Вслѣдъ за Ахаломъ взяли (русскіе) Мервъ,
За наши веревки для жеребятъ привязали ословъ своихъ!..
Никто не займетъ Кошунъ-ханово мѣсто!
Еще Кошунъ-ханъ придетъ, друзья!

- X. У Кошунъ-хана на ногѣ появилась болячка...
Столько лѣтъ онъ, какъ перомъ писалъ, рѣзалъ невѣрныхъ!..

Народа предводитель, о, Нуръ-берди!..

Еще Кошутъ-ханъ придетъ, друзья!

- XI. Подешевѣла цѣна на „красноголовыхъ“...
Ахальскую крѣпость наполняетъ пушечный дымъ...
Тѣ два хана — столпы мусульманства!..
Невѣрныхъ больше, чѣмъ мусульманъ, друзья!

- XII. Чѣмъ дальше, все увеличиваются мученія Кюръ-моллы!
Не можетъ быть для невѣрныхъ пріятной жизни!
Когда они отправятся (на тотъ свѣтъ), развернутся (предъ ними) адовы врата!..
Невѣрныхъ больше, чѣмъ мусульманъ, друзья!..

Для предупрежденія разныхъ кривотолковъ мы считаемъ своимъ долгомъ подчеркнуть въ заключеніе широко и твердо господствующій среди туркменовъ взглядъ на новую стадію ихъ исторіи, положившую начало кореннымъ измѣненіямъ въ ихъ быту. Разумно перешагивая чрезъ немалочисленные недочеты закаспійской современности, туркмены искренне заявляютъ: „однимъ отживающимъ свой вѣкъ старикамъ, бредящимъ еще былой бездѣятельной свободой и былыми быстро обогащавшими разбоями — аламанамъ, (да лицемѣрнымъ ханжамъ, прибавимъ мы отъ себя) не въ могоу помириться съ новой жизнью, которая требуетъ постояннаго, мирнаго труда и которая только за такой трудъ вознаграждаетъ“.

Туркмены несомнѣнно приспособились къ новой жизни, имѣютъ свѣтлое будущее и, можно надѣяться, не дадутъ сбыться мрачнымъ пророчествамъ, нѣбогда про нихъ пущеннымъ въ обращеніе ¹⁾).

А. С—чъ.

¹⁾ „Война въ Туркменіи“, т. I, стр. 87. Иначе: Михайловъ, Туземцы Закаспійской области, стр. 78—79.

Особенности психического міра якутовъ Колымскаго округа въ зависимости отъ ихъ культуры.

(Продолженіе).

Б. Менерикъ.

Разряженіе безъ отношенія къ обществу людей. Нѣтъ опредѣленнаго объекта, нарушающаго психическое равновѣсіе.

1. Эрюка Антипина самый сильный Омерякъ ¹⁾ двухъ наслеговъ: 1-го Байдунскаго и 4-го Мятюжскаго.

Родилась она въ шаманствѣ, дѣвочкой 6—10 лѣтъ ее окрестили. Она—человѣкъ двухъ вѣръ. Православіе преобладаетъ надъ шаманствомъ, „наслѣжныя“ родовыя традиціи—надъ закономъ государственнаго строя.

Женщина очень разсудительная... Любитъ вспоминать старину... Охраняетъ тщательно культъ „наслега“.

„Рыбу свѣжаго промысла нельзя варить съ солью“.

„Нельзя, нехорошо топить камелекъ березовыми дровами: не будетъ промысла... Эрюкъ представляется голодъ всего народа. Нѣтъ промысла,—русскіе варятъ рыбу съ солью и топятъ березою...“

Она посылаетъ своихъ взрослыхъ внучекъ шпионить за русскими.

Ко мнѣ на Родчево пріѣхалъ товарищъ Шоргородскій въ 1891—92 году. Онъ думалъ заняться земледѣліемъ. Садилъ капусту, бураки, картошку, сбѣялъ другую огородину; немного ржи и ячменю.

За нимъ-то и шпионила Эрюка... Якуты скоро увидали, что я соблюдаю ихъ интересъ и не варю рыбы съ солью. Я жилъ около года „дюкакомъ“, т. - е. постояльцемъ. Пользовался орономъ... Все дѣлалъ на глазахъ якутовъ. Шоргородскій жилъ отдѣльно.. Якуты видѣли, что онъ носитъ березу на дрова...

На его грядахъ начали появляться кости рыбы и птицъ. Это Эрюка хотѣла показать землѣ, что якуты не оскорбляютъ

¹⁾ У якутовъ нерѣдко манѣрик и ѓмурѣх совмѣщаются въ одномъ лицѣ.

ея насиліемъ, не будутъ хлѣборобами. Она костями, остатками своей обычной пищи, какъ бы закрывала желаніе русскаго измѣнить родъ пищи и перейти на такой, при которомъ уже можно обойтись безъ рыбы и птицъ—этого дара земли и воды.

Русскій Богъ любитъ хлѣбъ, якутскій—рыбу и мясо. Русскій Богъ—сильнѣе, онъ нужнѣе послѣ смерти; якутскій—нуженъ здѣсь, на землѣ. Надо уважать обоихъ—рѣшаетъ разсудительная якутка.

Она инстинктивно чувствуетъ, что „русскій Богъ“ станетъ между человѣкомъ и обществомъ, научить людей лицемѣрью, разрушить культъ наслега съ его дѣвственной вѣрой во взаимную помощь другъ другу. Нужность человѣка въ человѣкѣ замѣнится нужностью Бога для человѣка.

Тяжело на душѣ Эрюки. Эрюка задумывается иногда; ходитъ грустная со своею любимою внучкою, 4-хлѣтной Джеджей, вокругъ огорода, этой угрозы якутскаго благополучія...

Былъ прежде одинъ русскій; жилъ смиренно, соблюдалъ наши обычай. У него было ухо, былъ ящикъ. Потомъ пріѣхалъ другой; этотъ ѣсть нашу пищу, не вредитъ намъ и нашимъ промысламъ... Теперь пріѣхалъ третій. Онъ варитъ рыбу съ солью, топить камелекъ березою, не выгребаетъ березовыхъ углей и золы, на березѣ варитъ рыбу новаго промысла... Онъ ломаетъ наслегъ...

Лѣтній вечеръ. Сидитъ Эрюка, задумчивая, на скамейкѣ въ юртѣ. Дверь изъ шкуры немного приподнята. Тлѣетъ, дымитъ сухой навозъ коровій снаружи у порога юрты... Струи дыма тянутся около щели приподнятой крыши-двери, не пускаютъ въ юрту комаровъ...

Около нея вертится ея любимица—младшая внучка Джеджа...

Безучастно смотритъ Эрюка на все окружающее, бессознательно любящей рукой гладитъ грязную со спутанными волосиками головку бойкой востроглазой дѣвчурки...

Ее гнететъ наступающая бѣда; бѣда идетъ, она давитъ ее. Нужно быть сильнымъ богатыремъ. Сильные богатыри борются съ духами. Да они сами—духи, сильные большіе духи!

Эрюка привскакиваетъ на скамейкѣ. Она чувствуетъ въ себѣ силу... Она—сильный богатырь... Она—духъ.

Теперь она не слабая старуха Эрюка... Мужественнымъ голосомъ, речитативомъ поетъ она. Въ этой пѣснѣ-рѣчи она изливаетъ свою душу. Ея мотивъ и слова—мотивъ и слова изъ якутскихъ былинъ вперемежку со злобою настоящаго дня, съ предсказаніями, иногда, будущаго... Она излагаетъ, что она чувствуетъ, чѣмъ она стала. Она—духъ умершаго родственника или знакомаго, предсказываетъ чью-либо смерть или вылодъ...

вление, удачу или неудачу промысла. Говорить о болѣзни скота, о неурожаѣ или урожаѣ сѣна.

Эрюка во время своего психическаго разряженія то садится на скамью, то вскакиваетъ; машетъ руками.

Ея блуждающій духъ можетъ совершенно уйти... Нужно закрыть плотно двери, занавѣсить окна.

Во время психическаго разряженія присутствующіе якуты сидятъ смирно. Собакъ выгоняютъ изъ юрты; лай собаки можетъ прекратить психическое разряженіе...

Послѣ непрерываннаго психическаго разряженія, субъектъ разряженія чувствуетъ усталость и душевное облегченіе.

2. Марфа Малая очень хочетъ имѣть дѣтей... Она три раза была беременна: разъ былъ выкидышъ, разъ ребенокъ умеръ въ день рожденія, а послѣдній умеръ черезъ три-четыре дня послѣ рожденія... Она менерячитъ три-четыре раза въ годъ... Видъ чужихъ дѣтей, особенно моихъ, вызываетъ у нея иногда, когда организмъ подавленъ, слезы... Она плачетъ о своемъ горѣ:

— „У всѣхъ есть дѣти, у меня нѣтъ. Богъ далъ тебѣ близнецовъ... Ты—старикъ и твоя жена—старука... У меня нѣтъ ни одного, мой мужъ молодъ“...

Слезы текутъ изъ глазъ бѣдной женщины... Свое желаніе имѣть дѣтей наши старыя дѣвы разряжаютъ въ кошкахъ и собакахъ. Такого суррогата образная культура непосредственныхъ чувствъ не можетъ терпѣть... Женщины-якуткѣ собачки и котята не могутъ замѣнить ребенка, не могутъ наполнить пустоту ея материнскаго чувства... Взять ребенка въ пріемыши для волымской матери-якутки почти невозможно... Это можетъ удасться только богатому человѣку. Чувство матери можетъ побѣдить нужда, соединенная съ корыстью. Одной нуждѣ не побѣдитъ ея. Только плохая мать рѣшится разстаться съ своимъ ребенкомъ. Горе Марфы—безъ исхода, безъ надежды на исходъ. Это горе стоитъ передъ нею постоянно. Психическое напряженіе, вслѣдствіе неудовлетвореннаго желанія, накапливается. Психическій зарядъ настолько силенъ, наконецъ, что нуженъ незначительный толчокъ—и разряженіе готово. Такихъ фактовъ всегда много даетъ жизнь. Мужъ ея, Данила, уѣхалъ отбывать натуральную повинность. Марфа видитъ пустое мѣсто около себя. Она не чувствуетъ около себя теплаго тѣла. Предъ ней картина сна ея сосѣдокъ. Обнаженныя тѣла маленькихъ якутатъ прижались въ обнаженному теплому тѣлу матери, взаимное прикосновеніе согреваетъ физически, согреваетъ психически и мать и дѣтей. Она—бездѣтная и одинокая, одна. Одна, и нѣтъ надежды когда-либо почувствовать пріятную теплоту и ароматъ нѣжнаго дѣтскаго

тѣла... Психическій зарядъ накопился, эта мысль является заналомъ, Марфа разряжается, она менерячить...

Марфа—омерякъ средней величины, даже ниже средняго. Она только вздрагиваетъ, произноситъ обычное слово, рѣдко повторитъ слово человѣка. Заставить её повторить дѣйствіе невозможно...

„Э! Э! Э!.. Оставь, оставь, не хочу!“—говорятъ въ такихъ случаяхъ слабне омеряки. Этими словами, самими ими сказанными, они побѣждаютъ въ себѣ желаніе повторить слово, повторить дѣйствіе, поддаться внушенію...

3. Афанасій Сивцевъ, братъ Марфы Малой, хочетъ обзавестись семьей. Онъ ищетъ любящей дѣвушки,—дѣвушки, въ любви которой онъ былъ бы увѣренъ... Его требованія идутъ въ разрѣзъ съ традиціонными понятіями якутовъ о половыхъ отношеніяхъ.

— „Это—такъ, я его не любила, тебя люблю“ — говоритъ якутка человѣку, котораго она дѣйствительно любитъ, т.-е. съ которымъ рѣшила соединить свою судьбу,—говоритъ про того, отъ кого у нея есть дѣти, или про того, съ кѣмъ не разъ ей случалось спать и кто давалъ ей подарки.

„Это—такъ“, не любовь, а временное увлеченіе физиологической потребностью не связанныхъ никакими обязательствами лицъ,—иногда и связанныхъ, замужнихъ, но—въ крайнемъ случаѣ, у представителей свободы любви. Послѣднее проявленіе свободы любви считается предосудительнымъ и осуждается общественнымъ мнѣніемъ,—правда, не особенно строгимъ въ подобнаго рода случаямъ.

Афанасій Сивцевъ — хорошій плотникъ, трудоспособный, усидчивый. Готовъ безвозмездно оказать каждому помощь своимъ трудомъ. Онъ человѣкъ душевный, ищетъ теплоты въ чловѣческихъ отношеніяхъ.. Прежде онъ менерячилъ очень рѣдко—разъ или два.

Какими предшествующими условіями сопровождалось психическое разряженіе—не знаю... Въ мою бытность на урочищѣ Родчево съ 1890 г. по 1904 годъ, Афанасій „шаманилъ“ по просьбѣ близкихъ людей, чтобы налѣчить отъ болѣзни. Онъ могъ вызвать у себя нервное разряженіе, накопивъ психическій зарядъ по заказу въ теченіе нѣкотораго времени, дня за три-четыре.

— Афанасій, я больна — скажетъ ему женщина, которая надѣется на то, что онъ не откажетъ—помоги мнѣ...

— Ладно!—отвѣтитъ Афанасій, продолжая работу и осматривая её со всѣхъ сторонъ.

Онъ будетъ работать и думать объ обратившейся къ нему женщинѣ. Если онъ къ ней расположенъ, если онъ её считаетъ почему-либо заслуживающею уваженія онъ будетъ ду-

мать объ ней долго, думать постоянно, съ желавіемъ помочь ей. Это желаніе помочь будетъ рисовать разныя картины изъ ея жизни, изъ жизни давняго, имъ слышаннаго.. Останавливаясь постоянно и упорно на желаніи помочь, онъ, наконецъ, накопитъ достаточно психическихъ силъ сильнаго заряда. Разрядъ бессознательный, сильный направитъ онъ въ сторону больной, въ сторону изысканія средствъ къ возможному выздоровленію. Наконецъ, „Афанасій шаманитъ для Хоспохъ“ — говорятъ якуты...—Онъ не настоящій шаманъ; если захочетъ, шаманитъ хорошо, т.-е. поможетъ.

Сила психическаго разряда близкаго человѣка помогаетъ присутствующей больной... Онъ укажетъ какое-либо средство изъ практики давняго прошлаго, которое, какъ вдохновеніе, подскажетъ ему бессознательная память,—укажетъ съ вѣрою, съ силою власти...

— Возьми рябую собаку, вынь трепещущее сердце и приложи его къ ногѣ!—прокричитъ онъ речитативомъ...

Во время „шаманства“¹⁾ Афанасій рѣдко предсказываетъ.

— Силъ нѣтъ, не могу,—отвѣтитъ Афанасій, не отрываясь отъ работы, если силъ дѣйствительно не окажется для накопленія заряда, или если онъ чувствуетъ, что не окажется.

Афанасій—честный якутъ. Ему за сорокъ лѣтъ. Въ послѣднее время вліяніе политическихъ ссыльныхъ сказалось на якутахъ, они рѣже прибѣгаютъ къ шаманству... Афанасій пересталъ шаманитъ... Многіе якуты начали давать предпочтеніе совѣтамъ доктора.

Профессиональный шаманъ умеръ въ 1892 году, а бубенъ запрятанъ неизвѣстно гдѣ; В. И. Юхельсону, члену Сѣверо-Тихоокеанской экспедиціи имени Джесупъ, не удалось его вытащить на свѣтъ Божій изъ амбара, гдѣ онъ лежитъ, дожидая шамана-профессионалиста.

Теперешніе шаманы шаманятъ безъ бубновъ.

1900 г. Родчево.

4. Оконэ²⁾ (Егоръ, вается) Дьячковъ... Нервный молодой якутъ лѣтъ 21—22, живетъ въ 60—70 верстахъ отъ Родчева. Промышленникъ онъ плохой, предпочитаетъ путешествовать вмѣсто того, чтобы промышлять. Его двѣ сестры — хорошія промышленницы, заботливыя хозяйки, самостоятельныя, дѣльныя. Съ Оконэ плутоватыя родоначальники часто берутъ натуральную

¹⁾ Вѣрнѣе—камлання. *Ред.*

²⁾ Начертаніе Оконэ недопустимо въ якутскомъ языкѣ въ силу закона послѣдовательности гласныхъ, согласно которому послѣ *о* могутъ слѣдовать гласныя *о* или *у*, но никакъ не *э*.

повинность, въ формѣ пищи, по два раза, часто его не въ очередь заставляютъ отбывать рядъ. Съ нимъ все это можно сдѣлать. Онъ производитъ впечатлѣніе человѣка неустойчиваго... Обязательствъ онъ не исполняетъ, проигрываетъ чужое...

Психическія разряженія у него часты. Шаманить онъ по просьбѣ. Онъ всегда заряженъ. Для заряда ему не нужно времени.

Въ дѣтствѣ, лѣтъ 12—14 отъ роду, онъ ушелъ въ лѣсъ; пропалъ нѣсколько дней. Его нашли и, ослабшаго, привели въ юрту. Съ этого времени у него начались психическія разряженія. И теперь, смотря на него, того и гляди онъ уйдетъ. Въ лѣсъ онъ не уходитъ. Въ лѣсу онъ былъ звѣремъ,—тѣмъ звѣремъ, шкуру котораго должны натягивать на шаманскій барабанъ и котораго, понятно, не существуетъ. Шаманскій барабанъ воспроизводитъ только схему формы этого звѣря.

Шаманить онъ, Оконэ, всегда готовъ. У него видъ несовершеннѣйшаго.

Оконэ начинаетъ обманомъ, кончаетъ искреннимъ увлеченіемъ. Послѣ разряда онъ еще безформеннѣе,—еще болѣе напоминаетъ какого-то слизняка въ образѣ человѣка, еще болѣе приниженъ, еще болѣе жалокъ и слабъ...

Тотъ профессиональный шаманъ, который умеръ въ 1891 году¹⁾, былъ высокаго роста, худощавый, съ смѣлымъ плутоватымъ лицомъ. Его имя—Афанасій, онъ умеръ далеко отъ Родчева, на „лѣсной сторонѣ Колымы“, въ глуши.

5. 1885 г. Декабрь. Жудейскій наслегъ. Наследный домъ. Длинная скамейка предъ камелькомъ. Лицомъ къ камельку сидитъ жена Миня Егорова. Она возбуждена. Была крупная сцена. Скоро праздникъ Рождества. У сына и у ней рубахи порваны; къ празднику нужны новыя. Минѣ Егорову нѣтъ дѣла. Онъ не покупаетъ... Недавно онъ, Мина Егоровъ, напился пьянъ. Его напоилъ Егоръ Абрамовъ. Купить рубахъ денегъ нѣтъ, на воду есть. Нѣтъ пищи; сколько времени уже пьетъ семья выварки, ѣсть „черный бутугасъ“ (похлебку). Повернувшись спиной къ камельку, упершись на колѣни, положивъ голову на руки, сидитъ Мина Егоровъ. Около, прижавшись къ отцу между колѣнъ, стоитъ младшій сынъ Миня Егорова. Мина чувствуетъ теплоту его тѣла. Давно уже не курила жена Миня Егорова. Бѣдность, нужда гнететъ ее; она не видитъ выхода.. Тамъ, далеко въ прошедшемъ,—достатокъ, почетъ. Къ нему возвратиться нельзя. Этотъ достатокъ, почетъ былъ здѣсь, въ домѣ ихъ, въ домѣ Миня Егорова.. Это было такъ давно. Вспоминанія о

¹⁾ Выше: въ 1892 г. *Ред.*

немъ, объ этомъ достаткѣ, нуждою и трудомъ изгладились изъ памяти бѣдной женщины, осталось одно смутное сопоставленіе... Хотонъ, коровы, починка рваной одежды притупили воображеніе.— Нѣтъ картинъ прошлаго, некуда уйти.. Отъ коровъ, хотона въ лѣсъ не уйдешь. Хотонъ, коровы, масло, хаякъ (якутское масло)—для другихъ; выварки, черный бугугасъ и кучи старыхъ отрепьевъ рубахъ—для нея... Возмущеніе, протестъ растетъ безсознательно. Накопляется энергія бѣдной женщины для протеста, борьбы... Психическій зарядъ силеѣт. Старая женщина привскакиваетъ, дрожь нервная пробѣгаетъ по всему тѣлу; Авдотья дѣлаетъ взмахъ руками. Она чувствуетъ притокъ силы, она менерячить. Въ ея менеряченъи нѣтъ конкретизаціи менеряченъи волимскихъ якутовъ. Она не предсказываетъ, не говорить, что она—не она, что она—сильный духъ. Она просто поетъ пѣсни изъ героическихъ сказаній, отрывочно, безъ связи. Одинъ выкрикъ, одно разряженіе безъ ясныхъ образовъ..

Покойно сидитъ Мина Егоровъ... Кажется, онъ безучастенъ. Это только кажется: онъ думаетъ о выходѣ, планъ у него готовъ. Онъ поѣдетъ завтра къ богатому якуту Оросину, дастъ „кабалу“¹⁾ подъ масло, подъ станочныя деньги,—возьметъ „убаху“²⁾, возьметъ кирпичъ чаю, возьметъ конецъ сней дабы..

Бѣдная женщина продолжаетъ разряжаться.. Она вскакиваетъ, машетъ руками, выкрикиваетъ мужественнымъ речитативомъ безсвязно отрывочныя фразы героическихъ пѣсенъ. Опять садится, опять вскакиваетъ.

Полчаса, м. б., не много болѣе, и разрядъ оконченъ. Безпомощно, ослабѣвшая, падаетъ она на руки Минны. Мина, поддерживая, помогаетъ ей, обезсиленной, лечь на оронъ... Все это Мина дѣлаетъ невозмутимо, какъ человѣкъ свѣдущій и привычный...

Назавтра Мина Егоровъ поѣхалъ къ Оросину.. Въ ночи онъ вернулся съ „убахой“, кирпичомъ чаю, концомъ дабы и еще, въ дополненіе, съ фунтомъ сахару, съ фунтомъ табаку. У Минны довольный, торжествующій видъ. Его жена имъ довольна.

— Мой хорошій сынъ!—говоритъ онъ, нарочно картавя сквозь стиснутые зубы страстнымъ тономъ; лаская сына, нюхаетъ его голову, достаетъ изъ кармана кусочекъ обгрызаннаго сахару, кусочекъ черстваго хлѣба—остатки угощенія у Оросина—и вручаетъ сыну, ожидающему этой подачи..

Черезъ нѣсколько дней у Минны Егорова пиръ. Убить „убаха“; на поскобленномъ столѣ лежать вынутыя изъ котла варенныя

1) Письменное обязательство.

2) Убаха—жеребенокъ.

толстыя кишки „убаһи“; лежитъ вареная печень; лежитъ „хаса“¹⁾). Жена набрасываетъ углей въ самоваръ... Мина рѣжетъ на части кишки. Онѣ налиты кровью съ кусочками жира, взмутвленной съ мукою и солью. Онѣ дѣлятся на всѣхъ: на присутствующихъ и на отсутствующихъ, отдѣльно живущихъ членовъ семьи. Они прѣдутъ и съѣдятъ реально свою долю. Теперь, на пиру они присутствуютъ идеально.

Тутъ же сидитъ Егоръ Абрамовъ и еще два-три якута-бѣдняка; имъ тоже отдѣляется часть... Остро наточенный, для этого случая, якутскій ножъ въ рукахъ Мины; ножъ знаетъ самъ, какую часть нужно отрѣзать почетному Егору и бѣднякамъ-гостямъ... Бѣдняки, съ плохо скрываемымъ ожиданiемъ яствъ, смотрятъ на описанный ножъ—центръ ихъ предстоящаго наслажденiя... Егоръ сидитъ съ достоинствомъ, но не безъ интереса,—ему, Егору, не каждый день приходится ѣсть любимую пищу якутовъ—вареную конину. Егоръ занятъ и другой болѣе важной комбинацiей... Онъ занимается контрабандной торговлей водкой.. Теперь дѣлаетъ подсчетъ, сколько и что можно взять отъ Мины за бутылку или двѣ водки, и соображаетъ, какъ это сдѣлать. Чтобы избавиться отъ непрiятности со стороны жены Мины, онъ ее угоститъ...

Наслажденiе пищей въ полномъ разгарѣ. Мина облизывается, посылая въ ротъ жирные куски кишки. Онъ виновникъ общаго наслажденiя.. Всѣ невгоды забыты. Онъ чувствуетъ себя счастливымъ... Егоръ угостилъ водкой его, Мину и его жену, съ соблюденiемъ обычая даль и гостямъ. Незамѣтно Егоръ перешепнулся съ Миной. Послѣ пира они вышли вдвоемъ и направились въ юрту къ Егору Абрамову... Прошло менѣе часа. Жена Мины Егорова успѣла поѣсть изъ своей доли, прибрать въ амбаръ доли другихъ, отсутствующихъ. Успѣла прибрать все со стола. За дверями шумъ. Возня... Отворяется дверь. Егоръ съ трудомъ протискиваетъ сильно охмѣлѣвшаго Мину Егорова.. Шатаясь изъ стороны въ сторону, добрались друзья до орона.. Мина Егоровъ не хочетъ разстаться съ другомъ. Онъ не хочетъ выпустить его изъ своихъ пьяныхъ объятiй... Мина чувствуетъ себя на верху блаженства... Навалившись на Егора, онъ сильнымъ голосомъ речитативомъ поетъ на ухо Егору пѣсню изъ якутскихъ былль.. Терпѣливо выносить это Егоръ Абрамовъ, поддакивая ему поощряющими мѣстоименiями: „Ноо! Нуу!“ Онъ сбылъ выгодно двѣ бутылки плохой водки, теперь можно перенести маленькую непрiятность въ теченiе часа-другого...

¹⁾ Брюшной жиръ.

Послѣ неудачной попытки опять идти къ Егору, Мину укладываютъ спать... Укладывалась, онъ бормочетъ какія-то слова... Мина Егоровъ заснулъ... Въ юртѣ тишина; съ ороновъ слышенъ храпъ всѣхъ тоновъ... Внезапно тишину нарушаетъ речитативъ-выкрикъ. Это послѣднія волны психическаго разряженія Мины Егорова. Онъ, охмѣлѣвшій, во снѣ чувствуетъ себя героемъ и бесвязно выкрикиваетъ речитативомъ слова якутской былинны.

Назавтра все пойдетъ обычнымъ порядкомъ. Каждый будетъ тянуть свою лямку, накопляя недовольство своимъ положеніемъ, впредь до того момента, пока сила накопленнаго недовольства не выльется въ ту или иную форму психическаго разряженія...

6. 1885 — 86 г. Жулейскій наслегъ, Ботурусскій улусъ, Якутскій округъ.

Богатый якутъ Васильевъ женатъ на сравнительно молодой, впечатлительной якуткѣ. Ея впечатлительная натура ищетъ ласки, любви, мужъ—только животнаго удовлетворенія. Не отдавая себѣ отчета, она чувствуетъ неудовлетворенность. Неудовлетворенность накапливается, отсутствіе соответствующаго разряда въ союзѣ брачномъ даетъ другой выходъ. Желаящая любви и ласки женщина идетъ въ лѣсъ, садится, въ 100—200 шагахъ отъ своей юрты, въ лѣсу подъ деревомъ. Оставшись вдаль отъ юрты мужа, сама со своимъ внутреннимъ міромъ, она разряжается, изливая бессознательно, въ лѣвннѣ сильныхъ героическихъ гѣсенъ, свою душу... Женщина, жена Васильева, менеричить...

У насъ, людей высшей культуры, власть факта сильнѣе каждаго отдѣльно взятаго лица... Мы далеко уже ушли отъ первичныхъ формъ. У насъ истерика и падухая уже не разряженіе; онѣ, эти формы, потеряли свою субъективную конкретность непосредственныхъ личныхъ настроеній, стали, такъ сказать, абстрактными, перешли въ болѣзни,—стали проявленіями не психическаго міра субъекта, а его нервной системы. Истерика и падухая—такіе же пережитки въ психическомъ мірѣ человѣка, какъ хвостцовые позвонки, придатокъ слѣпой кишки и т. п. пережитки въ фізіологическомъ мірѣ человѣка, указывающіе на происхожденіе его отъ низшихъ органическихъ формъ. Разряженіе перешло въ заболѣваніе. Заболѣваніе слабо—помогаютъ бромистые и другіе препараты; сильно—нужна цѣлая система лѣченія.

В. Даниловъ.

О Т Д Ъ Л Ъ П.

„Два Брата“.

Остяцкая легенда ¹⁾.

Въ 350-ти верстахъ отъ Тобольска, внизъ по теченію рѣки Иртыша, есть мѣстность, называемая „Два Брата“,—это двѣ горы: одна по правую сторону рѣки, другая—по лѣвую. Правая гора стоитъ отвѣснымъ утесомъ надъ самымъ берегомъ и омывается водою, отчего бывають частые обвалы. Лѣвая гора отъ Иртыша находится въ полуверстѣ; она представляетъ изъ себя островъ, такъ какъ притокъ Иртыша кольцомъ обогнулъ ее. Отъ стороны Иртыша эта гора имѣетъ семь уступовъ, какъ бы лѣстницу; вся гора обросла тальникомъ, лѣсомъ, разными растеніями, и очень живописна. На самой вершинѣ горы, во всю ея длину, есть три рва, или канавы, глубиною до 1-й сажени, а шириною отъ полутора до двухъ аршинъ. Эту гору Остяки называютъ „Чугасъ“, или „Городъ“.

На этихъ двухъ горахъ,—какъ передаетъ остяцкая легенда, — жили когда-то два князя, братья-богатыри; старшій братъ жилъ на правой горѣ, а младшій—на лѣвой; перваго звали Цянгайда, а втораго Теборетомъ. Старшій братъ былъ холостъ и о женитьбѣ не помышлялъ, а младшій надумалъ жениться и высматривалъ себѣ невѣсту. Жили они дружно и имѣли одинъ топоръ, который, въ случаѣ надобности, перебрасывали другъ другу черезъ рѣву.

Теборетъ былъ сильнымъ и славнымъ богатыремъ и имѣлъ много подданныхъ. Отъ нападенія враговъ его подданные защищались бревнами, которыми бросали въ непріятеля съ вершины утеса; но враги были умнѣе: они имѣли луки и стрѣлы

¹⁾ Легенда эта записана сельскимъ писаремъ одного изъ сель прииртышскихъ, нынѣ уже покойнымъ Матвѣемъ Константиновичемъ Батуринымъ, отъ котораго она перешла въ собственность бывшего издателя „Сибирскаго Листка“ А. А. Сыромятникова. Съ любезнаго разрѣшенія послѣдняго мы и помѣщаемъ ее. *Хр. Лопаревъ.*

и превосходно стрѣляли, такъ что бороться съ ними Теборету было невмочь. Желая помочь этой бѣдѣ, Тебореть собрали на совѣтъ своихъ подданныхъ Остяговъ и шамановъ. Они посоветовали своему князю обратиться съ молитвой къ богу, и Тебореть, послушавъ ихъ совѣта, принесъ въ жертву лучшаго быка и сталъ громко молиться, прося бога дать и ему какое-либо оружіе для защиты отъ врага. По окончаніи жертвоприношенія и молитвы всѣ легли спать, а на утро, когда Тебореть вышелъ изъ своего шалаша, то увидѣлъ столъ, а на томъ столѣ лежалъ огромный лукъ и стрѣла.

Князь очень обрадовался, и, желая испробовать дѣйствіе оружія, пустилъ стрѣлу прямо вверхъ. Лишь только стрѣла взвилась, какъ поднялся сильный громъ, — такой сильный, что Чугась вадрожалъ; всѣ страшно перепугались, даже самъ богатырь испугался. Громъ этотъ былъ слышенъ по всей окрестности и даже въ Кондѣ. Но вотъ все стихло и стрѣла упала неподалеку отъ шалаша Теборета и вся ушла въ землю, такъ что изъ земли былъ виденъ лишь маленький кончикъ. Князь хотѣлъ ее вытащить, но не смогъ; пробовали и другіе, но тоже не могли, а потому стрѣла и осталась въ землѣ; лукъ же положили на столъ, на прежнее мѣсто.

Прошелъ день, прошла и ночь. На утро выходитъ князь изъ шалаша и видитъ, что на столѣ, вмѣсто оставленнаго лука, — лежитъ громадный мечъ съ золотымъ эфесомъ. Этотъ мечъ такъ сильно блестѣлъ, что простому человѣку смотрѣть на него было невозможно, — а если кто взглянетъ, тотъ падаетъ безъ чувствъ; на этотъ мечъ безнаказанно могъ смотрѣть только одинъ князь. На мечѣ была сдѣлана надпись: „отъ Турымъ-Санги ¹⁾: далъ я тебѣ лукъ и стрѣлу, но ты не умѣлъ ими пользоваться и стрѣлялъ въ небо, чѣмъ оскорбилъ Турымъ-Сангу. Поэтому лукъ отъ тебя отымается, а взамѣнъ него вотъ тебѣ мечъ: имъ побѣждай враговъ“.

Прочитавъ ту надпись, Тебореть собралъ подданныхъ и рассказалъ имъ, какъ онъ, по легкомыслію, оскорбилъ бога, и вмѣсто лука теперь получилъ мечъ. И взялъ тотъ мечъ, желая показать его вароду; но при одномъ взглядѣ на мечъ всѣ попадали отъ страха, а тѣ, которые стояли поближе — оказались мертвыми. Тогда князь положилъ мечъ на столъ, а самъ сталъ молиться и принесъ богу благодарственную жертву. И съ тѣхъ поръ, какъ только непріятель нападалъ на его городъ, то князь

¹⁾ Турымъ-Санга, — это, по остяцки, — богъ.

одинъ выходилъ противъ цѣлаго войска, имѣя въ рукахъ свой чудодѣйственный мечъ. Какъ только враги увидятъ мечъ, то ближніе падаютъ, а дальніе, кто можетъ, спасается бѣгствомъ; а если князь взмахнетъ тѣмъ мечомъ, то стоящіе кругомъ падаютъ мертвыми, какъ подкошенная трава.

Вскорѣ слава про князя-богатыря и его славный мечъ разнеслась по Иртышу, по Кондѣ (притокъ Иртыша) и Оби, до самаго Обдорска.

Вздумалось Теборету жениться и пригласилъ онъ въ себя на совѣтъ старшаго брата Цингайду. Послѣдній очень одобрилъ намѣреніе брата и сказалъ, что очень тому радъ, такъ какъ оба они уже не первой молодости, а наслѣдниковъ не имѣютъ.

И сталъ Тебореть собираться въ путь—искать невѣсту, а брата попросилъ остаться въ городѣ для защиты его отъ враговъ.

Тебореть поѣхалъ въ Конду, потому что слышалъ, что у Кондинскаго князя есть красавица дочь-невѣста. Взялъ Тебореть съ собою трехъ богатырей: Катънаръ-Игу, который славился тѣмъ, что могъ въ одинъ присѣсть съѣдать семь быковъ; Сотника-Игу, славнаго своею силой—онъ садился на землю, бралъ въ руки лѣсину или желѣзо, въ родѣ большого лома, и его никто не могъ сдвинуть съ мѣста; Воксаръ-Игу, который славился удалствомъ бѣгать скоро,—такъ скоро, что догонялъ лисицу.

Въ сопровожденіи этихъ трехъ витязей, а также большой свиты и народа пріѣхалъ Тебореть въ Конду. Кондинскій князь принялъ ихъ съ большою почестью и велѣлъ заколоть большого быка, но Тебореть сказалъ князю: „что это ты только одного быка велѣлъ заколоть?!—тутъ и одному ѣсть нечего! Вотъ этотъ молодецъ одинъ съѣдаетъ по семи быковъ за-разъ“.

Появился князь и велѣлъ заколоть еще семь быковъ.

Всѣ стали ѣсть, веселиться и показывать свою удалъ. Сотникъ-Ига сѣлъ на землю, взялъ въ руки ломъ и предложилъ присутствующимъ попытаться сдвинуть его съ мѣста. Но сколько ни пробовали—никто не могъ его подвять, ни каждый порознь, ни всѣ мѣстѣ.

Тогда Воксаръ-Ига предложилъ бѣжать съ нимъ взапуски. Оказалось, что никто его не могъ догнать. Тогда выпустили черную отвормленную лисицу и собакъ: собаки не могли догнать лисицы, а Воксаръ-Ига ес догналъ и поймалъ, чему всѣ очень дивились.

Когда пиръ кончился, Тебореть сталъ сватать за себя княжну, говоря, что, если не отдадутъ добромъ, то все равно

возьмутъ ее силой. Жалко было Кондинскому князю отдавать свою дочь въ чужія руки, но видъ богатырей и ихъ угроза подѣйствовали; скрѣпя сердце, князь отдалъ дочь.

Женившись, Теборетъ собрался въ обратный путь, а Кондинскій князь, проводивъ зятя, пожалѣлъ, что отдалъ дочь, весьма досадуя на свое малодушіе. И собралъ онъ богатырей и народъ, и послалъ ихъ въ догонку къ Иртышнымъ богатырямъ, наказавъ, чтобы, когда настигнутъ ихъ, выжидали ночного времени и сонныхъ перебили, а дочь привезли бы обратно домой. Но Иртышные богатыри оказались хитрѣе: они замѣтили, что Кондинскому князю жалко было отдавать дочь, потому были насторожѣ и ночью ставили караульныхъ. Караульные, какъ только замѣтили опасность, тотчасъ подняли тревогу и всѣхъ разбудили; Теборетъ взялъ свой мечъ и всѣхъ Кондинскихъ людей перебилъ, а самъ, съ женою, благополучно достигъ своего княжества.

Теборетъ очень полюбилъ свою жену; отъ нея онъ прижилъ двухъ дѣтей, сына и дочь. Прошло много лѣтъ, и дочь Теборета стала 20-лѣтней красавицей; сыну же въ то время было всего 12 лѣтъ.

Узнавъ Обдорскій князь, что у его сосѣда—князя Иртышнаго—есть дочь-красавица, и поѣхалъ со свитой и народомъ сватать ту князю.

Приѣхали въ юрты *Сарацинъ* къ богатырю Воксаръ-Игъ и попросили его дать имъ въ проводники сына, потому что плохо знали дорогу.

Воксаръ-Ига сына отпустилъ, но приказалъ ему, чтобы онъ ихъ повелъ въ другую сторону, будто ошибочно.

Это Воксаръ сдѣлалъ для того, чтобы выгадать время, успѣть заблаговременно предупредить Теборета о прибытіи Обдорцевъ и сообщить ему цѣль этого посѣщенія.

Сказано,—сдѣлано. Сынъ Воксара повелъ обдорцевъ въ совершенно противоположную сторону и, только пройдя верстъ съ 10-ть объявилъ, что ошибся въ направленіи, а тѣмъ временемъ Воксаръ-Ига сбѣгалъ къ Теборету и рассказалъ ему обо всемъ, прибавивъ, что Обдорцы угрожаютъ взять невесту силой, въ случаѣ, если Теборетъ не захотѣлъ бы отдать ее добромъ.

Выслушавъ Воксара, князь тотчасъ пригласилъ къ себѣ брата и сталъ съ нимъ совѣтоваться: слѣдуетъ отдавать дочь за Обдорскаго князя, или нѣтъ. Подумавъ, Цынгайда объявилъ, что племяннику за Обдорскаго князя отдать можно, потому что князь тотъ сильный витязь, славный по всей Оби.

Рѣшивъ на этомъ, Теборетъ встрѣтилъ гостей съ большою почестью,—онъ созвалъ много витязей и богатырей и устроилъ пиръ великій.

Женившись, Обдорскій князь сталъ собираться въ обратный путь. Передъ самымъ отъѣздомъ, Обдорскому князю и его свитѣ пожелалось взглянуть на славный мечъ Теборета, но Теборетъ показать меча не хотѣлъ, отговариваясь тѣмъ, что видъ меча могъ бы повредить гостямъ. Но такъ какъ Обдорскій князь настаивалъ, то Теборетъ вынесъ мечъ, но въ чехлѣ, и, надѣвъ его, показалъ только одинъ эфесъ. Но и этого было достаточно: отъ сильнаго блеску всѣ попадали и лежали ничкомъ нѣсколько времени. Однако, очнувшись, они вновь стали просить показать имъ всю саблю, и Теборетъ, уступая ихъ желанію, вынулъ саблю до половины.

Отъ вида сабли многіе изъ простаго Обдорскаго народа померли отъ страха, а князья много времени были безъ чувствъ. Очнувшись, князья стали завидовать такой саблѣ и придумывать способъ завладѣть ею.

И придумали пригласить Теборета проводить ихъ, намѣреваясь, когда послѣдній сядетъ въ лодку, столкнуть его въ воду, а такъ какъ онъ былъ въ кольчугѣ, то утопить его не представлялось трудности. Теборетъ, не подозрѣвая заговора, пошелъ проводить зятя и дочь, а сынъ его вышелъ на нижній уступъ Чугаса и сталъ на утесъ. Этотъ сынъ разстраивалъ весь планъ Обдорцевъ, а потому они придумали убить сначала сына, а уже затѣмъ утопить отца. Съ этою цѣлью они выжились показывать свое искусство въ стрѣльбѣ, и стали стрѣлять изъ лука въ разныя стороны, а затѣмъ, будто ненарокомъ, убили молодого князя. Теборетъ вступалъ уже въ лодку, какъ услышалъ крикъ своихъ подданныхъ, что сынъ его убитъ.

Въ страшномъ гнѣвѣ вынулъ Теборетъ свой мечъ и перебилъ всѣхъ Обдорцевъ, не пощадивъ и своего зятя. Въ живыхъ оставилъ только трехъ человѣкъ, которыхъ отпустилъ обратно въ Обдорскъ, наказавъ имъ, чтобы они передали своимъ о томъ, какъ онъ справился съ неблагодарнымъ княземъ и его витязями.

Дочь свою Теборетъ увелъ къ себѣ и вмѣстѣ съ нею сталъ оплакивать смерть возлюбленнаго сына.

Теборетъ прожилъ до глубокой старости и больше никакихъ злоключеній не имѣлъ. А если случалось, что враги отваживались нападать на его городъ, то онъ, благодаря своему мечу, всегда ихъ побѣждалъ и прогонялъ.

Сибирскія пѣсенныя старины.

(Окончаніе).

60.

Не кокушечка кокуеть во сіромъ бору,
Не дѣвонюшка слезно плачетъ,
Понапрасну слѣзы льетъ.
Какъ, *говоритъ*, мнѣ не плакать,
Какъ мнѣ не тужить,
Одинъ то одинъ у насъ садъ зеленой
И сталь онъ, *говоритъ*, садикъ подсыхать.
Одинъ-то онъ одинъ у насъ другъ любезной
И сталь онъ, другъ, уѣзжать.
Я съ тово-то сгоря и кручины розгуляльца пойду,
Зайду-то я зайду на новую на пашню,
Во весь день я буду сидѣти
И на родимую на сторонку и на веселую буду глядѣти.
Со родимой со сторонки дуетъ вѣтеръ холоденъ,
Со край, говорить, со сторонки молодой куливеръ бѣжить.
Куливертичекъ ты, сивой голубчикъ,
Ты куды скоро бѣжишь?
Я говорить бѣгу и лѣчу,
Лѣчу къ дѣшѣ Машѣ
И письмо Машѣ несу
Несу письмо подъ чернымъ сургучомъ

Д. Кеж. Занка.

Евгр. Поповъ.

61.

Куды миленькій задумалъ по дорожкѣ?
Въ чисто поле на дугъ на долину.
При дѣлинушѣ стоитъ кусть малины,
Подойду я къ кусту поближе,
Поклонюсь пониже;
Сорву я съ кустика вѣтку,
Поставлю вѣтку въ клѣтку,
Стой-ко ты вѣточка въ клѣточкѣ,
Стой и не матайся
Живи-ко ты, моя милая, не печалься,

Письмамъ ко мнѣ отвѣчайся.
Отвѣчать бы я тобѣ отвѣчала,
Писать сама не сумѣю
Писарямъ плутамъ не довѣрю,
Напишу-то я письмо ни перомъ ни чернилами,
Напишу-то я письмо горечми слезамъ,
Отошлю я письмо со друзьями,
Съ буйными со вѣтрами.

Д. Кеж. Заимка.

Н. Заборцева 17 л.

62.

Ростаяжны прокляты комары!
Не дають то мнѣ раздѣвчонѣ ночьку спать;
Чуть заснула пробудилась на расвѣтѣ молода,
Слышу-вижу на окошкѣ соловья;
Разсоловьешко некланятьца, сидитъ,
Я младѣженя по горенкѣ хожу,
Частымъ грѣбешкомъ русы волосы чешу
И расказинный день въ окошничко гляжу,
Гдѣ бы, гдѣ-бы мнѣ милова увидать
И во глаза ему, мерзавцу, попенять
„Разсукисынъ-бездѣльникъ, пошто отъ красоточки отсталъ?
Зачѣмъ, пошто негодайку любить сталъ?
Она разсукя блѣдна, негодна никуда,
Лицо бѣло призогорѣлое
Очи ясны помутилися у неѣ-те
Черны брови какъ у ясна сокола“.

С. Богучаны.

Марко Мutowкинъ.

63.

Я стояла примѣчала
Какъ рѣка быстро течеть
Рѣка быстра, вода чиста
Какъ у милова слеза.
Не прогибайся, другъ мой милой,
Што я буду говорить.
„Ты родителей боишься,
Ты не хочешь мнѣ любить.
Я не вбѣсѣ дѣвва глупа,
Нѣ совсѣмъ я сирота,
Есть отецъ и есть мать,
Есть и два брата-сокола,
Два воронны коня,
Два воропенькя,
Два черкацкя сѣдла,
Два булатны ножа,
Ужъ я етими ножами

Буду милѣнка торзать —
Ты раскуинь-сыпъ мошенникъ!
На дорожкѣ догоню, (2 р.).
Твое тѣло испорю,
Съ твою бѣла тѣла,
Пирожковъ я напечу,
Съ твоей алой крови
Я наливочку сварю,
Изъ твоихъ костей-суставовъ
Кроваточку сдѣлаю¹⁾.

С. Кежемское.

Фекла Кокорина (подростокъ).

64.

Ужъ вы, дѣвки красныя,
Не ходите вы скоро замужъ!
Не ровно то замужъ выйдетца
Не ровенъ то мужъ навязитца,
Не ровенъ то мужъ-неровнюшка,
Не опустить погулять;
А хоть опустить,
Самъ съ окошечка глядять.
Ужъ онъ пьяница-пропойца, зеленые глаза!
Съ кабаку-то идетъ шатаетца,
На сырѣй землѣ валяетца,
Надо мной младою изголяетца.

С. Кежемское.

Ф. Кокоригъ.

65.

Ночи мои, ночи мои были тѣмныя!
Надобли вы, мои ночи, надоскучили,
Съ милымъ дружкой разлучили!
Со милымъ дружкой я разругалась, ращиталась;
Назвала я дружка горькой пьяницей,
Пьяницей-пропойникомъ,—пропилъ промоталъ
Все житье-бытье, имѣнницю;
Во кабакъ идетъ-шатаетца,
Съ кабаку идетъ-валяетца;
Надъ своей ту женою изголяется;
Заставляетъ онъ жону раззывать-роздѣвять;
Отворяй ко, ты, жона, воротичка,
Опускай ко ты мужа—разбойничка!

Д. Кеж. Заимка.

Н. Заборцева, 17 л.

Сходные варианты отмѣчены у А. Соболевскаго. („Великор. нар. пѣсни“, т. V, стр. 278—279; № 356 (Тамбов. г.), 357 (Тульская г.), 358 (Пермская), 359 (Вятская „Хоровая“). Встрѣчается у А. Соболевскаго.

¹⁾ Поется въ Кежемской и Пинчужской в.в.

66.

У кубчика было у богатова
Случилось злое несчасьецо,
Воронных коней поймали,
На шолковой на уздицѣ споймали;
Да молодая жона мужа спотѣшила,
Да вострымъ ножомъ сердце спорѣзала,
На ножичкѣ ретиво сердечко стрепехнулося,
Стрепехнулося,—молода жона ужахнулася,
Ужахнулася и усмѣхнулася:
„Што ты, мой мужъ, буйну голову повѣсилъ“?
— „Жона ты, моя курва-разбойница,
Загубила ты мою буйну головушку!“

Д. Дворецъ.

Крестьянинъ-ангарецъ.

Сходныя по сюжету съ этой пѣснею отмѣчены А. Соболевскимъ.
(„Великорус. нар. пѣсни“, т. I, стр. 185—191; губерніи: Саратовская,
Астраханская, Рязанская, Вятская, Вологодскій у., Тульская и „Шѣ-
сенники“, 1780 и 1810 г.г.).

67.

Знать то по сѣничкамъ мнѣ не хаживати,
Старова чорта не важивати.
Прялочку взяла, на посидѣночку пошла;
Курь то запѣли, я сижу таки сижу;
Втѣры то запѣли, я не думаю ити;
Чуть зоря занялась, я млада собралась—
Прялочку подѣ лавочку, за старова лягла.
Курва-жона, не сичасъ ли ты пришла?
Старой чортъ, тебѣ брезжитца:
Я хочу вставать, хочу печку топить;
Печку топить, тебѣ кашу варить,
Тебѣ кашу варить, тебѣ старова кормить.
Я для старова сама не лиха—
Старой для миня таки добръ, таки добръ;
Я для старова сама не лиха:
Цетелькю на шею набрасывала,
Душѣ-милому кубцу подала:
„Милой, подтани, душа-радость, подтани,
Подтани ко подтани, душа-радость, подтани!“
Старикъ захрапѣлъ, ровно спать захотѣлъ;
Выпучилъ глаза, ровно сердитца;
Вывалилъ азыкѣ, ровно дразнитца.

Д. Кежем. Заинка.

Паремь 17 лѣтъ.

68.

Веселый пирь-бесѣдушка, гдѣ батюшко пѣть;
Онъ пить то не пѣть, родимой мой, за мною все шлеть.
Какъ я то млада младешинька замѣшталася,
За гусемъ и за лебедемъ, за журачкой
И за мелкой птицей, за сѣрой утицей.
А какъ журачка по бережку похаживаетъ,
Муравую травеньку пощивливаетъ,
Ключеву водицу прихлебываетъ,
За рѣченьку за быструю посматриваетъ.
Стояло тамъ селенницо—четыре двора,
Въ етомъ во селенницѣ—четыре кумы.
Ужъ вы, кумушки, подруженьки, голубушки мои!
Пойдете во зеленъ садъ—возьмите мнѣ;
Вы станите цвѣточки рвать—сорвите мнѣ;
Вы станите вѣночки вить—завейте мнѣ;
Пойдете вы на Дарью рѣку—возьмите мнѣ;
Тамъ станите вѣночки бросать—бросьте-ко мой.
Всѣ вѣночки по веру воды;
У всѣхъ то милѣе друзья да съ Дону пришли,
А моево то дружка съ Дону нѣту-ка!..

С. Ужуръ. Анна С. и Надежда Ел. Аманьины (замужнія).

Подходящій вариантъ у А. Соболевскаго (т. II, стр. 216, № 262 и др.).

69.

Не калинушка съ малинушкой—лазоревоѣ цвѣтъ...
Веселая бесѣдушка, гдѣ миленькоѣ пѣть.
Онъ пѣть то не пѣть, голубчикъ мой,
За мною младою шлеть.
А я то, молада-младешенка, замѣшталася
Не за утками, не за гусями и не за лебедамъ,
А за малою за пташкой, за журушкою.
Не журавлюшка по бережку похаживаетъ,
Камышь-травку шелковую поклывываетъ,
Ключевой воды приливуетъ,
Какъ за рѣченьку за быструю посматриваетъ.
По за рѣченькой не за быструю слобода стоитъ,
Не малая ета слободушка—четыре двора,
А во етой во слободушкѣ—четыре кумы.
Вы, кумушки—голубушки, подружки мои,
Вы кумитесь любитесь—любите мнѣ,
Вы пойдете гулять во зеленъ садъ—возьмите мнѣ,
Вы будете со травы цвѣты рвать—сорвите-ко мнѣ,
Вы будете вѣночки свивать—и совейте-ко мнѣ,
Вы будете на головки надѣвать—и надѣвайте-ко на меня.
Д. Каменка. А. К. Кокоринъ.

Очень сходныя съ вариантами у В. Соболевскаго (т. II, стр. 216, 219 и 222; № 262 (Тверская и Рязанская губ., Донская обл.) № 266 (губ.: Нижегородская, Вологодская и Терская обл.).

70.

Я вечеръ, млада, во пиру была,
Во пиру была, во бесѣдушнѣ:
Я не мѣдъ то пила, не наливочку,
Я пила, да млада, сладку водочку,
Я не рюмочкой, не стаканчикомъ,
Я пила, да млада, изъ полуведра,
Изъ полуведра, черезъ край до дна.
Темнымъ лѣсомъ шла—не боялася,
Чистымъ полемъ шла—не шаталася,
Ко двору пришла,—пошатнулася,
За веревку ухватилася.
Верея, моя веревушка!
Поддержи миня, бабу пьяную,
Бабу пьяную, бабу хмельную!..

Г. Енисейскъ и др. мѣста.

Е. Ефимова.

Весьма сходная съ такою же пѣсней, отмѣченной А. Соболевскимъ въ II, стр. 338, № 401 („Великорус. нар. пѣсни. Другіе сходные варианты А. Соболевскимъ взяты изъ „Пѣсенниковъ“¹⁾).

71.

Ванюша не весель,
Буйну голову повѣсилъ,
Черной шляпой принакрылся,
Горючимъ слезамъ облился,
Родной мамушѣ взмолился:
„Ужъ ты, мать моя родима,
„На што на горе рѣдила,
„Недоростивомъ женила?“
Жена мужа не влюбила,
Постелѣчку жоско слала,
Взголовьицо низко клала,
Адѣльцо комкомъ бросала,
Мнѣ мамка не родная,
Со кроваточки столкнула,
Ручку-ножку извихнула.

Д. Кеж. Заника.

Бр. Пудовы.

72.

Со плохово времячка въ жарь сѣно люди косять,
Не опустятъ меня добрава молодца и погулять,
Хоть и опустятъ размолодчика,
Не съ кѣмъ будетъ и погулять,
Распрекрасной души Шашонки нѣтука при мнѣ,
Распрекрасна душа Шашонка живетъ на той сторонѣ,
На той сторонѣ—во новой слободѣ.
Во той было стороночкѣ горы стоять высокі,
На етихъ горахъ стоять лѣса темны,

¹⁾ 1810, 1819 гг. Указаны записи въ губерніяхъ: Костромской (№ 402), Тамбовской (№ 403) и Вятской (№ 404).

За етимъ было за лѣсичкомъ лужка зелены,
Въ етихъ во лужкахъ стоятъ волости новы,
Во етихъ волостяхъ стоятъ стѣлы дубовы,
За етимъ за стѣлчicomъ сидятъ писаря молоды—
Изъ нихъ одинъ расписарчичекъ, мальчишко-молодой,
Пишетъ письмо-грамотку Шапоныкъ своей.

С. Богучаны.

Кр. Еф. Мutowинъ.

73.

Зѣленая ты, кедрá, стоишь,
Подъ тобою я, кедрá, сижу,
Съ милымъ рѣчи баю-говору:
„Новообразной, милой дружокъ мой!“
Не возлюбила же Мáша мина,
Пóлюбила же Мáша старика—
Девеносто ему семь лѣтъ,
Въ ротѣ зубовъ нѣтъ.
Пойду съ горы утоплюся,
Пойду я въ садикъ разгуляюся,
Пойду я въ садикъ удавлюся
На частымъ ракитовомъ кусту,
На шолковомъ своемъ поясу.

С. Богучаны.

Марко Мutowинъ.

74.

За моремъ синичка не пышно жила,
Не пышно жила, пиво варивала:
Солоду купила, хмелю займы взяла,
Пива наварила, гостей назвала,
Гостей назвала—мелкихъ пташечокъ.
Совушка-вдовушка незваная пришла,
Незваная пришла—снигиря привела.
Совушка по горенкѣ похаживаетъ, (2 р.).
Снигирушкѣ головушку поглаживаетъ.
Мелки пташки межъ собою говорятъ:
„Што же ты, снигирушко, не женишься?“
—„Радъ бы я женился—да некого взять!
Взялъ бы я пернатку—да matka моя;
Взялъ бы я чечетку,—да тѣтка моя;
Взялъ бы я синичку—сестричка моя;
Взялъ бы я сороку—чекотливая она;
Взялъ бы я ворону,—толстоногая она.
Есть за моремъ перепелочка—
Она мнѣ не мать, не тѣтушка, (2 р.).
Я ее люблю за себя замуъжъ возьму!“

Г. Енисейскъ и др. мѣста.

Е. Ефимова.

А. Соболевскій („Великорус. народ. пѣсни“, т. III, стр. 242—243; ближе всего сходные варианты: № 294 („Пѣсенникъ“, 1780 г., ч. I), 295 („Пѣсенникъ“, 1819 г., ч. II) и 296 (Владимір. губ.),

75.

Нашъ товарищъ былъ пробойной,
По бѣлу свѣтѣ да ушолъ.
Добрыя люди доказали:
Взяли Ваню во полонъ,
Руки, ноги заковали,
Повели Ваню вострогъ.
Видитъ домичикъ огромной,
Кругъ оградой обнесень,
Тамъ посаженъ злой невольникъ,
Онъ навѣки осуждёнъ.
Съ того гора, со кручины
Онъ лёжился спать одинъ,
Ему снится сонъ престрашной —
Чёрной воронъ прокричалъ...
Утромъ рано пробудился,
Хотѣлъ сонъ свой рассказать...
Отворили больши окопкы,
Ключъ по камару прошолъ;
Ключникъ двери отпираетъ,
Поимянно вызывать:
„Выходи ко, злой невольникъ,
„Выходи, Кочневъ, сюда!“
Вышолъ Кочневъ за ворота:
Окружилъ-то ево конвой,
Руки, ноги заковали
Ко чугунному столбу,
Тѣло бѣло истерзали
На кинжалахъ, на ножахъ,
Серцо ало разорвали
Но по мелкнмъ по частямъ.

С. Кежма, 1907 г.

Бр. Ѳ. и Кокорины.

76.

Распослѣдней вечеръ я проклаждался
Ой да, знать, у любуши Маши своей.
Здрастуй-огъ, Любуша, прощай, сударка!
Ой да, знать, отъ уѣду я, мальчикъ, отъ васъ.
Знать уѣду я, да больше не приѣду,
Ой да, что на тотъ погибельный Капказъ;
Разъ на томъ ли погибельношъ Капказъ
Ой да тамъ построень ново-новой большой домъ;
Разъ во етомъ то было во домичкѣ
Ой да два солдати-ка, ой братца живутъ;
Какъ одинъ отъ изъ нихъ братецъ-солдатикъ
Ой да хотѣлъ грудь съ тоски свою сразить;
Какъ другой отъ изъ нихъ братецъ-солдатикъ
Ой да свою голову срубилъ...
Покатилася ета головка
Ой да со могучихъ съ плечъ да моихъ.

С. Кежма, 1907 г.

Ѳ. Т. Кокоринъ.

Изъ якутской старины.

Объ образованіи Баягантайскаго улуса, Якутскаго округа.

Нижеприводимый, въ буквальномъ переводѣ, рассказъ принадлежитъ перу якута Баягантайскаго улуса П. Е. Готовцева и переданъ мнѣ Л. Г. Левенталемъ, моимъ сотоварищемъ по Якутской экспедиціи, снаряженной на средства И. М. Сибирякова (1894—1896 гг.). Оригиналъ озаглавленъ такъ: „Рассказъ. Отъ образованія Баягантайскаго улуса изъ размножившихся родниковъ (якута по имени) Баі-аа и присоединившихся (къ нимъ родниковъ) другихъ улусовъ до 10-й ревизіи“.

Человѣкъ по имени Баі-аа, очень умный и разсудительный, жилъ вмѣстѣ со своими многочисленными родниками въ мѣстности, ограниченной съ востока рѣкою Алданомъ и съ запада „травянистой рѣкой“, называемой Танда ¹⁾. Имена тогдашнихъ людей, вѣроятно, были тѣ же, которыми теперь называются рѣки, рѣчки, елани и покосные участки отдѣльныхъ лицъ, въ родѣ Танда, Танданы ²⁾, Хаптаны, Дадар, Улуккутчу, Мбгютчу ³⁾. Повидимому, это такъ и было въ дѣйствительности.

Когда они такимъ образомъ жили-множились, русскія власти сдѣлали слѣдующее распоряженіе:

— Для уплаты податей вамъ гораздо лучше будетъ раздѣлиться на отдѣльные наслеги; въ каждомъ наслегѣ у васъ будетъ тоюн (господинъ, начальникъ), такъ называемый „князецъ“ ⁴⁾; затѣмъ у всѣхъ васъ должно быть одно должностное лицо—„голова“; тогда всѣхъ всѣхъ вмѣстѣ нужно будетъ писать и называть Баягантайскимъ улусомъ.

Согласившись на это, роды, по мѣстамъ своего жительства, образовали 1-й, 2-й и 3-й Баягантайскіе наслеги, нѣкоторые—Сасыльскій наслегъ, а тѣ люди, которые пришли сюда изъ мѣстности Киллѣм ⁵⁾, Западно-Кангаласскаго улуса, образовали Кангаласскій наслегъ. Эти пять наслеговъ составили Баягантайскій улусъ.

¹⁾ Притокъ Алдана.

²⁾ Находящійся на Тандѣ.

³⁾ Л. Г. Левенталь, въ выноскѣ къ данному мѣсту прибавляетъ отъ себя: „и такія названія, какъ Кубалъх, Хамыстах, Хатыстах, Туружалъх, Ытыккюбѣ, О јун кюбѣ, Балыктах и т. п. Кроме того, Симонъ Слѣпцовъ (якутъ Баягантайскаго улуса) утверждаетъ, что много есть названій туингусскихъ“.

⁴⁾ Съ 1822 г. официально называется старостой.

⁵⁾ Нынѣшній Кильдемскій наслегъ.

Исторіи отдѣленія Кангаласскаго наслега и присоединенія его къ Баягантайскому улусу, по слухамъ, такова. Въ Западно-Кангаласскомъ улусѣ, въ мѣстности Кильдемскаго наслега, былъ, говорятъ, правнукъ Дыгми'а, внукъ Маньсыт'а ¹⁾, сынъ Бодома (Бодуома), по имени Курджана. Этотъ Курджана, вслѣдствіе притѣсненій и обидъ со стороны русскихъ, придумалъ слѣдующее:

— Если я поселюсь (гдѣ-нибудь) далеко, лучше будетъ, да и потомкамъ моимъ до поры, до времени необходимо жить въ вольной странѣ.

Убѣдивши сколько-то народу слѣдовать за собою, Курджана, со своими пятью сыновьями и скотомъ, отправляется на р. Яну.

Во время пути родной братъ Курджана, старшій или младшій, вмѣстѣ съ двумя или тремя домочадцами, остался на берегу Алдана, въ мѣстности, занимаемой теперь Чериктейскимъ наслегомъ Дрисюнскаго улуса. Нынѣ, среди немногихъ ихъ потомковъ, первымъ (лучшимъ) считается Василій Петровъ Поповъ ²⁾, пользующійся нѣкоторою извѣстностью.

Курджана со своими родниками достигаетъ Яны, гдѣ живетъ годъ или два.

Въ это время два члена его семьи дошли до Колымы, гдѣ размножились и образовали нынѣшніе 1-й и 2-й Кангаласскіе наслеги. Теперь они народъ бѣдный, въ пользу коего по области собираются жертвованія.

Курджана же съ Яны отправляется на р. Оймьяконъ ³⁾, въ мѣстность, называемую „Төрют“ ⁴⁾, съ дѣтьми и своими родниками.

Тѣ нѣсколько семействъ, которыя были не въ состояніи сопутствовать имъ, остались на Янѣ и образовали одинъ наслегъ; главный изъ ихъ потомковъ нынѣ—Николай Васильевъ, состоящій улуснымъ головою.

Курджана, достигши Оймьякона, прожилъ сколько-то лѣтъ, а когда умеръ, то сыновья похоронили его на могильномъ лабазѣ (арамас). Затѣмъ, его сынъ Сөртөхъ вмѣстѣ съ братьями и сколько-то людьми ушли съ Оймьякона къ устью р. Татты ⁵⁾, къ людямъ, жившимъ по рѣкѣ Тандѣ. Прочіе же остались жить (осѣдлись) на Оймьяконѣ. Эти пришельцы, присоединившись къ улусу и произведя благоприятное впечатлѣніе своею разсудительностью, получали покосныя мѣста отъ поселившихся здѣсь ранѣе людей, а нѣкоторые получили благодаря жалобамъ главнымъ начальникамъ, вѣдавшимъ покосныя мѣста,—всего 48 остожій (сѣнокосныхъ участковъ) и при этомъ еще дѣтвоя. На рѣку Оймьяконъ вышло изъ Борогонскаго улуса много самыхъ отважныхъ людей, которые, размножившись, образовали Борогонскій ⁶⁾ наслегъ и присоединились къ Баягантайскому улусу.

Сверхъ того, Игидейскіе роды Таттинскаго ⁷⁾ улуса жили смѣ-

1) Маньсытъ значитъ пастухъ.

2) Умеръ въ первой половинѣ текущаго десятилѣтія.

3) Оймьконъ—собственно верховья Индигирки.

4) Төрютъ значитъ: начало, происхождение, корень.

5) Притокъ Алдана.

6) Официально: Оймьяконо-Борогонскій.

7) Официально: Ботурскаго.

шанно вмѣстѣ съ Баягантайцами,—жили мирно, даже породнились другъ съ другомъ. Изъ тогдашнихъ ихъ людей первымъ былъ, говорятъ, Александръ Андросовъ (якутское прозвище—Балан); говорятъ, что среди якутовъ это былъ лучший и разумѣйшій человекъ. Находясь въ такихъ мирныхъ и даже родственныхъ отношеніяхъ, люди эти присоединились къ Баягантайскому улусу, а затѣмъ, еще болѣе размножившись, образовали два наслега—такъ называемые 1-ый и 2-ой Игидейскіе.

Послѣ этого, вслѣдствіе увеличенія населенія въ 1-омъ Баягантайскомъ наслегѣ, въ улусѣ прибавился одинъ наслегъ—4-ый Баягантайскій.

Всего, такимъ образомъ, стало 9 наслеговъ съ населеніемъ въ 4.337 душъ мужского пола (по 10-ой ревизіи).

Во время производства послѣдней ревизіи, въ Баягантайскій улусъ, для повѣрки, выѣзжалъ чиновникъ Поротовъ. Поѣхавши на Оймаконъ, онъ велѣлъ отрубить голову старика Курджани, какъ некрещенаго, и увезъ ее въ Якутскъ, говоря, что она будетъ отослана въ Россію. Неизвѣстно, была ли она куда отправлена или нѣтъ.

Можно предположить, судя по свѣдѣніямъ изъ довольно стараго архива, что, за время отъ начала образованія улуса до 10-ой ревизіи, населеніе увеличилось почти вдвое.

Если послушать старыхъ людей, то, по сравненію съ прежнимъ временемъ, люди ростомъ (востью) стали меньше, а затѣмъ и простой чисто-якутскій умъ тоже претерпѣлъ перемѣну.

Вначалѣ, при образованіи наслеговъ, за исправное взысканіе князцами съ якутовъ податей отъ императрицы Екатерины II каждымъ изъ нихъ былъ полученъ въ 1766 году въ награду кортикъ—съ тѣмъ, что, по смерти князца, сынъ его становится такимъ же князцомъ и носить тотъ же кортикъ, какъ награду,—и такъ изъ вѣка въ вѣкъ.

Въ Баягантайскомъ улусѣ голова появляется впервые, повидному, въ 1793 году. Ниже приведены имена головъ за столѣтіе—по 1893 годъ.

Послѣ этого, была учреждена общая для всѣхъ якутовъ такъ называемая Степная Дума, въ которой главнымъ родоначальникомъ состоялъ отъ 1-го Баягантайскаго наслега Петръ Заболоцкій. Говорятъ, что якуты отказались отъ Степной Думы, ибо ей было израсходовано много денегъ изъ суммъ, опредѣленныхъ на народное продовольствіе, что видно и изъ архивныхъ данныхъ ¹⁾.

¹⁾ По архивнымъ свѣдѣніямъ, въ Степной Думѣ была растрчена большая часть денегъ, собранныхъ въ количествѣ 20.000 руб. для отправки въ Петербургъ депутаціи, которая должна была ходатайствовать о нуждахъ якутскаго народа. Въ растратѣ было замѣшано много богатыхъ и вліятельныхъ якутовъ, и дѣло о ней тянулось съ начала 30-хъ до 60-хъ годовъ мин. стол. Въ 1838 году Степная Дума была упразднена по заключенію Главнаго Управленія Восточной Сибири, хотя тогдашній якутскій областной начальникъ высказывалъ мнѣніе въ пользу сохраненія этого учрежденія. Обязанности Степной Думы были распределены между Земскимъ Судомъ и инородными управами" [см. Памят. Книжку Якут. обл. на 1896 г., вып. 1, въ статьѣ (безъ подписи) Э. К. Пекарскаго и Г. Ф. Осмоловскаго: „Якутскій родъ до и послѣ прихода русскихъ“, гл. III].

С П И С О К Ъ

головъ Баягантайскаго улуса (1793—1893 гг.).

1. Тюбкюн ¹⁾ Чегереяновъ ²⁾	6 л.
2. Никита Готовцевъ (Сертёковъ ³⁾	3 г.
3. Александръ Готовцевъ	4 г.
4. Семенъ Назаровъ Калининскій	4 г.
5. Петръ Заболоцкій	6 л.
6. Андрей Сыромятниковъ	11 л.
7. Петръ Постниковъ	6 л.
8. Павелъ Сыромятниковъ (Бардыкы)	8 л.
9. Ефимъ Заболоцкій	5 л.
10. Михаилъ Бѣлолюбскій	2 г.
11. Савва Егоровъ	4 г.
12. Андрей Винокуровъ	2 г.
13. Николай Заболоцкій	8 л.
14. Иванъ Готовцевъ	2 г.
15. Семенъ Неустроевъ	4 г.
16. Михаилъ Готовцевъ	2 г.
17. Димитрій Сыромятниковъ	2 г.
18. Егоръ Булдаковъ	3 г.
19. Яковъ Сыромятниковъ	9 л.
20. Иванъ Егоровъ	3 г.
21. Козьма Калининскій	3 г.
22. Трофимъ Неустроевъ	3 г.
23. Проконій Сыромятниковъ	3 г.

Эд. Пекарскій.

¹⁾ Тюбкюн—значить мешенникъ, плуть.

²⁾ Якутское прозвище Чэгѣрѣкѣн (мышь) съ русскимъ окончаніемъ *овъ*.

³⁾ Якутское прозвище Сѣртѣх (см. выше въ текстѣ) съ русскимъ окончаніемъ *овъ*.

Печорскіе стихи и пѣсни.

(Окончаніе).

17.

Крестникъ ¹⁾.

- Жилъ былъ убогой человекъ,
Въ самой крайней скудости,
Въ безконечномъ раззоренъи,
Роди у его жена сына.
5. Жилъ онъ въ градѣ Ондабурѣ,
Пополь себѣ онъ кума искать.
Того позовать, другого позовать,
Никто къ ему въ кумы не идѣтъ,
И всякой имъ гнушаетце.
10. Ходилъ, ходилъ никого въ кумы себѣ не нашолъ.
И зашолъ во церковь и бачько на него
Зычнымъ голосомъ кричить:
„Убогой человекъ, нищій“...
[Опять пошолъ убогой человекъ кума искать,
встрѣтилъ вельможу и говоритъ:]
„Я запасъ тогда воды, пона да позваль-жо,
15. Да принѣсь-то я бладена двоелѣтнаго,
Не могли мы дождать кума въ Божьи-ти церковь-же“.
Да рѣцетъ ему мужъ яко пресвѣтлая заря:
— Я то тебя не омману ноньце,
Да буду-то въ церковь къ вамъ да въ божию“.
20. Разошлись-де они съ нимъ невидимо,
Да бѣжить-то убогія, глушья,
Прибѣжалъ-то убогія, глушья,
Прибѣжалъ-то убогія во жены своей,
Онъ радосно сказывать, обращаетъ ей:
25. „Я нашолъ не простого да кума-жо,
А вѣдь быть ему великому вельможе-то,
Когда вы окрестите этого блоденя-жо,
Когда вы окрестите, да отмоливите“.—
Да пошолъ-де убогія, онъ вѣдь глушья,

¹⁾ Дер. Устье.

30. Да понесъ онъ младенца малолѣтнего,
Онъ бладенца понесъ на третьемъ году,
Запасалъ же воды въ купель-жо полную,
Призвалъ пона въ церковь, священника,
Обжидаютъ они снби хресного.
35. Да спустиша-же кресный отецъ бладенчу-то,
Да какъ вѣдь крестить ему бладеня-то,
Онъ вѣдь спрашивать: „како имя нарѣки ему?“
Нарѣки ему имя Властеномъ-жо;
Окрестили бладеня, омолитвовали,
40. Отець-де вѣдь кресный его батюшко,
Онъ вѣдь далъ ему семнадцать златыхъ сребреннихъ,
Разошлись они изъ церкви изъ Божией,
Да закрыша де въ церкви потолокъ теперь,
Укатиша теперь сончо правѣдно...

(Не конченъ).

18.

К о л я д а ¹⁾

- Коляда Маляда,
Не подашь пирога,
Обсеру ворота.
Снѣги на землю падали,
5. Перепадывали,
Со небесъ Христось
Со ангеломъ Гавриломъ,
Со Иванъ Причестиломъ
Присвята Мати Марія
10. Во Божю церкву ходила,
Божьей дани насбирала,
Руки къ сердцю прижимала
И провѣтчикамъ давала.
Вы, провѣтчики Христовы,
15. Вы провѣдайте про то,
Вы про то, про ново,
Про Христово Рожество.
Пришло Рожество
Господину подъ окно.
20. Ты ставай господинъ
Разбужай госпожу
Встрѣчей Рожество
Со ладономъ, фимьяномъ,
Съ воску ярвой свѣчей,
25. Хлѣбомъ солью накорми,
Путь дорожку укажи,
Отъ села до села,
Голова весела,
Серчо радуetchа.

¹⁾ Авд. Алек. Чупрова, с. Устьцильма.

30. У нашей-то матери
Телятка-то гладки,
Жеребята прыжки (*дважды*),
Скачутъ черезъ градки,
35. Копытчами щелкаютъ,
Хвостѣмъ не задѣваютъ,
У нашей-то матери
Молока-ти густы,
Сметаны толсты,
40. Масла желты.

19.

С Н Ъ Г И ¹⁾.

- Снѣги на землю падали,
Очи на небо взирали,
Со небесъ Христось
Што со дѣвою Маріей
5. Съ Богородицею,
Што со Ангеломъ Гавриломъ,
Со Архангеломъ Михаиломъ.
Присвята Мати Марія
Ко Божьей церкви ходила,
10. Богу дары приносила,
Люди на ноги ставали,
Божьи дары принимали,
Проповѣдниковъ искали.
Проповѣдайте про то
15. Што про книжное четѣ,
Про церковно про пѣтѣ,
Про Христово Рождество.
Прикатилось Рождество.
Да къ Николаю подъ окно,
20. Ко Евгеньевницу;
Микулай—отъ господинъ,
Да ты ставай поранѣ,
Да руки мой побѣдѣ,
Да ты стрѣчей Рождество
25. Божьимъ ладономъ, съ темьяномъ,
Съ воску ярова свѣчей.
Хлѣбомъ, солью накорми насъ,
Со двора спроводи,
Отъ двора до двора,
30. Да голова весела,
Да сердце радунтце,
Кабы намъ пѣвчямъ
Да по рюмочкѣѣ виньца,
Да по стакашку пивца,
35. На закуску колача.

¹⁾ П. Г. Марковъ, д. Бѣдовой.

20.

Достойно удивленіе ¹⁾.

- Достойно есть удивленіе,
Духовному веселью.
Нынѣ на небеси здѣзда евисе,
Нынѣ свѣтъ свѣта произвѣщаетъ,
5. Бога нашего на землю объявляетъ.
Яко душнару (такъ!) насъ идѣть спросить,
Яко смиренно на землю Господь прїидеть,
Насъ ради родися отъ причистой дѣвы Марїи,
И родися яко бладенецъ,
10. Отъ причистой дѣвы Марїи;
Целенами сповиванъ,
И во яслехъ смерти предположися.
Персидскіе цари восходятъ,
Трон бладенцу дары приносятъ,
15. Злату, ливану и смирну,
Давшее ему противну.
Ангелы на небеси зѣло девятся.
Землеродны чловѣчи объ томъ веселятся.
Торжествуйте, ликоствуйте
20. Воспѣвайте, возыграйте,
Славо Богу дайте.
Дай Богъ вамъ господамъ,
Господиновымъ женамъ здраствовать,
Многая лѣта!

21.

Холостое виноградѣ ²⁾.

- Виноградѣ красно зеленое.—
Ужъ во далече, далече,
Во чистомъ поли,
Што ищѣ того подалше,
5. Во раздольчи,
Тамъ стоялъ, постоялъ
Бѣлъ полотненной шатерьъ.
Што во этомъ во шатру
Столы дубовы стоять,
10. Столы дубовыя, ножки точеныя,
Ножки точеныя, поволоченыя.
Ужъ за этими столами
Красна дѣвичка сидитъ,
Авдотья Филиповна,

¹⁾ П. Т. Марковъ.

²⁾ Ив. Алексѣевъ. Чупровъ, сынъ слѣпого, Устьцыльма.

15. Она шила вышивала
Тонко бѣло полотно,
Тонко бѣло полотно,
Бѣлобархатно.
Во первой разъ вышивала
20. Красно солнце съ маревами,
Со теплыми облаками;
Во второй разъ вышивала
Свѣтель мѣсяцъ со лучами,
Со честыми со звѣздами;
25. Во третьей разъ вышивала
Сыры боры со лѣсами,
Сыры боры со лѣсами
Со рысучими звѣрами,
Со черными соболями;
30. Во четвертой вышивала,
Сине море со волнами,
Со черными кораблями,
Со снастями, парусами,
Съ молодыма матросами;
35. На середку вышивала
Питерь, Москву со дворцами,
Со большими со церквами,
Храмъ Никольской
Со понами, со дьячканн.
40. Со чудными со крестами.
Кабы былъ, кабы жилъ на другой стороны,
Ужъ бы взялъ бы я взялъ Авдотью замужъ за себя,
Лисицами, куницами обвѣшался,
Чернымъ-то бобрамъ да опоясался,
45. Острымъ-то копьемъ подиравается,
Не былыми-то рѣчами похваляется:
„Я бы взялъ, я бы взялъ Авдотью замужъ за себя.
Што по имени Иванъ-отъ Алексѣевичъ“.
Ты давай-ко, Иванъ, пошевеливайся,
50. Пошевеливайся, съ нами роздѣливайся,
Ты роздѣлайся добромъ, принеси вина ведромъ,
Намъ по рюмочкѣ подай,
По рюмочкѣ винча,
По стакашнику пивча,
55. Чтобы бѣжали голоса,
И на закуску колача,
На забаву дѣвнча.

22.

Виноградьё ¹⁾.

Виноградьё красно зелѣное,
Ужъ мы ходимъ-де не ходимъ по Креню городу,
Виноградьё красно зеленое ²⁾,

¹⁾ Анисимъ Вокуевъ, дер. Уегъ, Устьцилеменск. вол.

²⁾ Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.

- Ужъ мы ищемъ-ле не ищемъ господиновъ дворъ,
Господина-то Григорія Ивановича.
Господиновъ-то дворъ да на семи стоялъ верстахъ:
На семи стоялъ верстахъ да о восьмидесяти столбахъ,
О восьмидесяти столбахъ, да о семидесяти пинахъ,
10. Ой, на важномъ столбикѣ по маковкѣ,
Ой, на всякой-то маковкѣ по жамчужку,
Ай, на всякомъ жамчужку по свѣчкѣ горить.
Во середѣй-то стояло ище три терема,
Три терема да златаверховаты,
15. Во первомъ терему да красно солнышко,
Во второмъ терему да блажь свѣтѣль мѣсець,
Во третьемъ-то терему да цысты звѣздоцьки;
Красно солнышко да тутъ ховяинъ во дому,
Што по имени Григорей-отъ Ивановичъ;
20. Блажь свѣтѣль мѣсяць да тутъ ховяйка во дому,
А по имени Иринья Екимовна;
Цысты звѣздоцьки то малы дѣтоцьки,
А по имени Иванъ-отъ Григорьевичъ,
Со любимъ-то своимъ со брателкомъ,
25. А по имени Василей-отъ Григорьевичъ.
А ховяинъ во дому да какъ Адамъ во раю,
А ховяйка во дому да какъ оладья во меду,
Малы дѣтоцьки да какъ оладыжки.
Ай во далечѣ, далечѣ во чистомъ было поли,
30. Ай ище того подалѣ на украинѣ,
Этамъ чей-же стоитъ домъ да чей высокъ-то теремъ,
Этамъ чья-же стоитъ нова горница,
Этамъ домъ стоитъ Григорья Ивановича,
Нова горница Ирины Якимовны.
35. Прикажи сударь ховяинъ во двору притти,
Ко двору-ту притти, да на крылечко затти,
На крылечко затти, да по новымъ сѣнямъ протти,
По новымъ сѣнямъ протти, да въ нову горенку затти,
Противъ матицы стать, да помолитя кабы надъ,
40. Помолитця бы надъ, да чуднымъ образомъ,
Ужъ мы крестъ-отъ кладѣмъ да по писаному,
А молитву творимъ мы полну Сусову,
На вси стороны четыри поклоняемся.
Затимъ здравствуешъ ховяинъ всему дому господинъ,
45. Затимъ здравствуешъ ховяйка всему дому господа,
Прикажи, сударь ховяинъ, виноградѣ спѣть.
А ховяинъ-отъ дарилъ да золоту гривну
А ховяйка-то дарила бѣль-крупничатой калачъ,
Малы дѣтоцьки вси по копеецки,
50. Золоту гривну мы на кабакъ снесѣмъ,
На кабакъ снесѣмъ, мы на вины проиѣмъ.
Бѣль крупничать калачъ на закусочку;
Эти копеецки да ужъ мы въ церковь снесѣмъ,
Въ церковь снесѣмъ, да мы молебны споѣмъ,

55. Затимъ здравствуйешь хозяйнѣ всему дому господинѣ,
Затимъ здравствуйешь хозяйка всему дому госпожа,
Затимъ здравствуйте вси малы дѣтоцки,
Теперь съ нами молодцами да со чесными со гостями
Со чесными со гостями, съ виноградчиками.

23.

Пустозерское Виноградѣ холостое¹⁾.

- Виноградѣ краснo зеленое,
Какъ во далече, далече во чистомъ поли,
Да Виноградѣ краснo зеленое,²⁾
Какъ ищѣ того подалѣ во раздольичи,
5. Какъ во этомъ во храму со слезами богомолецъ
Богомолецъ Микулай-отъ Ивановичъ,
Во три ряды его кудерцы да завивалисе,
Во первой разъ завивалисе чистымъ серебромъ,
Во второй разъ завивалисе краснымъ золотомъ,
10. Во третѣй разъ завивалисе скатнымъ жемчугомъ.
Ищѣ вси ему бояра дивовалисе молодцу,
Да всѣ дружья, братья хресъена позавидовали:
„Ищѣ хто тя, Микулай, да хорошого спосѣялъ
Да хто Ивановича да пригожого спородилъ.
15. Да ищѣ хто тя, Микулай, да вотъ бѣлешенькѣ умылъ,
Да хто Ивановича да буйну голову чесалъ,
Да ищѣ хто тѣ, Микулай, да русы кудри завивалъ
Да ищѣ хто тѣ, Микулай, да хорошого снарядилъ,
Да ищѣ хто тѣ, Ивановича, да добра коня удалъ,
20. Да кто Ивановичю да шелковъ поводъ подавалъ.
Ищѣ хто у тя, Микулай, да шелкову плеть подавалъ,
Хто Ивановича съ благословеньемъ провожалъ,
Ищѣ хто тя, Микулай, путь дорожку указалъ?“
Какъ отвѣтъ держитъ удалъ добрый молодецъ.
25. „Ужъ вы, глупые бояра, неразумны господа,
Да хорошо меня спосѣялъ сударь батюшко,
Сударь батюшко Иванъ Васильевичъ,
Пригожого спородила родна маменька,
Родна матушка Марья Владимировна,
30. Буйну голову чесала да родна сестрица,
Родна сестрица Лександра Ивановна.
Русы кудри завивала да родна сестрича
Родна сестрича Агнїя Ивановна,
Меня бѣлешенько умыла Камогорская вода.
35. Хорошого снаредила родна сестрича,
Родна сестрича Людїя Ивановна,
Какъ добра коня сѣдлалъ да родной дедюшка

¹⁾ Пав. Григ. Марковъ, дер. Бѣдовая.

²⁾ Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.

- Родной дедюшка Владимиръ Ивановичъ,
На добра коня садилъ родной дѣдушко
40. Родной дѣдушко Иванъ-отъ Ивановичъ.
Шелковъ поводъ подавала родна сестрича
Родна сестрича Софья Ивановна.
Шелкову плеть подавала да родна сестрича
Да родна сестрича Софья Ивановна,
45. Съ благословленіемъ провожалъ да родной крѣснущко
Родной крѣснущко Владимиръ Ивановичъ,
Путь дорожку указалъ да родной зетюшко,
Родной зетюшко Николай Ѳедоровичъ,
Затимъ здраствуешь добрый молодець
50. А по имени Николай Ивановичъ.

24.

Пустозерское виноградѣ дѣвие.

- Виноградѣ красно зеленое,
Какъ во далече далече, во чистомъ поли
Да виноградѣ красное зеленое ¹⁾.
Какъ ище того подалъ на украинки,
5. Да тутъ стояла берѣза да кудреватая,
Да какъ по корешку берѣза коренистая,
По середоцькѣ берѣза кривлеватая,
По вершиноцькѣ берѣза кудреватая,
Какъ подъ этой подъ берѣзой бѣлоплатняный шатѣръ,
10. Кабы полы у шатра хрущатой камки,
Какъ подполки у шатра да рыта бархата,
Какъ сидѣла тутъ дѣвича душа красная,
Тутъ сидѣла дѣвича душа красная,
Какъ по имени Марья Васильевна
15. Да она шила вышивала шириночько,
Да на первой узгѣ вышивала красно солнце со лунами,
На другой узгѣ вышивала свѣтель мѣсяць со звѣздами,
Свѣтель мѣсяць со звѣздами, со ясныма со лунами,
На третей узгѣ вышивала чисто поле со звѣрами,
20. Чисто поле со звѣрами со лютыма со змѣями,
На четвертой вышивала синѣ море съ кораблями,
Синѣ море съ кораблями, съ удалыми молодцами,
На середю вышивала Вожью церкѣвь со крестами,
Вожью церкѣвь со крестами, со чудныма образами.
25. Тутъ ходилъ гулялъ удалъ добрый молодець ¹⁾
Онъ лисичами, куничами обвѣшался
Онъ черныма соболями приобтыкался,
Онъ вѣдь шолковой тетивкой подпоясался,
Онъ тугимъ лучькѣмъ да подпиралца,

¹⁾ Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждого стиха.

30. Не былыми словесами да похвалятца:
„Кабы былъ, кабы жилъ я на другой стороны,
На другой стороны, да на украинки,
Ужь я эту бы березку по корешку сѣбѣ,
Ужь я этотъ бы шатеръ роспиналъ бы, ростонталъ,
35. Ужь я полы у шатра вся приоборвалъ,
Я подполки у шатра по чисту полю металлъ,
Да душу красну дѣвицю за себя бы замужъ взялъ,
Какъ по имени Марью Васильевну,
Ужь я съ этой бы дѣвичой ко Божьей церкви пошолъ,
40. Ужь я съ этой бы дѣвичой золоты вѣнды прималъ,
Ужь я съ этой бы дѣвичой чуденъ крестъ чѣловалъ,“
Затимъ здраствуешь дѣвичя душа красная,
43. Какъ по имени Марья Васильевна.

25.

Пустоаерское виноградѣе женатое.

- Виноградѣе красно зеленое.
Да ужъ мы ходимъ-ле не ходимъ ко Кремлю городу,
Да виноградѣе красно зеленое ¹⁾.
Ужь мы ищемъ не ищемъ господинова двора
5. Господина Микулая-то Ѳѣдоровича.
Господиновъ дворъ да на семи стоитъ верстахъ,
На семи стоитъ верстахъ да на семидесяти столбахъ,
На семидесять столбахъ, да о восьмидесять тынахъ,
Какъ на всякоемъ столбикѣ по маковеѣ,
10. Какъ на всякой маковеѣ по жемчужу,
Да какъ на всякой жемчужинки по свѣчкѣ горить,
Да этотъ чей, братцы, домъ, да чей высокъ теремъ?
Да тотъ домъ стоитъ Николая Ѳѣдоровича,
Нова горница-то Агнии Евгеньевны...
15. Какъ во этомъ терему, да три высокихъ терема,
Три высокихъ терема да златоверхеваты.
Во первомъ терему да красно солнышко,
Во второмъ терему бладь свѣтелъ мѣсець,
Во третьемъ терему да мелки звѣздочки,
20. Да хозяйинъ во дому да какъ Адамъ во раю,
Да хозяйка во дому да какъ оладья во меду,
Да мелки звѣздочки да малы дѣточки.
Благослови сударь хозяйинъ ко двору притти,
Ко двору притти, да на крылечушко затти,
25. На крылечушко затти, да въ нову горенку протти,
Въ нову горенку затти, да проти мотицы стать,
Да проти мотицы стать, да намъ на лавку сѣсть,
Да намъ на лавку сѣсть, да виноградѣе спѣть.
Они думали, гадали, больша выжлака срежалп,

¹⁾ Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.

30. Большая выжлака срежали, во чисто поле спушшали.
Они думали, гадали, ясна сокола срежали,
Ясна сокола срежали, по поднебесью спушшали,
Они думали, гадали, какъ черлень карапъ срежали,
Какъ черлень карапъ срежали, во синё море спушшали
35. Большой выжлокъ-отъ бѣжить, да какъ лисичъ, куничъ тащить
Какъ лисичъ, куничъ тащить Агніи на шубу,
Какъ ясенъ соколъ летить, да какъ бѣлу лебедь тащить,
Кабы нашому хозяину на почесенъ пирь,
Какъ черлень карапъ бѣжить, да живота много тащить,
40. Кабы нашому хозяину на житье, на бытѣ.
Затимъ здраствуешь удалъ доброй молодець,
Какъ по имени Микулай-отъ Федорычъ,
Со своей да молодой жоной,
Какъ по имени Агніей Евгеньевной,
45. Со своими-то малыи дѣтоцъками,
Да виноградѣ красно зелено.

26.

Колыбельная пѣсня ¹⁾.

- Ужъ ты донь, донь, донь, да наша вѣошка,
Ужъ ты донь, донь, донь, да горожаноцъка,
Ужъ ты донь, донь, донь, да ужъ и гдѣ ты была?
— — — — — да въ Новомъ Городе,
5. — — — — — да ты когò купилá,
— — — — — да золотого коня,
— — — — — да ужъ гдѣ твой конь?
— — — — — Миколка въ клѣтку увѣлъ,
— — — — — да онъ и дѣ-то ушолъ?
10. — — — — — Миколка на гору ушолъ.
— — — — — уже гдѣ клѣтка?
— — — — — водой потопило.
— — — — — уже гдѣ то вода?
— — — — — да быки выпили.
15. — — — — — да ышѣ гдѣ быки?
— — — — — да быки за гору ушли.
— — — — — да уже гдѣ гора?
— — — — — да цвѣтками заросла,
— — — — — да ыка гдѣ чвѣтки?
20. — — — — — да дѣвки выщипали.
— — — — — да ужъ гдѣ дѣвки?
— — — — — да замужъ выскавали.
— — — — — да ихъ дѣ мужья?
— — — — — да на войну ушли.
25. — — — — — да у васъ дѣ-то война?
— — — — — да середі говна.

¹⁾ Ксен. Поздѣва, с. Устыцъльма.

27.

„Христа славятъ“ ¹⁾.

Новая радость во всеи мѣрѣ;
Въ мѣрѣ нанѣ явился Богъ, Царь Славы,
Отъ Дѣвы Маріи въ вертепѣ родился,
Мы же тако вопіемъ, вѣрно рцемъ:
Слава въ вышнихъ Богу и на земли мѣрѣ
Торжествуйте, ликоствуйте,
Хвалу Богу дайте, воздайте, воспѣвайте:
Дай Богъ вамъ, господамъ,
Господинамъ и женамъ вкупѣ здравствовати.
Вива́тъ! вива́тъ! вива́тъ!
На многая лѣта, въ день Христова рожденія.
Веселися день благовеешь вся день,
Хвалу Богу дайте въ полуночь и день.
Ангель пастырямъ возвѣстилъ ты рожденнаго
Бога нашего, царя вашего,
Царь Иродъ всѣмъ возвѣстилъ,
Младенцовъ побилъ.
Билися и ругалися, яко убійцы, злы разбойницы,
Кричуть дѣтя, плачуть матки,
Яко насмѣшницы, отъ перси отринули,
Голосомъ ревуть, волосы деруть,
Гласы возсылають, сердечно кричатъ.

28.

С л а в я т ь ²⁾.

Тѣшу, потѣшу,
Хозяина повѣшу
На низіи волосокъ.
Волосъ-то сорвался,
Хозяинъ оборвался
Въ каменку ногами,
Въ тынъ головой,
Въ говно бородой.

Н. Омчуковъ.

¹⁾ Въ Тамицѣ селѣ по Онежскому тракту Онежскаго у., Архангельской губ., на Рождествѣ „артель“ въ 2—4—5 человекъ „ходитъ славить“. Поютъ тропарь „Христосъ раждается“ затѣмъ приводимый стихъ. Записанъ въ с. Тамицѣ, отъ И. К. Герасимова 37 л.

²⁾ Въ этой-же Тамицѣ, когда хозяинъ за славленіе ничего не дастъ, маленькіе ребяташки, выскочивъ изъ избы въ сѣни, поютъ этотъ стишокъ. Записанъ отъ И. К. Герасимова.

О Т Д Ъ Л Ъ Ш.

Библиографія.

Къ свѣдѣнію гг. авторовъ.

О книгахъ, брошюрахъ и оттискахъ статей этнографическаго характера, присланныхъ въ редакцію „Живой Старини“ (И. Р. Геогр. Об-во у Чернышева моста, съ надписью „для рецензій“), кромѣ напечатанія ихъ списка, сотрудниками будутъ даваться рецензій.

Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности И. Академіи Наукъ. Т. 82-й. Спб. 1907.

Въ Отчетѣ о дѣятельности „Отдѣленія русскаго языка и словесности И. А. Н. за 1906 г.“ помѣщены некрологи: академика А. Н. Веселовскаго, почетнаго академика В. В. Стасова, членовъ-корреспондентовъ М. С. Дринова и Фр. Бартоша. Особенной обстоятельностью отличаются первые два некролога. Кромѣ обзора дѣятельности Академіи и академиковъ, отмѣтимъ также и отчеты лицъ пользовавшихся пособіемъ на научныя работы отъ Академіи Наукъ. Изъ нихъ особеннымъ интересомъ для специалистовъ должны отличаться: „Отчетъ Н. Н. Дурново по разработкѣ матеріаловъ по южно-великорусскому нарѣчію для діалектологической карты русскаго языка“; „Отчетъ Л. Л. Васильева“ и др.

Въ „Отчетѣ о присужденіи Ломоносовскихъ премій въ 1905 г.“ помѣщены отзывы проф. А. Будиловича на книгу С. К. Булича „Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи. Т. I“; И. Бычкова—на книгу Е. И. Соколова „Библиотека Имп. О-ва Исторіи и Древностей російскихъ. В. 2-й. Описаніе рукописей и бумагъ, поступившихъ съ 1846 по 1902 г.“; Н. Каринскаго—на работу Н. Дурново „Описаніе говора деревни Парфеновъ, Рузскаго уѣзда, Московской губерніи“, и Хр. Лопарева—на книгу А. И. Яцимирскаго „Славянскія и русскія рукописи румынскихъ библиотекъ“.

Въ Отчетѣ „О присужденіи премій имени графа Д. И. Толстого въ 1906 г.“ помѣщены отзывы А. И. Соболевскаго на изслѣдованіе П. Г. Васенка „Книга Степенная Царскаго Родословія и ея значеніе въ древне-русской исторической письменности. Часть I“.

И. В. Ягича—на изслѣдованіе А. М. Лукьяненка „Кайкавское нарѣчіе“, и Е. Θ. Карскаго на работу Я. Трусовича: „Сводъ 260 азбукъ и образцовъ кириллицы. Изъ снимковъ рукописей X—XVIII вв. русско-юго-славянскихъ“.

О работахъ С. Малевича „Бѣлорусскія народныя пѣсни“; П. К. Симоны „Великорусскія пѣсни, записанныя въ 1619—20 гг. для Ричарда Джемса на крайнемъ сѣверѣ Московскаго Царства“, и Е. Θ. Карскаго „Матеріалы для изученія Бѣлорусскихъ говоровъ“—см. далѣ отдѣльныя замѣтки.

Кромѣ того, въ 82-мъ томѣ „Сборника“... помѣщены посмертныя труды П. А. Сырку, съ предисловіемъ А. И. Яцимирскаго—„Карансебешскій октоихъ второй половины XIII вѣка“ и „Изъ переписки Румынскихъ воеводъ съ Сибинскимъ и Брашовскимъ магистратами“, а также—Н. К. Никольскаго „Матеріалы для исторіи древнерусской духовной письменности“.

Н. В —въ.

Извѣстія Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императ. Казанскомъ Университетѣ. Т. XXIII, вып. 4. Казань. 1907.

На первомъ планѣ стоитъ статья Н. Θ. Высоцкаго: „Лихорадка, ея происхождение, причины и способы леченія, по народнымъ воззрѣніямъ“.

Приведа изъ печатныхъ источниковъ общезвѣстныя свѣдѣнія о воззрѣніяхъ русскаго народа на лихорадку и малоизвѣстныя—казанскихъ вотяковъ, авторъ касается разныхъ названій этой болѣзни у нашего простонародья и раздѣляетъ ихъ на три категоріи: 1) *картинныя*, характеризующія болѣзнь по ея припадкамъ и послѣдствіямъ (трясовица, трясъ, знобуха, холодная), 2) *ласкательныя* или *родственныя* (добрая, добруха, кума, матушка, сестра, тетушка) и 3) мѣстоименіе *она*. Съ тѣмъ, что сказано у автора относительно родственныхъ названій лихорадки и связанныхъ съ ними представленій, любопытно сопоставить слѣдующее интересное мѣсто изъ „Матеріаловъ по народной медицинѣ“ А. Макаренко (Спб. 1897; отдѣльный оттискъ изъ „Живой Старины“ за тотъ же годъ), касающаеся представленій крестьянъ Ужурской волости, Ачинскаго уѣзда (Енис. губ.) о „кумушкѣ“, т.-е. о лихорадкѣ:

„Воображеніе крестьянъ, несвободное отъ различнаго рода суевѣрій, представляетъ себѣ кумушву живымъ существомъ, надѣленнымъ непонятною сверхъестественною силой. Въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ она, одинаково съ чумой и холерой, становится видимой, принимая на себя личину женщины, сразу бросающейся въ глаза плохой одежкой и старческимъ безобразіемъ лица. Внѣшнее безобразіе есть только оболочка того внутренняго ненасытнаго зла и неукротимой ненависти, какими полна кумушка по отношенію людей. Мучить и медленно изводить это племя—составляетъ ея единственное занятіе; созерцаніе человѣческихъ страданій и смерти, разнообразныхъ кумушкой по землѣ, даетъ ей единственное наслажденіе“ (стр. 8).

Понятенъ тотъ ужасъ, который и до сихъ поръ внушаетъ лихорадка простому русскому человѣку, — понятно, почему о ней говорятъ въ третемъ лицѣ...

„Ни при одной изъ различныхъ болѣзненныхъ формъ,—говорить г. Высоцкій,—теорія „вселенія духовъ“ и „одержанія“ ими не можетъ быть приложена для объясненія болѣзненныхъ явленій съ такой правдоподобностью, какъ именно при перемежающихся болѣзняхъ“ (стр. 263), въ томъ числѣ и при лихорадкѣ.

Въ концѣ статьи авторъ довольно подробно останавливается на средствахъ лѣченія, употребляемыхъ народомъ „сообразно его возрѣванію на сущность лихорадки“, и раздѣляетъ ихъ на *мистическія* (моленія, заклинанія, заговоры и жертвы) и *эмпирическія*, т.-е. „тѣ народныя лѣкарства, при употребленіи которыхъ рассчитывается исключительно лишь на ихъ *физическія свойства*, способныя уничтожать или ослаблять болѣзнь“ (стр. 272). Къ числу мистическихъ средствъ авторъ относитъ и симпатическое лѣченіе лихорадки, описывая три практикующіеся въ народѣ приѣма такого лѣченія: привязываніе лихорадки къ дереву, потопленіе и проклинаніе.

Таково содержаніе небольшой статьи г. Высоккаго (стр. 249 — 273), носящей характеръ нѣкоторой недоконченности, какъ если бы статья почему-либо была оборвана.

Считаемъ не лишнимъ отмѣтить, къ свѣдѣнію автора, что указываемое имъ дѣйяское (даякское) названіе оспы личнымъ мѣстоименіемъ третьяго лица (стр. 259 и 261) не составляетъ чего-либо изъ ряда вонъ выходящаго: словомъ „она“ называютъ оспу, между прочимъ, такія различныя въ другихъ отношеніяхъ народности, какъ евреи и якуты.

Въ разбираемомъ, вообще скудномъ матеріалами, выпускѣ „Извѣстій“ помѣщена еще маленькая, въ двѣ страницы, замѣтка *Ив. Никитина-Юрки* о чувашскомъ музыкальномъ инструментѣ—пузырѣ (шăпăр), съ тремя рисунками, изображающими игру на немъ.

Въ приложеніи законченъ составленный свящ. Ант. Ивановымъ „Указатель книгъ, брошюръ, журнальныхъ и газетныхъ статей и замѣтокъ на русскомъ языкѣ о чувашахъ, въ связи съ другими инородцами Средняго Поволжья, съ 1754 по 1906 годъ“. Указатель снабженъ алфавитнымъ перечнемъ авторовъ и статей, помѣщенныхъ въ немъ, и занимаетъ всего 63 страницы мелкой убористой печати.

Э. Ц.

Объ остаткахъ Якутскаго острога.

Извѣстія Императорской Археологической Комиссіи. Выпускъ 24. Съ 18 таблицами и 50 чертежами. Спб. 1907.

Вышедшій недавно 24 выпускъ „Извѣстій Императорской Археологической Комиссіи“ посвященъ цѣликомъ изслѣдованію *Н. В. Султанова*, озаглавленному такъ: „Остатки Якутскаго острога и нѣкоторыя другіе памятники деревяннаго водчества въ Сибири. Спб. 1907 г.“ Какъ догадываются, конечно, читатели, дѣло идетъ объ остаткахъ такъ называемыхъ якутскихъ башенъ, судьба коихъ до сихъ поръ еще не рѣшена: продолжать ли имъ свое жалкое существованіе до полнаго саморазрушенія или же быть заблаговременно снесены путемъ продажи съ аукціона, какъ о томъ ходатайствовалъ передъ Археологической

Комиссіей одинъ изъ якутскихъ губернаторовъ? По признанію Комиссіи, „Якутскій острогъ является единственнымъ образчикомъ деревянныхъ крѣпостныхъ сооружений XVI—XVII в. не только въ Россіи, но и во всей Европѣ“ (стр. 116), а между тѣмъ ни у Комиссіи, ни у мѣстнаго областного начальства, ни у мѣстнаго городского управленія не нашлось сравнительно незначительныхъ средствъ (нѣсколькихъ сотъ рублей) для исправленія и поддержанія помянутыхъ башенъ. На ходатайства якутскаго губернатора объ отпускѣ средствъ хотя бы на временное поддержаніе ихъ, Комиссія, въ концѣ марта текущего года, сообщила ему, что она вскорѣ намерена обратиться къ министру внутреннихъ дѣлъ съ просьбою объ отпускѣ необходимыхъ средствъ, пока же просить губернатора „принять всѣ зависящія отъ него мѣры для поддержанія острога“.

„На этомъ переписка пока и оканчивается“ — говоритъ авторъ названной выше книги, прибавляя отъ себя слѣдующее пожеланіе:

„Будемъ надѣяться, что новый Якутскій губернаторъ *И. И. Крафтъ*, человекъ просвѣщенный и самъ дѣйствительный членъ Императорскаго С.-Петербургскаго Археологическаго Института, не дастъ погибнуть послѣднимъ остаткамъ Якутскаго острога и такъ или иначе найдетъ средства къ ихъ поддержанію“ (стр. 117).

Въ своемъ изслѣдованіи г. Султановъ съ большимъ трудолюбіемъ воспроизвелъ, на основаніи архивныхъ и литературныхъ данныхъ, полную картину возникновенія, развитія и постепеннаго упадка Якутскаго острога, служившаго нѣкогда центральнымъ пунктомъ, изъ котораго, по выраженію автора, „русская власть широкою волною разлилась на югъ, на сѣверъ и на востокъ“ (стр. 13). Съ любовью заинтересованнаго въ дѣлѣ специалиста, не мало поработавшаго надъ изученіемъ памятниковъ зодчества у народовъ древняго и новаго міра, авторъ снабдилъ свою книгу 50-тью чертежами въ текстѣ и 18-тью таблицами въ приложеніи, тщательно исполненными и значительно облегчающими изученіе Якутскаго острога въ строительномъ и крѣпостномъ смыслѣ. Хотя данная работа читается съ большимъ интересомъ и не-специалистомъ, но врядъ ли она можетъ дойти скоро до широкой публики въ виду вообще малой распространенности изданія, въ которомъ она помѣщена, такъ что обыкновенные читатели могутъ узнать о ней лишь случайно. Это соображеніе и побудило меня обратить вниманіе читающей публики на книгу, трактующую объ интересномъ эпизодѣ изъ русской старины. Но была для этого и другая, болѣе узкая, но достаточно важная побудительная причина: это—обратить вниманіе любителей старины на заключеніе автора, въ которомъ онъ намѣчаетъ вопросы, подлежащіе разрѣшенію на мѣстѣ, „мѣстными силами“. Въ главѣйшемъ вопросы эти сводятся къ слѣдующему:

1) Какова истинная длина всей стѣны (между башнями) и каковы настоящіе размѣры всѣхъ уплывшихъ частей острога, какъ-то: воротъ, дверей, лазовъ бойницъ и пр.

2) Сколько сгнило нижнихъ вѣнцовъ и насколько narосла земля около стѣны и башенъ.

3) Былъ ли нѣтъ полъ въ нижнемъ ярусѣ стѣны.

4) Гдѣ были прочіе полы въ стѣнахъ и башняхъ.

5) Есть-ли слѣды наружныхъ лѣстницъ для восхода на стѣны изнутри „города“.

6) Какъ былъ устроенъ входъ въ надвратные выступы проѣзжей башни „ostroга“.

8) Когда, кѣмъ и почему былъ передѣланъ ея внѣшній, восточный выступъ.

9) Какъ была образована оборона примыкавшей къ ней тыновой ограды.

10) Былъ или нѣтъ передъ тыномъ ровъ“.

„Вотъ — заканчиваетъ авторъ — вопросы, разрѣшенія которыхъ, въ дополненіе нашего труда, мы ждемъ отъ мѣстныхъ силъ“ (стр. 118—119).

Полагаю, что „мѣстныя силы“ не только не обманутъ надеждъ автора, но, при изслѣдованіи памятника, соберутъ и всѣ циркулирующія среди мѣстнаго населенія, русскаго и инородческаго, преданія и легенды, связанныя съ исторіей якутскихъ башенъ.

Въ самомъ концѣ книги г. Сазонова приведены еще краткія указанія на существованіе въ Колымскомъ округѣ одной полуразвалившейся деревянной башни (остатокъ древняго Средне-Колымскаго острога) и въ Вилюйскомъ округѣ одной башни, старой церкви и туземныхъ народныхъ украшеній изъ бересты, надѣвавшихся на шею или на грудь (въ родѣ малороссійскихъ монистъ).

Сообщаемыя свѣдѣнія авторъ рассматриваетъ не какъ „археологическій матеріалъ“, а лишь какъ „свидѣтельскія показанія“ для будущихъ изслѣдователей и оговаривается, что свѣдѣнія эти относятся къ 1887 году и въ настоящее время могутъ оказаться совершенно невѣрными, — даже болѣе: „вполнѣ возможно — говоритъ авторъ — что отъ этихъ памятниковъ уже нѣтъ болѣе и слѣда“ (стр. 153 — 154).

Нельзя не присоединиться къ пожеланію автора, чтобы мѣстныя силы „поскорѣе взялись за дѣло и ознакомили русскую науку съ удѣльшими тамъ остатками древнерусской жизни“. Жаль только, что обыкновенно мѣстныя силы вовсе не встрѣчаютъ должной поддержки въ центрахъ русской умственной жизни и вынуждены дѣйствовать исключительно на свой страхъ.

Эд. Пекарскій.

„Етнографичний збірникъ.“ Видав етнографічна комісія наукового товариства имени Шевченка. Т. XIX. Коломыйки. Зібрав Володимир Гнатюк. Т. III. У Львові, 1907. г.

Въ III-й т. „Коломыйокъ“ помѣщено 2830 номеровъ. Имѣется въ виду еще IV-й, послѣдній, томъ. Коломыйки даннаго сборника объединяются темой: „Любов і подружжя“.

И. А.

С. Малевичъ. Бѣлорусскія народныя пѣсни (Сборникъ Отд. р. я. и сл. И. А. Н. Томъ LXXXII, № 5. 1907).

Появившійся подъ такимъ названіемъ сборникъ (194 стр.), кромѣ введенія и краткаго очерка звуковъ, формъ и строя рѣчи живого бѣлорускаго нарѣчія, съ приложеніемъ небольшого словаря, заклю-

чаетъ въ себѣ одну сказку и 258 пѣсенъ, которыя распределены на щедрія (3), весеннія (4), купальныя (7), лѣтнія (24), любовныя (56), свадебныя (64), семейныя (48), солдатскія (10), молодецкія (5) и шуточныя (37). Подъ каждою пѣсней обозначено селеніе, въ которомъ она записана.

Какъ видно изъ введенія, всѣ пѣсни записаны собирателемъ лично въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ пяти сосѣднихъ селеніяхъ Ланьской волости, Слуцкаго уѣзда, Минской губерніи отъ пожилыхъ деревенскихъ женщинъ и подростковъ. Особенности произношенія переданы фонетическимъ письмомъ. Къ сожалѣнію, ни въ пѣсняхъ, ни въ сказкѣ не проставлены ударенія, цѣнные для акцентоведя. Большинство пѣсенъ чисто бѣлорусскаго происхожденія, хотя въ нихъ попадаются много полонизмовъ. Это, отчасти, объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что Ланьская волость расположена вблизи г. Несвижа, который въ теченіе многихъ столѣтій является очагомъ польскаго вліянія на окрестныхъ жителей. Остальныя пѣсни частью заимствованы отъ великоруссовъ, какъ, напримѣръ, „Ой, да ты калинушка“ (стр. 35), частью же передѣланы изъ малороссійскихъ. Изъ такихъ можно указать на любовныя пѣсни подъ №№ 21, 22, 25 и 26. Что же касается уже указанной пѣсни на стр. 35, то она и въ настоящее время почти дословно поется въ д. Паплино, Псковской губерніи и уѣзда. Для сравненія привожу ее цѣликомъ:

Раскалинушка, размалинушка,
Ты не стой, не стой
На горѣ крутой.
Ой да не спускай листьа во сине море.
Ой да какъ по синю морю
Корабель плыветь.
Корабель плыветь, и вода воѣтъ.
Ой да какъ въ томъ кораблѣ
Два полка солдатъ.
Два полка солдатъ, молодыхъ ребятъ,
Офицеръ маіоръ Богу молится
Предъ иконою.
Молодой солдатъ домой просится:
— Ахъ ты офицеръ-маіоръ
Отпусти меня домой.
Отпусти меня домой къ отцу, къ матери родной
Къ отцу, къ матери родной, къ малымъ дѣтушкамъ
Да къ женѣ молодой.

Въ краткомъ словарѣ можно указать на нѣкоторыя неточности, напр.: „дамавіна“—гробъ, а не могила, какъ утверждаетъ г. Малевичъ; „крамянѣць“—кусочекъ кремня, а не садикъ, полисадникъ; „падласъ“—съ бѣлымъ брюхомъ (о животномъ), а не желтоватый, свѣтло-коричневый; „пійськи“—морда, а не щеки, щечки; „цесля“—плотникъ, а не подмастерье; „цямницца“—примѣчать, присматриваться, а не скрыться съ глазъ, пропадать, исчезать; „шлягацца“—стегаться, ударяться, а не шляться, таскаться; „ялавѣць“—особый

видъ жестокой сухой травы, а не мелкорослый ельникъ; можжевельникъ (по-бѣлорусски—ѣльничакъ; елудовець). Тѣмъ не менѣе въ сборникѣ г. Малевича много данныхъ для сужденія о фонетикѣ и морфологій бѣлорусскаго нарѣчія, не говоря уже о цѣнности чисто бытовыхъ данныхъ.

А. Сергпутовскій.

Самойловичъ, А. Памяти П. М. Меліоранскаго. Спб. 1907. Стр. 24 (Отд. оттисекъ изъ Записокъ Восточнаго Отдѣленія Императ. Русск. Археолог. Общества. Томъ XVІІІ).

Некрологъ покойнаго профессора по кафедрѣ турецко-татарской словесности въ Петербургскомъ университетѣ П. М. Меліоранскаго (ум. 16 мая 1906 г.), составленный однимъ изъ его учениковъ, былъ напечатанъ ранѣе въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. (1907, апрѣль). Нынѣ некрологъ появляется съ нѣкоторыми дополненіями, двумя приложеніями, содержащими библиографическій обзоръ и краткую опись бумагъ, оставшихся послѣ П. М. Меліоранскаго, и портретомъ покойнаго съ его факсимиле. Работа выполнена г. Самойловичемъ съ рѣдкою аккуратностью и вся проникнута трогательною любовью благодарнаго ученика къ своему безвременнопогибшему, на 38 году жизни, учителю-профессору, который, по свидѣтельству автора, былъ единственнымъ, послѣ академика В. В. Радлова, русскимъ туркологомъ, „спеціально углубившимся въ лингвистическую область науки о туркахъ“.

Живая Старина своевременно отмѣтила на своихъ страницахъ (1906, вып. ІІІ) крупную потерю, понесенную наукою турковѣдѣнія въ лицѣ покойнаго П. М. Меліоранскаго.

Э. П.

Словарь якутскаго языка, составленный Э. К. Пекарскимъ (1882—1907 г.г.) при ближайшемъ участіи прот. Д. Д. Попова и В. М. Ионовъ. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Выпускъ 1-й (а, ä). Спб. 1907. [Труды Якутской Экспедиціи, сваряженной на средства И. М. Сибирякова (1894—1896). Томъ ІІІ. Часть І].

Когда въ 1899 году Восточно-Сибирскій Отдѣлъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества обратился въ Императорскую Академію Наукъ съ просьбою взять на себя печатаніе Якутскаго Словаря Э. К. Пекарскаго, то Академія, вслѣдствіе прекраснаго отзыва Комиссіи, просмотрѣвшей представленную отпечатанную букву а, рѣшила взять на себя печатаніе этого обширнаго труда. По независающимъ ни отъ Академіи, ни отъ автора причинамъ, печатаніе это замедлилось, и, наконецъ, первый выпускъ (содержащій слова, начинающіяся буквами а и ä) вышелъ въ свѣтъ въ 1907 году.

Въ предисловіи къ своему труду Э. К. Пекарскій подробно излагаетъ причины замедленія изданія и даетъ подробное описаніе хода своихъ работъ. При этомъ авторъ, по скромности своей, больше указываетъ на заслуги своихъ сотрудниковъ, чѣмъ на собственные труды. Составленіе такого полнаго словаря было возможно только при всестороннемъ изученіи языка якутовъ, ихъ нравовъ, обычаевъ и умственной ихъ жизни. Проживая среди якутовъ, авторъ сначала

записывалъ встрѣчавшіяся ему слова только для практической цѣли и тщательно дополнялъ свой запасъ при каждомъ удобномъ случаѣ— и при разговорѣ съ якутами, и изъ печатанныхъ русскими буквами якутскихъ книгъ. Научная обработка словаря началась только послѣ того, какъ авторъ познакомился съ научно-разработаннымъ словаремъ Бетлинга. Принявъ послѣдній въ основу и дополнивъ его своими матеріалами, авторъ въ теченіе двухъ съ половиной десятковъ лѣтъ старался по возможности исчерпать все богатство якутской рѣчи. Успѣхи Э. К. Пекарскаго въ этомъ направленіи побудили протоіерея Д. Д. Попова, Вс. М. Іонова и другихъ изслѣдователей быта и языка якутовъ предоставить собранные ими матеріалы составителю словаря, такъ какъ они видѣли въ этомъ лучший способъ для совершенствованія собственныхъ изслѣдованій.

Перечень источниковъ якутскаго словаря, приведенный въ предисловіи (стр. X—XVI), указываетъ на болѣе 100 печатныхъ и рукописныхъ сочиненій, изъ которыхъ авторъ извлекалъ матеріалы для своего словаря. Въ словарѣ, при всякомъ словѣ, указывается сколько-нибудь значительное фонетическое отступленіе, всякое рѣдкое значеніе; при этомъ отмѣчается заглавными буквами источникъ, въ которомъ они встрѣчаются. Перечень же пособій, приведенный въ томъ же предисловіи, доказываетъ, что авторъ знакомъ съ лингвистической литературой и старался выяснитъ связь между якутскими словами и словами родственныхъ языковъ.

Принявъ участіе въ изданіи словаря тѣмъ, что виѣсть съ авторомъ тщательно проштудировалъ каждый корректурный листъ, я могъ убѣдиться въ обширности знакомства автора со своимъ предметомъ и въ тщательной обработкѣ каждой отдѣльной статьи. Всѣ слова приведены въ строгомъ алфавитномъ порядкѣ, и при каждомъ словѣ указано въ скобкахъ: 1) на различный выговоръ его, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда авторъ находилъ приведенную въ источникѣ форму невѣрною, 2) на якутскую основу, отъ которой это слово происходитъ, 3) на слова языковъ, отъ которыхъ, оно вѣроятно, происходитъ, и, наконецъ, 4) приведены всѣ синонимы, встрѣчающіяся въ якутской рѣчи. Изъ русскихъ словъ приведены, понятно, только тѣ, которыя вполне усвоены якутами. Каждое якутское слово и приведенныя при немъ этимологическія указанія выведены въ отдѣльныя строчки и ясно отличаются по шрифту и по мѣсту отъ данныхъ къ нимъ объясненій. Въ объясненіяхъ къ словамъ цифрами указано на различныя значенія (прямое и переносное), и при нихъ приведены, какъ доказательство вѣрности того или другого значенія, фразы, встрѣченныя авторомъ въ разговорѣ съ якутами или въ письменныхъ и печатныхъ текстахъ другихъ авторовъ; при этомъ, въ сомнительныхъ случаяхъ, всегда указанъ источникъ, изъ котораго взята данная фраза.

Транскрипція якутскихъ словъ сдѣлана по алфавиту Бетлинга и проведена строжайшимъ образомъ: нигдѣ не встрѣчается колебанія въ передачѣ словъ, если таковое не замѣчено и въ рѣчи якутовъ. Отступленія отъ правописанія Бетлинга изложены въ статьѣ (предисловіе, стр. VII—IX), подписанной В. Іоновымъ и Эд. Пекарскимъ. Съ этими измѣненіями я не могу вполне согласиться. Несомнѣнно

вѣрно, что обозначеніе нн' Бѣтлинга слѣдуетъ передать черезъ н'і, такъ какъ въ выговорѣ якутовъ оба и выговариваются смягченными. Точно такъ же совершенно вѣрно, что слѣдовало ввести l'l', т.-е. двойной смягченный l, котораго у Бѣтлинга нѣтъ. Но если вмѣсто н, нн', l'l' въ другихъ говорахъ встрѣчаются ц, нц, лц, то и слѣдовало бы привести эти формы въ словарь въ двухъ различныхъ мѣстахъ, какъ, напр., сан'нылы и санцылы, хал'т'ајы и халцајы, к'ут'уну и к'утуңу. Для чего было придумывать особый знакъ, указывающій на оба выговора: санцылы, халцајы, к'ут'уну?

Еще болѣе неудобно употребленіе сложнаго знака nj и dj вмѣсто смягченнаго н' и д' для указанія на то, что они въ говорахъ чередуются съ ц, ибо этимъ нарушается правило, что каждый отдѣльный звукъ долженъ обозначаться однимъ знакомъ. Слѣдовало привести въ словарь обѣ формы: д'іа и ціа, н'ім и цім, хабд'ы и хабцы.

Далѣе, слѣдовало бы измѣнить невѣрное начертаніе двойнаго чч. Такая транскрипція требуетъ выговора 'ш' ш, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности удваивается только первая часть звука ч (= "ч), что и слѣдовало передать черезъ тч.

Но эти недостатки транскрипціи не введутъ читателя въ заблужденіе, когда онъ усвоитъ содержаніе приведенной въ предисловіи статьи.

Якутскій словарь Э. К. Пекарскаго заслуживаетъ того, чтобы быть названнымъ капитальнымъ вкладомъ въ лингвистическую литературу. Онъ не только является прекраснымъ пособіемъ при изученіи якутскаго языка и для пониманія якутскихъ текстовъ, но открываетъ намъ полную картину умственной жизни народа, заброшеннаго судьбою на далекой сѣверъ Азіи, насколько она отражается въ богатѣйшемъ его языкѣ. Я не знаю ни одного языка, не имѣющаго письменности, который можетъ сравниться по полнотѣ своей и тщательности обработки съ этимъ истиннымъ Thesaurus linguae Jakutorum, да и для многихъ литературныхъ языковъ подобный словарь, къ сожалѣнію, остается еще надолго *pium desiderium*.

В. Радловъ.

К. Иностранцевъ. Туркестанскіе оссуаріи и астоданы. Спб. 1907. — Къ изученію оссуаріевъ. Спб. 1907. (Отдѣльные оттиски изъ Записокъ Восточн. Отдѣленія Императ. Русск. Археолог. Общ., т. XVII, стр. 0166—0171 и т. XVIII, стр. 064—067).

Относительно оссуаріевъ (астоданы то жь), т.-е. такъ называемыхъ глиняныхъ гробовъ или, вѣрнѣе, костехранилищъ, въ которыхъ, согласно древнему религиозному обычаю, хранились кости покойниковъ, до сихъ поръ „наиболѣе *вѣроятнымъ* представлялось *априорное предположеніе* о принадлежности ихъ до-мусульманскому, огнепоклонническому населенію“. Такимъ образомъ, вопросъ объ оссуаріяхъ, этихъ памятникахъ до-мусульманской эпохи западной части Средней Азіи, остается открытымъ и можетъ быть выясненъ лишь путемъ сравнительнаго изученія сходныхъ памятниковъ въ области ихъ

распространенія. Обѣ замѣтки г. Иностранцева написаны съ цѣлю, во-первыхъ, указать на необходимость „привлеченія сравнительнаго матеріала“ для выясненія вопроса и, во-вторыхъ, обратить вниманіе на нѣкоторыя данныя и извѣстія, которыя сами могутъ послужить искомымъ сравнительнымъ матеріаломъ.

Э. II.

Ц. Жамцарановъ. Матеріалы къ изученію устной литературы монгольскихъ племенъ. Отд. оттискъ изъ Зап. Вост. Отд., И. Р. Арх. Общ., т. XVII. Спб. 1907 Стр. 20+1 стр. поправокъ.

Молодой лекторъ монгольскаго языка на факультетѣ восточныхъ языковъ И. Спб. университета Ц. Жамцарановъ предпринялъ въ 1903 и 1904 гг. поѣздки для собиранія матеріаловъ устной литературы своихъ родныхъ монгольскихъ племенъ, первый разъ по порученію И. Академіи Наукъ, второй—Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи. Въ 1903 г. Ц. Жамцарановъ посѣтилъ бурятъ: эхридъ и булгадъ въ Иркутской губерніи, а въ 1904 г.— халхасцевъ въ Ургѣ. Извлеченія изъ обширныхъ матеріаловъ, собранныхъ Ц. Жамцарановымъ за два года, и заключаются въ статьѣ, заголовокъ которой нами выписанъ выше.

Статья разбита на 4 отдѣла: I—добрыя пожеланія (үрөр), числомъ 20. II—пословицы (шојі хур), числомъ 21. III—загадки (табәрі), числомъ 30. Если при собраніи пословицъ и загадокъ не было системы, которая отсутствуетъ въ статьѣ, то этнографы объ этомъ очень пожалѣютъ: при случайномъ собираніи могутъ оказаться обойденными какъ разъ самыя интересныя группы этихъ блестящихъ народной мудрости и наблюдательности. IV—пироваая пѣсня.

Матеріалы напечатаны въ два столбца: налѣво монгольскій текстъ, направо—русскій переводъ. Вставочныя и пояснительныя слова заключены въ скобки, чѣмъ увеличивается точность перевода. Многочисленныя сноски къ лѣвому столбцу содержатъ лингвистическія поясненія, а къ правому—этнографическія. И въ транскрипціи текста, и въ переводѣ видна тонкая аккуратность. Обнародованіе матеріаловъ Ц. Жамцаранова полностью сулитъ много цѣннаго и интереснаго какъ для лингвистовъ, такъ и для этнографовъ. Остается пожелать, чтобы матеріалы не залеживались, а это, къ сожалѣнію, бываетъ...

Указанія на ранѣе изданныя монгольскія пословицы и загадки принадлежать приватъ-доценту А. Д. Рудневу, какъ видно изъ его послѣсловія къ статьѣ Ц. Жамцаранова. Это послѣсловіе содержитъ въ себѣ весьма цѣнную библиографическую справку о загадкахъ и пословицахъ бурятъ и др. монгольскихъ племенъ. Обнародованіе при случаѣ такихъ справокъ по различнымъ отдѣламъ монголовѣдѣнія, туркоровѣдѣнія и т. д. очень полезно и желательно, какъ подготовительная стадія для полныхъ библиографическихъ указателей литературы объ отдѣльныхъ племенахъ и народностяхъ Азіи. Именно предметная система должна быть, по нашему, положена въ основу подобныхъ указателей (ср. Orientalische Biblio-

graphie) ¹⁾; потребность же въ нихъ будетъ все возрастать даже и въ такихъ небогатыхъ литературно областяхъ, какъ монголо-вѣдѣніе.

A. C.

Dr. Alois Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch, Heidelberg. 1906. C. Winters Universitätsbuchhandlung, Sammlung indogermanischer Lehrbücher herausgegeben von Dr. H. Hirt, II Reihe: Wörterbücher, I Band, XLVIII + 870 S. 8°.

Позднѣе, чѣмъ подобаешь рецензенту, мы находимъ время для оцѣнки книги, заглавіе которой нами выписано здѣсь; но на вѣдь ли мы опоздали со своей рецензіей: трудъ Вальде при своемъ появленіи не только оказался на высотѣ современной этимологической науки, но подвинулъ ее впередъ значительнѣе, нежели всѣ этимологическіе словари, появившіеся за послѣднее время, вмѣстѣ. Достоинствами, благодаря которымъ этотъ трудъ можетъ считаться классическимъ, слѣдуетъ признать подробное знакомство автора: 1) съ исторіей латинскаго языка въ связи съ позднѣйшей судьбой его до развѣтвленія и образованія современныхъ романскихъ нарѣчій, 2) съ сравнительной грамматикой индоевропейскихъ языковъ и исторіей каждаго изъ нихъ, 3) обстоятельное знакомство его съ предметами, котораго мы до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не замѣчали у составителей этимологическихъ словарей (Bréal, Prellwitz, Uhlenbeck, отчасти Kluge), 4) прямо поразительное знакомство и добросовѣстность въ использованіи богатой этимологической литературы.

Всѣ эти достоинства позволяютъ намъ уже болѣе не распространяться о высокихъ преимуществахъ разбираемаго труда и только рекомендовать его лингвистамъ, филологамъ, историкамъ культуры, литературы и религіи для внимательнаго изученія. Можно также надѣяться, что словарь Вальде въ обширномъ кругу не узкихъ специалистовъ по данному предмету возстановитъ репутацію „сравнительнаго языковѣдѣнія“, поколебленную гипотетическими наклонностями нѣкоторыхъ представителей геттингенской школы.

Послѣ сказаннаго я уже прямо перехожу къ недостаткамъ этимологическаго словаря; что таковыя дѣйствительно имѣются и все-таки въ большемъ количествѣ, чѣмъ ниже найдетъ возможнымъ отмѣтить рецензентъ, — понятно всякому, кто занимался такими вопросами. Такъ Гесихіева глосса ἀβιν, ἐλάτην, οἱ δὲ πεύκην (3) обьявляемая исконно-родственной лат. abies (3), должна быть признана относящейся къ эллинистической Καινή, какъ многія глоссы Гесихіа (см. Thumb, Hellenismus 217 sq.), и поэтому скорѣе всего можетъ быть причислена къ латинскимъ элементамъ въ позднѣй-

¹⁾ Большимъ неудобствомъ является, на примѣръ, то, что, достойный вслѣдъ похвалы, капитальный трудъ А. Е. Алекторовъ: „Указатель книгъ, журнальныхъ и газетныхъ статей и замѣтокъ о киргизахъ“ (Каз. 1900 г.) составленъ въ алфавитномъ порядкѣ именъ авторовъ, такъ что для знакомства съ литературой любого вопроса о киргизахъ приходится каждый разъ перелистывать всѣ 900 съ лишнимъ страницъ указателя! Алфавитный списокъ именъ авторовъ тоже нуженъ, но его слѣдуетъ давать только какъ приложение къ основному предметному указателю.

шесть греческомъ языкѣ.—Подъ словомъ *alausa* (17) отсутствуетъ указаніе галльскаго источника, откуда заимствовано это названіе рыбы; въ данномъ случаѣ было бы желательно замѣчаніе, что извѣстіемъ о галльскомъ происхожденіи слова мы обязаны Авсонію, *Mosella* 127, см. Kluge E. W.^o 11.—Слово *argilla*, *argilla* (44) выводится изъ греч. *ἀργίλος*; напрасно авторъ не объяснилъ измѣненія рода въ этомъ словѣ: несомнѣнно мы имѣемъ дѣло опять съ заимствованіемъ эллинистическаго періода, когда древне-греческія *feminina* па—ος были замѣнены именами съ окончаніемъ—η, см. Lange, *De substantivis femininis graecis secundae decl.* 1 sq., *Hatzidakis Einl.* 23 sq., ошибочно *Claussen Gr. Lehnw. im Frz.* 28 sq.—Подъ словомъ *baubor* (63) не мѣшало бы присоединеніе къ разсматриваемой этимологической группѣ того, что приводитъ *Radermacher Rh. Mus.* LIX 311—313.—Слово *burgus*, выводимое авторомъ изъ германскихъ нарѣчій, скорѣе слѣдуетъ признать заимствованнымъ изъ греч. *πύργος* (76) см. *Thumb. IF XIV* 261, *G. Meyer Türk. Stud.* I 42, ошибочно *Thumb. Germ. Abh. f. H. Paul* 233.—Слово *samtagus* (88) правильно выводится изъ греч. *κάμαρος*; „удвоеніе“ въ немъ согласнаго нами будетъ объяснено въ другомъ мѣстѣ, какъ проявленіе дѣйствія экспираторнаго удара въ эллинистической народной рѣчи (ошибочно *Claussen Gr. Lehnw.* 79 sq., *N. Jb. f. kl. Alt.* XV 411), поэтому неосновательно сомнѣніе *Uhlenbeck's Got. Wb.* 2, *G. Meyer's Ngr. Stud.* III 22 sq.—*castanea* (103) неточно выводится изъ греч. *κάστανον*; слѣдовало бы указать форму *κάστανά*.—Славянскія формы, приводимыя подъ словомъ *cattus* (105): *мотѣла*, *мотѣла*—заимствованы изъ греч. яз. и потому могли быть пропущены, см. *М. Фасмеръ, Изв. отд. русск. яз. и слов.* II. *Ав. Наукъ* XII, кн. 2, стр. 247, гдѣ указана и литература о словѣ.—Лат. *catasta* (104) безъ сомнѣнія восходитъ къ *κατάστα*, а не *cat'hasta* (—безтолковая этимологія *Штовассера, Progr. d. Franz-Joseph Gymn. zu Wien* XXIX); при чемъ *κατάστα* : *κατάστασι* : *κατάστασις* ; получилось, какъ напр. слово *περίορα*, *Syme, Syllogos* VIII 477 изъ *περίορασι* : *περίορασις*.—Слово *citrus* правильно получилось изъ *κίτρος* (см. *Claussen c. l.* 70 sq.) и здѣсь нѣтъ надобности прибѣгать къ „измѣненію“ *dr > tr*, какъ это дѣлаетъ *W.* (122).—Слово *suscina* нашъ авторъ отдѣляетъ отъ *suscimis* едва ли не безъ основаній: хотя *W.* и указываетъ для него только значеніе: „поваренная посуда“, на основаніи котораго онъ уже выводитъ это слово изъ *σοῦχο* (154), но въ лат. яз. имѣлось и болѣе распространенное значеніе „*bauchiger Wasserkrug*“ („выпуклый сосудъ для воды“), сохранившееся въ романскихъ языкахъ (см. *Körting*² 284) и въ заимствованіяхъ въ греческомъ и албанскомъ языкахъ (см. *G. Meyer, Ngr. St.* III 34, *Alb. Wb.* 194, *Matzenauer* 227, *М. Фасмеръ Изв.* XII кн. 2 стр. 249). Отсюда же вполне возможно сближеніе *suscina* съ *suscimis*, которому на основаніи этимологіи *W.* (154) слѣдуетъ приписывать древнѣйшее значеніе „тыква“ (жъ значенію *си.* еще *Гоголь, Сочиненія* II 287 изд. *Шенрока*).—Ст.-слав. *чеканъ* „*malleus rostratus*“ вѣроятно совсѣмъ не относится сюда, такъ какъ выводится изъ ср.-греч. *τσόχανος*, что подтверждается русск.-дѣял. *чоканъ*, „ударъ“ *Вятск. Сб. отд. русск. яз. и слов.* LXXVI, 175

и проч. (Къ этимологiи греческаго источника см. G. Meyer Ngr. St. II 89, IV 93, Schuchardt, Zeitschr. f. rom. Phil. XV 104 sq.).— Греч. γόπη „выпуклость“ (160) можетъ быть понято какъ позднѣйшее измѣненiе формы χύπη въ Sandhi уже въ эллинистическую эпоху (см. M. Vasmer В Z XVI 544—549), потому ея рискованно считать вмѣстѣ съ Walde 160, Zupitza, K Z XXXVII 390, Sandhi'ческой дублеттой этой формы уже въ эпоху ариевропейскаго праязыка.— Слово drungus наврядъ ли можно признать кельтскимъ (185). тѣмъ болѣе, что есть данныя, указывающiя на германское его происхожденiе, см. Thumb., Germ. Abh. f. H. Paul 235 sq., Vendryes De hibern. voc. 136 (см. еще Walde 702).— dūracinus (188) авторъ правильно возводитъ къ названiю города Dyrachium, однако уже не впервые, ибо ту же этимологiю далъ Reinach, Rev. ét. gr. XII 48—52, см. еще Krumbacher, В Z IX 258, G. Meyer Türk. St. I 29, Korais 'Атакта I 189, Miklosić Türk. El. Nachtr. II 106.—Для слова gabata W. (257) нашель правдоподобную этимологiю; не объясненное имъ вульг.-лат. gavata я считаю обратнымъ заимствованiемъ изъ ср.-греч. γαβάθα (примѣры G. Meyer Ngr. Stud. III 19).— Формы саѣѣа, гаѣѣа (259) правильно выводятся изъ греч. яз. Разные начальные согласные въ этихъ формахъ объясняетъ средстами греческаго языка M. Vasmer В Z XVI 544—549, Clausen Gr. Lehnw. 73.—Лат. gerres (265) я не въ состоянiи соединить съ греч. γάρρος, γάρρον; это послѣднее я считаю заимствованiемъ изъ сѣверно-балканскихъ языковъ (оранiйскаго?), въ виду начального согласнаго въ ново-греч. γάρρος, см. Фасмеръ Изв. XII кн. 2 стр. 226, и сопоставляю съ ст.-слав. гарь (*gōr).—Слово grabatus безъ затрудненiй выводится изъ греч. κραββάτος, см. Clausen с. l. 79 (по Walde 273); о судьбѣ начального согласнаго см. выше подъ словомъ саѣѣа и γόπη.—Слово guppa по фонетическимъ причинамъ слѣдуетъ считать не кельтскимъ (278), а славянскимъ, прошедшимъ чрезъ греческое посредство (см. M. Vasmer, В Z XVI 503 sq.).—Несмотря на разсужденiя автора (324) для насъ крайне сомнительно происхожденiе сербск. слов. lоричъ изъ лат. larra.— Слово огса „вить“ точнѣе возводитъ не къ греч. ὄρηξ (436), а къ позднѣйшему ὄρυγα.—Слово platessa (473) W. возводитъ къ греч. πλατός, что сомнительно, въ виду отсутствiя въ греческомъ языкѣ формъ, болѣе близкихъ по звукамъ и по значенiю. Я считаю латинское слово передѣлкой славянскаго плотица „leuciscus rutilus“ и ссылаюсь на нѣм. Plötze (см. Brehm Tierleben, Volksausg. II 326) и новогреч. πλατίτσα (см. G. Meyer Ngr. St. II 50 sq.), какъ на свидѣтельства широкаго распространенiя этого славянскаго названiя рыбы, въ чемъ вижу подтвержденiе своей догадки о происхожденiи латинскаго слова изъ того же источника.—Лат. querquedula вмѣстѣ съ вульг.-лат. cercittula слѣдуетъ считать заимствованiемъ изъ греч. κερκιδάλις (см. Clausen с. l. 30, 35 и 80); авторъ ошибочно предполагаетъ исконное родство этихъ словъ (533 и 712).—Слово gupsina (533) заимствовано изъ греч. ροκάνη, въ чемъ насъ убѣждаетъ вульг.-лат. gupsina, см. Clausen с. l. 27.—Русск. саванъ заимствовано не изъ латинскаго языка, а изъ греческаго, см. М. Фасмеръ Изв. XII, кн. 2 стр. 273, на что указываютъ звуки (ошибочно

Walde 536).—Ст.-слав. сакуль заимствовано также изъ греческаго языка (537) см. М. Фасмеръ Изв. XII, 2, 273.—Къ образованію лат. russus (535) изъ rudh-so вполне точной параллелью является родственное съ нимъ, но не заимствованное (ошибочно G. Meyer Ngr. St. III 57, Matzenauer Listy Fil. XVII 193, Cizi slova 72) ст.-слав. русъ (см. Pedersen JF V 39, 41 и 58).—Русск. самвикъ заимствовано изъ греч. самβόκη, неточно W. 543.—Лат. spelunca (588) уже Claussen 33 правильно объяснилъ изъ σπήλυγα : σπήλυξ. — sporta (590) W. Schulze Sitzungsб. d. Berl. Akad. 1905 стр. 726 сл. объясняетъ этрусскимъ посредствомъ изъ греч. σφυρίς.—Слово tessera (625) безъ затрудненій можетъ быть возведено къ эллинистическому τέσσαρη получившемуся изъ τέσσαρη путемъ ассимиляціи (см. Dieterich, Untersuchungen 4 sq., Nachmanson 146, Mayser 14 и 57, G. Meyer Gr. Gr.³ 261 и 499).—Къ слову verbera я присоединяю темное мѣсто въ Carmen arvale : stā verber; въ stā я вижу форму iniunctivi „да возвысится“, а verber сопоставляю съ др.-верх.-нѣм. rēba, въ которомъ вижу сохраненіе древнѣйшаго значенія: „виноградная лоза“ (см. 658).—Слово viverra отъ славянъ попало къ римлянамъ чрезъ греческое посредство, см. M. Vasmer В Z XVI 554 (иначе W. 679).—mulus едва ли правильно нашъ авторъ сближаетъ съ алб. mušk, хотя для послѣдняго имѣется другая этимологія (см. G. Meyer Alb. Wb. 293, JF I 322 sq.), подтверждаемая свидѣтельствами древнихъ авторовъ, см. Schrader Reall. 205 sq.—Слово remulsi (520 сл. и 712 сл.) нашъ авторъ объясняетъ средствами латинскаго языка, хотя Claussen 110 доказать его греческое происхождение.—Русск. берлога W. 220 sq. сближаетъ съ лат. fiber „бобръ“; между тѣмъ славянское слово заимствовано изъ нѣм. Bärloch, см. Фасмеръ Виз. Врем. XIII 457, G. Meyer Ngr. St. II 44, Karłowicz Słownik wyrazów s. v.—Слово ковшь W. 157 считаетъ источникомъ литовскаго kaušas; но послѣднее можетъ быть сопоставлено съ греч. χαυχίον, др.-инд. kóśas, др.-норд. hauss „черепъ“ см. Uhlenbeck Et. Wb. d. ai. Spr. 66 sq.; къ переходу значенія черепъ > сосудъ см. Schrader Reall. 277 sq., Walde 114. Въ такомъ же случаѣ слово ковшь слѣдуетъ признать заимствованнымъ изъ литовскаго языка (см. еще Погодинъ Извѣстія отд. русск. яз. и слов. X, кн. 3, стр. 13).—Слово плита слѣдуетъ считать исконно-славянскимъ, вопреки мнѣнію нашего автора (327), съ правильнымъ соотвѣтствіемъ слав. i индоевр. in (о чемъ Lorentz Archiv f. slav. Phil. XVIII, 99 сл. Vondrák. В В XXIX 201—225), въ то время какъ ст.-сл. плинѣта заимствовано изъ греч. языка (см. М. Фасмеръ Изв. XII, кн. 2, стр. 265).—Съ лат. talea (614) авторъ сравниваетъ ст.-сл. талина, но послѣднее опять несомнѣнно должно быть признано заимствованиемъ, см. Фасмеръ Изв. XII, кн. 2 стр. 280, Leskien JF XIX 207.

М. Фасмеръ.

Журналы за 1907 годъ.

Византийской Временникъ, т. XIII, в. 3-4 (1906г.). Библиографія. Россія и Западная Европа. Б. Филологія и исторія литературы. М. Фасмера.— В. Исторія и географія. А. Васильева.— Г. Искусство и археологія. Д. Айхалова и Е. Рьдина.— Славянскія земли. Г. Ильинскаго—Греція и Турція. А. Пападопуло-Керамеса — Syrie. J. Guidi. — Arabia. И. Крачковскаго.— Египетъ и Абессинія. Б. Тураева.

Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. VI серия. №№ 1-18 Приложения къ протоколамъ засѣданій Академіи. Темы на соисканіе премій имени Михельсона въ 1907-1909 гг. (стр. 16).— Транскрипція русскихъ собственныхъ именъ, принятая Имп. Академіею Наукъ (стр. 35).— Н. К. Никольскій. Проспектъ изданія памятниковъ Русской литературы до-монгольского періода (стр. 199).— Протоколъ засѣданія Малорусской комиссіи по вопросу о системѣ правописанія для изданія „Словаря украинскаго языка“ (стр. 233).— П. Стебницкій. По вопросу объ украинскомъ правописаніи (236).— Записка объ изданіи памятниковъ Русской литературы съ древнѣйшаго времени (стр. 241).— Записка объ ученыхъ трудахъ проф. Н. П. Дашкевича (стр. 477).— Записка объ ученыхъ трудахъ В. М. Истрина (стр. 481).— Положеніе о преміи имени С. Н. Шубинскаго (стр. 795).— Некрологи: В. В. Стасова. Чит. Н. П. Кондаковъ (стр. 271).— А. Биленштейна. Чит. Е. Г. Залеманъ (стр. 695).— В. В. Радловъ. Отчетъ о командировкѣ для обобрѣнія Этнографическихъ Музеевъ. (стр. 743).— А. А. Шахматовъ. Какъ назывался первый русскій святой мученикъ? (стр. 261).— Его-же. Южныя поселенія Вятчей. (стр. 715).— О. Е. Коршъ. Опыты объясненія заимствованныхъ словъ въ русскомъ языкѣ (стр. 755).— Ю. А. Кулаковскій. Стратегика императора Никифора Фоки. (стр. 34).— Е. Г. Залеманъ. Списокъ Персидскихъ рукописей и книгъ, прибрѣтенныхъ отъ И. И. Десницкаго. (стр. 43).— Ею-же. Списокъ Персидскихъ рукописей Л. О. Богданова. (стр. 799).— Ею-же. Замѣтки по Манихейской письменности. I-II. (стр. 175 и 531).— П. К. Кокорцовъ. Нѣсколько новыхъ надгробныхъ камней съ христіанско-сирійскими надписями изъ Средней Азіи. Съ двумя таблицами. (стр. 427).— О. Э. фонъ-Лемма. Отрывки библии на Сахидскомъ нарѣччіи. III. (стр. 45).— Ею-же. Мелкія замѣтки по Коптской письменности. I—XXV (стр. 141 и 495).— С. О. Ольденбургъ. Краткая опись составленнаго д-ромъ Вохановскимъ собранія древностей изъ Турфана (стр. 805).— В. В. Радловъ. Уйгурскій текстъ XII вѣка (стр. 377).— О. И. Щербатской. О приписываемомъ Майтрейѣ сочиненіи Abhisamayalamkāra (стр. 115).

Извѣстія Имп. Археологической Комиссіи. Вып. 21. (Съ 9 табл. и 30 рис.). А. Л. Бертье-Деландардъ. О Херсонесѣ. Крестообразный храмъ. Крепостная ограда. Прибавленіе къ вып. 21. Археологическая хроника и библиографія (за 2-ю половину 1906 г.). Вып. 22. П. Покровский. Церкви Псковскаго типа XV—XVI столѣтій по восточному побережью Чудскаго озера и на р. Наровѣ (съ 1 табл. и 47 рис.).— Н. Макаренко. Отчетъ объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Полтавской губ. въ 1906 г. (съ 64 рис.).— Попеченіе о памятникахъ старины въ европейскихъ государствахъ. Перев. съ англійск. П. Латышева. Вып. 24. Н. В. Султановъ. Остатки якутскаго острога и нѣкоторые другіе памятники деревяннаго зодчества въ Сибири. (Съ 18 табл. и 50 чертеж.).

Извѣстія на Этнографическаго Музея въ Софія, кн. I. Выѣсто прѣдговоръ.— Д. Маринковъ. Боеонецъ.— Ею-же. Патерица.— Ею-же. Енья, Еньо, Енья или Еньова буля.— Ею-же. Кукови или кукери.— П. Койчевъ. Българската куша, памятници и художествени богатства на България.

Извѣстія О-ва Археологія, Исторія и Этнографія при Казанск. Унив., в. 4. Н. Высоцкій. Лихорадка, ея происхожденіе и способы лѣченія по народнымъ возрѣніямъ. — Л. Люперсовскій. Изъ воспоминаній о с. Мешеряковѣ. — Н. Баташовъ. Памяти Сергѣя Михайловича Шпилевскаго. — И. Никитинъ-Юрки. Чоль-Иоба (каменный столбъ).— Ею-же. Пузырь-шаръ.— Н. Петровский. По поводу новаго изданія „Путешествіе въ Персію“ Г. Тександера.— Саянъ. А. Ивановъ. Указатель книгъ, брошюръ, журнальныхъ и газетныхъ статей и замѣтокъ на русскомъ языкѣ о чувашахъ, въ связи съ другими инородцами Средняго Поволжья, съ 1754 по 1906 годъ.

Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и оловенности И. А. Н., т. XII, кн. 3. Н. Трубицынъ. Александръ Николаевичъ Веселовскій.—**А. Никольскій.** Сказаніе о двухъ Новгородскихъ чудесахъ изъ житія святаго Іаанна Предтечи и Крестителя Господня.—**Э. Вольтеръ.** Латышскіе отрывки.—**А. Полюдинъ.** Къ вопросу о русскихъ словарныхъ заимствованіяхъ изъ финскаго языка.—**Библиографія.** **Ю. Полюжа** на „Slovenská reč a jej miesto v rodine slovanskýchъ jazykovъ“.—**Н. Виноградовъ** на „Труды второго областного Тверскаго Археологическаго Съѣзда“.

Narodopisný Věstník. (Этнографическій Вѣстникъ Чешско-славянскій) № 9—10. **Янъ Тыкачъ.** Ленъ и льняной промыселъ въ околлицѣ Чешской-Требовой.—**Ю. Горахъ.** Этнографическіе матеріалы изъ края по-Саазавскаго. Сказки, пѣсни и т. д.—**В. Тылае.** Словацкія сказки изъ Кракованъ (окр. Питра).—Рецензія на четыре работы.—Полемика по поводу Этнографической карты Моравіи.—Этнографическія мелочи.—Извѣстія изъ этнографическихъ обществъ и музеевъ. 1908, № 1. **І. Копачъ.** Чепцы въ Гумполецкомъ краѣ (съ рис.).—**В. Вагра.** Горжички. Къ народной медицинѣ.—Рецензія на четыре работы.—Этнографическія мелочи.—Извѣстія изъ этнографическихъ обществъ и музеевъ.—Приложеніе. **І. Кубицъ.** Чешскія сказки изъ Кладскаго края.—Оглавленіе и указатели за 1907 годъ.

Русскій Филологическій Вѣстникъ, № 3. **А. Лукьяненко.** О языкѣ Несторова житія препод. Феодосія Печерскаго по древнѣйшему изъ дошедшихъ списковъ.—**А. Ветуховъ.** Заговоры, заклинанія, обереги и т. п. Заговоры отъ болваней, рѣже встрѣчающихся.—**В. Бобровъ.** Русскія народныя сказки о животныхъ.—Труды Московской Дialeктологической комиссіи. Сводъ матеріаловъ, собранныхъ комиссіей. Краткая программа по собранію особенностей русскихъ говоровъ. Владимірская губ., Калужская губ.—обработаны **Н. Дурново;** Нижегородская губ. — **Ушаковимъ;** Курская губ. — **И. Тарабаримымъ** и **Н. Дурново.**—**А. Соболевскій.** Новая данія о муромскомъ говорѣ.—**В. Францевъ.** Проф. Янъ Гебауеръ (некрологъ).—**Е. Корскій.** А. А. Кочубинскій (некрологъ).—Замѣтки. Критика и библиографія.

Старые Годы, № 11. Хроника. **М.** Новый кладъ.—Библиографія. **Бар. Н. Вратель.** Вновь появившіяся книги по вопросамъ старины и искусства. № 12. Хроника. **С. М.** Разрушеніе Самаркандскихъ мечетей. Приложение. **Бар. А. Фелькерзамъ.** Алфавитный указатель золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ.

Україна, № 10, **І. Стешенко.** Історія украинської драми. Розділ V.—**В. Даниловъ.** Къ характеристикѣ И. Г. Кулжинскаго и его литературной дѣятельности.—Библиографія.—По журналамъ.

Н. В.

Новости литературы.

Адресъ-календарь и Памятная книжка Могилевской губерніи на 1907 г. Могилевъ.

Аллемановъ, Д. и Зепревъ, А. Современное нотописаніе греческой церкви. Спб. 58 стр.

Baye, baron de. Au Nord de la Chaîne du Caucase. Paris.

Берсъ, А. А. Естественная історія чорта (его рожденіе, жизнь и смерть). Религіозно-історическое изслѣдованіе. Спб. 1908.

Бобчевъ, С. Българската челядна задруга. Історико-правни студии. София. 207 стр.

Борисовъ, А. А. У самоѣдовъ. Отъ Пинеги до Карскаго моря. Путевыя очерки художника. Съ автобіографической замѣткой и съ 36 снимками съ картинъ автора. Спб.

Васильевъ, Л. Л. Къ характеристикѣ

сильно акающихъ говоровъ. Варшава. 22 стр.

Ветуховъ, А. Заговоры, заклинанія, обереги и другіе виды народнаго врачеванія, основанные на вѣрѣ въ силу слова. (Изъ історіи мысли). Вып. I—II. Варшава. 522+VII.

Византійскій Временникъ. Т. XIII. в. 3 и 4. Спб. XXXV+521—734+I+II+213 стр.

Временникъ дѣяка Ивана Тимофеева. Спб. 216 стлб.

Вульфсонъ, Э. С. Какъ живутъ сарты. Изданіе А. С. Панафиной. Москва. 1908.

Его же. Эсты, ихъ жизнь и нравы. Москва. 1908.

Гиндичъ, П. Історія искусства. Вып. X. Съ 6 раскраш. табл., 3 рисунками на цвѣтномъ фонѣ и 175 рисункъ въ текстѣ. 3-е изданіе. Спб.

Григорьев, А. Подлинная карта Сибири XVII в. (Работы Семена Ремезова). Спб.

Дромоанов, М. Розвідки про Українську народню словесність і письменство. Т. IV. Львів. 399 стр. Съ 18 рис.

Древности. Труды Имп. Московск. Археол. О-ва. Т. XXI, в. 2. М.

Древности. Труды Комиссії по сохраненію древнихъ памятниковъ. И. М. А. О-ва.

Древяя высшая магія. Теорія и практическія формулы. Переводъ съ французскаго И. Антошевскаго, подъ редакціей И. К. Светотна. Спб.

Ежегодникъ Казанскаго Городского Научно-Промышленнаго Музея. Казань.

Этнографічний збірник, т.т. XIX и XXIII.

Жаковъ, К. Θ. Неганелла. (Сказаніе о Злѣ). Спб. 1908.

Жамсрановъ, Ц. Матеріалы къ изученію устной литературы монгольскихъ племенъ. Спб. 20 стр.

Ждановъ, И. Н. Сочиненія, Томъ 2-й. Спб. IV+610+I стр.

Записки Имп. Новороссійскаго Университета. ТТ. CVII, CVIII. Одесса.

Записки Одесскаго О-ва Исторіи и Древностей. Т. XXVII. Одесса.

Записки Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи Имп. Русск. Археолог. О-ва. Т. VII, в. 2. Спб.

Записки Уральскаго О-ва Любителей Естествознанія. Т. XXVI. Съ 42 карт. и 1 табл. рис. Екатеринбургъ.

Zbornik za nagodni život i običaje južnih slavena. Kn. XI, sv. 2. U Zagrebu.

Иверсенъ, В. М. Нѣсколько рѣдкихъ и интересныхъ русскихъ монетъ изъ собранія В. М. Иверсена. Спб.

Извѣстія Имп. Академіи Наукъ. V серия. Т. XXV, № 5. Спб.

Извѣстія Имп. Академіи Наукъ, VI серия. №№ 17 и 18. Спб.

Извѣстія Отдѣленія Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. 1907 г. Тома XII-го книжка 3-я. Спб.

Извѣстія Русскаго Археологич. Института въ Константинополѣ. Т. XII. стр. 254 + альбомъ. Софія.

Иностранцевъ, К. Къ изученію оссуаріевъ. Спб. 4 стр. + 1 табл.

Ею-же. Туркестанскіе оссуаріи и астаданы. Спб. 8 стр.

Iochelson, W. The koryak religion and myths. New-York. 1905.

Красновъ, А. Н. проф. Курсъ землѣвѣдѣнія. (Въ двухъ частяхъ). Спб. 1908.

Козьминъ, Николай. Кургоминскіе

причеты (свадебныя причитанія Кургоминской волости Шенкурскаго у.)-Архангельскъ. 23 стр. 16°

Кузьминъ, С. Россія и русскій народъ въ характеристикѣ М. П. Погодина. Спб. 1908.

Легенда о кончинѣ Императора Александра I въ Сибири въ образѣ старца Федора Козьмича. Спб.

Лукьяненко, А. М. О языкѣ Несторова житія преподобнаго Феодосія Печерскаго по древнѣйшему изъ дошедшихъ списковъ. Варшава.

Лядовъ, Анатолій (переложилъ). 35 пѣсень русскаго народа для одного голоса съ сопровожденіемъ фортепьяно, изъ собранныхъ въ 1894, 1895, 1901 и 1902 гг. И. В. Некрасовымъ, Θ. М. Истоминымъ и Θ. И. Покровскимъ въ губ. Нижегородской, Рязанской, Саратовской, Тверской и Ярославской. Изд. съ Высочайшаго соизволенія пѣсенною Комиссією И. Р. Г. О-ва. S. 1. et a. 28 стр. 4°.

Македоновъ, Л. В. Населеніе Кубанской области по даннымъ вторыхъ акземпляровъ листовъ переписи 1897 г. Екатеринодаръ.

Матеріалы по археологіи Кавказа. В. XI. М.

Матеріалы по изученію Дальняго Востока. Вып. XII. Харбинъ.

Матеріалы до Украинско-русской этнологіи, т. IX. Дитина в явчяхъ і віруванняхъ українського народа. Львів. 144 стр.

Миллеръ, В. Татскіе этюды. Ч. II. Опытъ грамматики татскаго языка. М. IX + 64 + 11 стр. (Труды по востоковѣдѣнію Лазаревск. Инст. Востоčnýchъ языковъ, вып. XXVI).

Мошковъ, В. А. Новая теорія происхожденія человѣка и его вырожденія, составленная по даннымъ зоологіи, геологіи, археологіи, антропологіи, этнографіи, исторіи и статистики. Т. I. Происхожденіе человѣка. Варшава. 1907. 239 стр.

Науескій, Д., проф. Изъ польской нумизматики и археологіи. Казань. 1908.

Новая повѣсть о преславномъ Россійскомъ царствѣ и Великомъ государствѣ Московскомъ. Спб.

Обзоръ Подольской губерніи за 1905 г.

Образцы народной литературы Тюркскихъ племенъ, изданные В. Радловымъ. Ч. IX. Нарѣчія урянхайцевъ (сойотовъ), абаканскихъ Татаръ и карагасовъ. Тексты, собранные и переведенные Н. Θ. Катановымъ. Текеты. Спб. I+VI+XXXII+668+XLVIII стр.

Тоже. Переводы. Спб. I + VI + XXV + 658 + I стр.

Отчетъ Имп. Одесскаго О-ва Исторіи и Древностей за 1906 г. (67-й). Одесса.

Памятная книжка Енисейской губ. на 1907 годъ. Красноярскъ.

Памятная книжка Псковской губ. на 1907 г. Псковъ.

Памятная книжка Тульской губ. на 1907 г. Тула.

Пекарскій, Э. Краткій русско-якутскій словарь. Якутскъ. 147 стр.

Пермскій Научно-Промышленный Музей. Краткій указатель. (Извлеченъ изъ путеводителя по Музею *И. Г. Остроумова*). Пермь. 16 стр. 16°.

Петровъ, А. Очерки социальнаго быта современной Японіи. (Изв. Восточнаго Института, т. XV, в. 6). Владивостокъ.

Полное собраніе русскихъ лѣтописей. Т. XVII. Западно-русскія лѣтописи. Спб.

Положеніе о Московскомъ Археологическомъ Институтѣ. М. 8. I. et a.

Попруженко, М. Св. Козьмы пресвитера слово на еретики и поученіе отъ божественныхъ книгъ. Спб. XVI + 86 стр. + II табл. фототип.

Поразезинскій, В., проф. Введение въ языковѣдѣніе. Пособіе къ лекціямъ. Москва.

Пришвинъ, М. Въ краю непуганныхъ птицъ. Очерки Выговскаго края. Съ 66-ю рисунками. Спб.

Путеводитель по Дашковскому Этнографическому Музею. М.

Радловъ, В. В. Опытъ словаря тюркскихъ племенъ. Т. IV, в. 3. Спб.

Ренанъ, Эрнестъ. Исторія израильскаго народа. Томъ II. Перев. съ франц. Е. П. Смирнова (Исторія происхожденія христіанства. Т. II). Изданіе Н. Глаголева. Спб.

Риттихъ, А. Западно-русская граница и русская народность. Спб.

Розовъ, А. Значеніе грамотъ XIV и XV вѣковъ для исторіи малорусскаго языка. Кіевъ. 20 стр.

Рыдигъ Е. К. Памяти профессора И. В. Помяловскаго († 28-го сентября 1906 г.). Харьковъ. 1908.

Ръчи, произнесенныя 15 мая 1907 г. при погребеніи заслуж. ординарн. профессора Имп. Новороссійскаго университета *А. А. Кочубинскаго*. Одесса. 15 стр.

Сборникъ Отдѣленія Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Томъ 82-й. Спб.

Сборникъ Отдѣленія Русскаго языка и словесности И. А. Н. Т. 83. Спб.

II + II + I порт. + 88 + 23 табл. + I + 62 + + I + 43 + 4 табл. + I + 150 + I + 304 стр.

Севеитна, И. К. Ключъ къ тайнамъ египетской астрологии и подробныя правила и наставленія къ составленію гороскоповъ. Спб.

Справочная книжка Самаркандской области. 1907 г. в. IX. Самаркандъ.

Статистическій обзоръ Псковской губ. за 1906 г. Псковъ.

Такъ называемое иное сказаніе. Спб. 144 стлб.

Текандеръ, Георгій. Краткое и правдивое описаніе путешествія изъ Праги черезъ Силезію, Польшу, Москву, Татарію къ царскому двору въ Персію въ 1602—1604 гг. Нѣмецкій текстъ по изданію 1608 г. съ предисловіемъ В. А. Францева. Прага. 1908.

Труды Вятской ученой архивной Комиссіи, за 1907 г. 40 + IV + 70 + 103 + 2 стр.

Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи. Вып. XVIII. (указат. къ вв. I—XVIII.). Оренбургъ.

Труды Троицко-Савско-Кяхтинскаго Отдѣленія Приамурскаго Отдѣла И. Р. Г. О-ва. Т. VIII, вв. 1-3. Спб. 1908.

Указатель къ первымъ восьми томамъ Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей. Изд. Имп. Археографич. Комиссіи. Отд. II. Указатель географическій (А.—Ө). Спб.

Успенскій, В. и Писаревъ, С. Лицевое житіе преподобнаго Іоасафа, царевича Индійскаго. (Фотографическое воспроизведеніе рукописи изъ библиотеки царя Алексѣя Михайловича). Спб. 1908.

— Основаніе московскаго Успенскаго собора и преставленіе святого Петра митрополита. Фототипическая выпись изъ Лицеваго Царственаго Лѣтописца XVI—XVII в.в.). Спб. 1908.

Фасмеръ, М. Къ вопросу о языкѣ древнихъ македонянъ. (Отт. изъ „Ж. М. Н. Пр.“, стр. 22-35).

Его-же Филологія и исторія литературы (библиографія). Отт. изъ XIII т. „Визант. Врем.“ 37 стр.

Филасовъ, И. П., проф. Изъ исторіи карпатской Руси. Очерки галицко-русской жизни съ 1772 г. (1848—1866). Варшава.

Ученія въ Императ. О-вѣ Исторіи и Древности Россійскихъ при Московскомъ Унив. Кн. 2 и 3.

Шахматовъ, А. А. Южныя поселенія вятичей. Спб. стр. 715—729. Отт. изъ „Изв. И. А. Н.“.

Яварскій, Ю. А. Новая гипотеза о происхожденіи т. наз. Грюнвальдской пѣсни. Кіевъ. 25 стр.

ОТДѢЛЪ V.

Смѣсь.

Какъ перестали убивать стариковъ въ Малороссіи.

При раскопкѣ кургановъ въ мѣстечкѣ Воронежѣ Черниговской губерніи старикъ рабочій, Яковъ Шевченко, разсказалъ слѣдующую легенду:

Въ прежнее время не было обыкновенія дожидаться, когда старій человѣкъ умретъ своею смертію. Ежели который станетъ никуда негоденъ, такого убивали, чтобъ даромъ хлѣба не ѣлъ; садили на лубокъ, везли куда нибудь за огороды и добивали довѣней. Разъ повезъ одинъ человѣкъ своего батька за огороды, съ нимъ увязался хлопчичъ небольшой, внучекъ, значить, того, старичка.

— Вы, тату, говоритъ, лубокъ назадъ возьмите, я васъ тоже на немъ, когда выросту, повезу...

Подумалъ тогда тотъ человѣкъ: нехорошо это убивать стариковъ; придетъ время повезутъ и меня... а развѣ нельзя безъ этого?.. Можно бѣ оставить стараго: пусть бы жилъ... да люди больно надоѣдаютъ,—„скоро, говорятъ, стараго на лубкѣ отвезешь? пора бѣ уже, давно пора?..“ Что тутъ дѣлать? И надумалъ сынъ спрятать батька въ погребъ и кормить его потихоньку, чтобъ люди не видали. Такъ и сдѣлалъ. Между тѣмъ подошелъ голодный годъ. Съѣли люди весь хлѣбъ, стали питаться желудями, лебедой да сосновой корой. Пришелъ сынъ къ старому отцу въ погребъ и сталъ его спрашивать:

— Что дѣлать, тату? Нечѣмъ тебя кормить... Придется отвезти васъ на лубкѣ... Приходитъ весна, а сѣять нечего, доведется на будущій годъ безъ хлѣба сидѣть...

— Дѣлай какъ лучше,—отвѣчалъ отецъ,—хочешь посадить меня на лубокъ, сади, твое дѣло; только на всякій случай исполни такой мой совѣтъ: раскрой ты крышу, собери солому и раструси ее по

полю. Послушался сынъ отца. У людей поля голыя, а у нашего человѣка колосится на нивѣ рожь. Стали его спрашивать люди, гдѣ онъ взялъ сѣмянъ.

— Я вамъ признаюсь, добрые люди, сказалъ нашъ человѣкъ, — я своего батька не убивалъ, — онъ у меня въ погребѣ сидитъ, я ему туда пить-ѣсть ношу. Это батько мнѣ посовѣтовалъ, чтобъ я разкрылъ крышу и раструсилъ солому по полю, а въ соломѣ оказались зерна, вотъ они и взошли.

— Ага, вотъ что! сказали люди... Надо, видно старыхъ людей держать для добраго совѣта. Да и Богъ тому помогаетъ, за кого старые люди Богу молятся. И съ той поры перестали старыхъ людей на лубкѣ отвозить.

Изъ Абрамовъ.

Этнографическія мелочи.

Изъ Кадниковскаго уезда.

Загадки.

1) Печь-перепечь, полна печь пироговъ, промежу пироговъ, — большой коравай. (Небо и въ немъ мѣсяцъ и звѣзды).

2) Стоять вилы, а на нихъ-то коробъ, на коробу-то городъ, въ городѣ-то роща, въ этой рощѣ звѣрье гуляетъ (человѣкъ: вилы—ноги, коробъ—туловище, городъ—голова, роща—волоса, а звѣрн—вши).

3) Два жучка въ мучкѣ катаются, а не смѣшаются. Есть у меня возжечки, кругомъ поля встануть, а вокругъ головы не встануть (Глаза).

4) Есть у меня Дарья да Марья, да двѣ Пелагини, да сукинъ сынъ и повознигъ съ нимъ. (Лошадь, дровни и сѣдокъ).

5) Взойду я на гой, гой, гой, ударю я въ бирюй-лю-лю, утѣшу я, утѣшу старца въ кильѣ, младенца въ зыбкѣ, красную дѣвушку въ терему. (Звонарь, колокольня и колокола).

6) На улицѣ столбомъ, а въ избѣ скатертью. (Чадь въ комнатѣ).

7) — Сова-ты, сова, полно по морю летать, полно золото имать! — „Мовчи же ты космачъ и тебѣ не миновать.“ (Сова—клюка, золото—горячіе угли въ печи, космачъ — помело).

8) Сидитъ курица съ золотыми яйцами. (Печурка съ горячими углями).

9) Сорока въ кустъ, Алексій за хвостъ. (Сорока—сковорода, Алексій—сковороднигъ).

10) Стоитъ Прошка на одной ножкѣ, крошенину крошитъ. (Свѣтецъ, въ который воткнута горящая лучина, отъ которой падаютъ угли).

11) День корпятъ и ночь корпятъ, одно утро спитъ (Заслонка у печи, которая день и ночь бываетъ приставлена къ печи, только утромъ убираютъ).

12) Къ верху дыра и къ низу дыра, а посрединѣ огонь да вода. (Самоваръ).

13) Рыба въ морѣ, а хвостъ на волѣ. (Ковшъ повѣшенный къ кадкѣ и опущенный въ воду).

14) Баба-яга—раскоматая нога, весь миръ кормить, а сама голодна (Соха).

15) Лежитъ красавица—лицомъ въ подлавицу (Топоръ, который крестьяне, обыкновенно, кладутъ въ избѣ подъ лавку).

16) Пять, пять овецъ зародъ ощипали, да пять, пять овецъ труху обирали. (Пряденье нитокъ).

17) Съ локоть мохнато, да съ локоть голова, да съ локоть въ гузно ушла. (Веретено съ навитыми нитками).

18) Самъ худъ, а голова съ пудъ. (Безмѣнъ).

19) Церковка—соловейкова, не я тебя глажу, сама гладка. (Бутылка съ водкою).

20) Въ лѣсѣ оно и съ лѣсомъ ровно, а не видно его. (Сердцевина).

21) Есть у меня брусъ, во всю Русь, какъ-бы руки да ноги, такъ вора-бы связалъ, а ротъ да глаза, все-бы рассказалъ. (Дорога).

22) Что въ сундукѣ не запереть? (Солнце).

23) Что чаще лѣсу? (Мелкія звѣзды въ небѣ).

24) Что краше солнца? (Хлѣбъ).

25) Что на гвоздь не повѣсить? (Яйцо).

26) Что безъ отвѣту? (Скотъ).

27) Что безъ голосу? (Рыба).

28) Что безъ дороги? (Птица летить).

29) Что безъ умолку? (Рѣчка журчить).

30) Что въ избѣ за медвѣжій глазъ? (Сукъ въ стѣнѣ).

31) Не помню, не вижу и не знаю. (Не помню, какъ родился, не вижу, какъ расту, и не знаю, когда умру).

32) Въ драхлой избушкѣ жили пусто да ничего, избушка стала руниться, пусто вышло въ двери, а ничего въ окно; кого задавило въ избушкѣ? („Да“).

А. Неуступовъ.

Умерла правда...

Въ Глуховскомъ и смежномъ съ нимъ Кролевецкомъ уѣздахъ въ нерѣдко услышите въ крестьянскомъ разговорѣ выраженія: „Позвонили по правдѣ...“ „Умерла правда...“ Выраженіе „позвонили по правдѣ“ возникло недавно и вотъ по какому случаю. Судились въ волостномъ правленіи два сосѣда. Судъ виновнаго оправдалъ, а праваго присудилъ къ наказанію. Идетъ по улицѣ невинно осужденный и опустилъ въ раздумьи голову. Встрѣчаетъ его псаломщикъ:

— Что ты, — спрашиваетъ, — не весель, буйну голову повѣсилъ?

„Такъ и такъ, отвѣчаетъ невинно пострадавшій, думаю, гдѣ бы правду на свѣтѣ сыскать...“

— Лучше не ищи, не сыщешь,—отвѣчаетъ псаломщикъ,—потому умерла правда.

— Вѣрно, что умерла! Такъ надо бы по ней позвонить, все равно, какъ бы по покойнику...

— Что-жь,—согласился псаломщикъ,—пожертвуй на церковь зелененькую, такъ пойду до батюшки за разрѣшеніемъ.

Батюшка сказалъ, что за зелененькую позвонить можно. Псаломщикъ полѣзъ на колокольню и скоро надъ селомъ понеслись глухія и печальные переливы похороннаго перезвона.

— Кто это, братцы, умеръ нынче?—стали спрашивать на селѣ—слышь по душѣ трезвонять!

— Это правда умерла!—разъяснялъ всѣмъ невинно осужденный мужикъ,—по ней вотъ и трезвонять.

Съ тѣхъ поръ и пошло: „позвонили по правдѣ!“ „умерла правда!“

Прибавляютъ еще къ этому, что нашелся другой совѣстливый мужикъ, который захотѣлъ воскресить правду. Поспорилъ разъ онъ со своимъ сосѣдомъ за землю, потомъ помирился. „Однако,—говорить,—давай посудимся, какъ судъ постановить, кто изъ насъ правъ, кто виноватъ“. Незадолго до суда пошелъ совѣстливый къ главному судѣ и просить:

— Господинъ судья, сдѣлайте такъ, чтобъ я былъ правъ, а Яковъ виноватъ.

— А что дашь?

— Пять рублей дамъ.

— Малс. Давай двадцать пять!

На томъ и порѣшили. Выдалъ Иванъ судѣ двадцать пять рублей, а отъ него получилъ расписку. Вотъ разобралъ судъ ихъ дѣло и говорить:

— Ты, Иванъ, правъ, а ты, Яковъ, виноватъ.

Тогда выступилъ Иванъ впередъ и говорить:

— Хотя вы дѣйствительно такъ присудили, господа судьи, а только виновенъ я, а не Яковъ, и мы уже съ нимъ помирились. А чтобы меня сдѣлать правымъ такой-то судья съ меня хабара взялъ двадцать пять рублей, и въ томъ у меня расписка есть! Правду говорить.—закончилъ онъ,—что позвонили по правдѣ, только я ее воскресить желаю!..

Ив. Абрамовъ.

Хроника.

30-лѣтіе Императорскаго Спб. Археологическаго Института и ученой дѣятельности директора его Н. В. Покровскаго. 15 января исполнилось 30-лѣтіе со дня основанія Иин. Спб. Археологическаго Института. Передъ молебномъ священникъ кронштадтскаго собора Поповъ сказалъ слово о значеніи Археологическаго института для изученія Россіи. Затѣмъ Н. В. Покровскій прочелъ историческій очеркъ института, отгѣнивъ въ особенности труды его перваго директора Н. В. Калачева и послѣдующихъ—П. Е. Андреевскаго и А. Н. Труворова. Въ настоящее время причиной, стѣсняющей дѣятельность института и развитіе его бібліотеки и музея, остаются недостаточность средствъ и отсутствіе собственнаго помѣщенія, заставлявшее институтъ перекочевывать съ Васильевского острова на Ивановскую, Садовую и т. д. За время своего существованія институтъ далъ 23 выпуска съ 1.046 окончившими курсъ. Князь П. А. Путятинъ и К. А. Шапошниковъ особо охарактеризовали свѣтлую личность Н. В. Калачева, а П. С. Яковлевъ (перваго выпуска) очертилъ въ отдѣльности профессорскую дѣятельность Бестужева-Рюмина, И. И. Срезневскаго, А. Н. Майкова, А. Ф. Бычкова, Е. Е. Замысловскаго и Н. В. Покровскаго. Затѣмъ депутаціями были прочтены и поднесены привѣтственные адреса: отъ совѣта Императорскаго московскаго археологическаго института—ген. Глазовымъ, отъ Императорскаго русскаго военно-историческаго о-ва—ген. Скалономъ, отъ Костромской ученой архивной Комиссіи—членомъ ея Н. Н. Виноградовымъ и отъ нынѣшнихъ слушателей института—поручикомъ л.-гв. Московскаго полка Карамышевымъ. Въ заключеніе, отъ нынѣшнихъ и бывшихъ слушателей института, профессоровъ и почитателей Н. В. Покровскаго, профессоръ Шляпкинъ прочелъ и преподнесъ грамоту, составленную языкомъ 17 столѣтія (Никоновской лѣтописи и Степенной книги). Грамота въ бархатномъ бюварѣ съ печатью и заключена въ дорогой серебряный дарецъ въ русскомъ стилѣ 17 вѣка, по рисунку академика Парланда, работы Оловянишникова. Также Н. Н. Виноградовымъ былъ поднесенъ адресъ и отъ Костромской ученой архивной Комиссіи, которая въ въ лицѣ юбиляра чествовала своего земляка.

12 ноября исполнилось 70-лѣтіе государственной службы и непрерывной научной дѣятельности выдающагося археолога и историка И. Е. Забѣлина, состоящаго товарищемъ почетнаго предсѣдателя Историческаго музея въ Москвѣ. Вся его жизнь была посвящена изслѣдованію русской старины и главнымъ образомъ бытовой стороны древней русской жизни. Результатомъ этого изслѣдованія были слѣдующіе крупныя труды: „Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII ст.“, „Домашній бытъ русскихъ царицъ въ XVI и XVII ст.“, „Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ“, „Матеріалы для

исторіи, археологій и статистики г. Москвы“, „Исторія города Москвы“. Кромѣ этихъ трудовъ Забѣлину принадлежить масса статей, помѣщенныхъ во многихъ періодическихъ изданіяхъ. И. Е. Забѣлинъ состоитъ почетнымъ членомъ Академіи Наукъ, почетнымъ докторомъ русской исторіи и имѣетъ рядъ премій за научные труды.

15 октября исполнилось 25-лѣтіе профессорской дѣятельности академика Императорской Академіи Наукъ и профессора Спб. университета, доктора славяно-русской филологіи А. И. Соболевскаго. Въ теченіе своей многолѣтней учено-профессорской дѣятельности проф. Соболевскій написалъ цѣлый рядъ ученыхъ трудовъ, изъ которыхъ наиболѣе извѣстны: „Лекціи по исторіи русскаго языка“, „Общеславянскія измѣненія звуковъ“, „Статьи по славянскому языку“, „Образованность Московской Руси XV—XVIII вѣковъ“, „Звуки церковно-славянскаго языка“, „Великорусскія народныя пѣсни“, „Церковно-славянскія стихотворенія конца 9-го и начала 10-го вѣковъ“, „О типѣ Ильи Муромца“, „Къ вопросу о финскомъ вліяніи на великорусское племя“, „О малорусскихъ думахъ“, „Очеркъ русской діалектологіи“, „Слѣды литовскаго вліянія на славянскіе языки“, „Замѣтки по исторіи русской драмы“, „Свѣтская повѣсть и романы въ древне-русской литературѣ“ и мн. др.

23-декабря исполнилось 35 лѣтъ со дня полученія А. Я. Гаркави званія доктора исторіи Востока. А. Я. Гаркави, выдающійся современный ориенталистъ, родился въ 1839 г. и происходитъ изъ древней еврейской семьи. За диссертацию „Сказаніе мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ“ въ 1868 году получилъ степень магистра исторіи Востока. Въ 1872 г. защищалъ диссертацию „О первоначальномъ обитаніи семитовъ, индоевропейцевъ и хамитовъ“, за что и получилъ званіе доктора исторіи Востока. Въ настоящее время г. Гаркави состоитъ бібліотекаремъ Императорской публичной бібліотеки. Въ цѣломъ рядѣ описаній, подробныхъ каталоговъ, статей и брошюръ А. Я. опубликовалъ цѣнные результаты своего изученія собранія бібліотеки семитическихъ рукописей. Между прочимъ имъ изучена извѣстная коллекція Фирковичей. Къ этой же категоріи работъ примыкаетъ и предпринятое имъ изданіе цѣлой серіи хранящихся въ публичной бібліотекѣ памятниковъ средневѣковой письменности. Кромѣ отдѣльно вышедшихъ изслѣдованій А. Я. написалъ болѣе 100 различнаго рода мемуаровъ, этюдовъ и сообщеній на русскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и древне-еврейскомъ языкахъ, которые поставили его въ ряду наиболѣе выдающихся современныхъ ориенталистовъ.

† А. Биленштейнъ. 1826—1907. 23-го іюня скончался въ Митавѣ, на 82-мъ году отъ роду, пасторъ Dr. А. Биленштейнъ, состоявшій съ 1890 г. членомъ-корреспондентомъ Академіи.

Онъ родился 20-го февраля 1826 г. въ Митавѣ, гдѣ отецъ его, Johann Andreas Bielenstein, состоялъ пасторомъ при городской латышской церкви; въ 1827 г. онъ былъ назначенъ барономъ von der Ropp, владѣльцемъ имѣнія Neu Autz въ Курляндіи, на должность пастора этого прихода.

До 1840 г. сынъ воспитывался дома, а на 15-мъ году отъ роду вступилъ въ известную гимназію Schulporta близъ Наумбурга и пробылъ въ ней пять лѣтъ въ семействѣ одного изъ учителей, германиста Коберштейна. Нѣтъ сомнѣнія, что вліяніе этого ученаго, въ лекціяхъ котораго должное мѣсто было отведено исторіи образованія родного языка, наряду съ классическимъ направленіемъ всего обученія въ alma Portensi, возбудили въ юношѣ ту склонность къ филологическимъ и историческимъ изслѣдованіямъ, которая сказывается во всей научной дѣятельности Биленштейна. Но и другими качествами, способствовавшими его успѣхамъ, онъ обязанъ воспитанію въ Пфортѣ: строгой умственной дисциплиной и неустаннымъ трудолюбіемъ. Пробывъ съ 1846 по 1850 г. на богословскомъ факультетѣ Дерптскаго Университета и выдержавъ въ 1851 г. консисторіальный экзаменъ, молодой кандидатъ былъ назначенъ для практическаго подготовленія (praktisches Jahr) къ пастору von Raison въ Gross-Autz'ѣ. Когда въ томъ же году отецъ умеръ, сынъ былъ выбранъ на его мѣсто въ Neu-Autz'ѣ и вступилъ въ 1852 г. въ эту должность, которую занималъ въ теченіе 15-ти лѣтъ. Служебныя обязанности по небольшому приходу оставляли достаточно досуга для научныхъ занятій, которыя, нося сначала богословскій характеръ, скоро сосредоточились на изученіи языка, быта и исторіи того племени, забота о духовномъ благѣ и развитіи котораго была поручена молодому пастору. Какъ членъ Латышско-Литературнаго Общества въ Митавѣ, Биленштейнъ охотно отозвался на предложеніе переиздать латышскую грамматику Hesselberg'a, но вскорѣ убѣдился, что для добросовѣстнаго исполненія этой работы необходимо предварительно изучить научно этотъ языкъ. Цѣлыхъ пять лѣтъ онъ посвятилъ этой задачѣ,—и плодомъ его изслѣдованій явился трудъ, который навсегда будетъ служить основаніемъ для изученія латышскаго языка, а въ то же время обезпечилъ автору видное мѣсто среди лучшихъ языковѣдцевъ. Это сочиненіе—„Die lettische Sprache nach ihren Lauten und Formen, erklärend und vergleichend dargestellt“, увѣнчанное Академіею въ 1860 г. половиною Демидовскою преміею, вышло въ свѣтъ въ 1863—64 гг. и было встрѣчено всеобщимъ одобреніемъ со стороны столь компетентныхъ ученыхъ, какъ Шлейхеръ, Поттъ, Боппъ и др. Для практическихъ цѣлей Биленштейнъ издалъ впоследствии: „Lettische Grammatik“, 1863 и „Die Elemente der lettischen Sprache“, 1866. Въ 1864 г. предсѣдатель Латышско-Литературнаго Общества, пасторъ R. Schulz, сложилъ съ себя эту должность, и преемникомъ его, какъ достойнѣйшій кандидатъ, сдѣлался Биленштейнъ, которому суждено было управлять дѣлами общества въ теченіе болѣе тридцати лѣтъ. Это время по справедливости слѣдуетъ считать самымъ плодотворнымъ и блестящимъ въ исторіи почтеннаго общества, учрежденнаго уже въ началѣ прошлаго столѣтія въ интересахъ распространенія просвѣщенія среди латышской народности. Въ 1867 г. Биленштейнъ переселился въ г. Добленъ на должность пастора нѣмецкаго прихода, на которой состоялъ до выхода въ отставку въ 1905 г. и переезда въ Митаву. И здѣсь не прекращалась его плодотворная научная и литературная дѣятельность, а кругъ его изслѣдованій постепенно расширялся. Изъ многочисленныхъ трудовъ его упомя-

немъ только болѣе крупныя: изслѣдованіе о народныхъ сказкахъ латышей (1874 г.), собраніе народныхъ пѣсней (1875 г.), сборникъ тысячъ загадокъ (1881 г.) и исправленіе, по порученію Лифляндскаго Синода, латышскаго перевода Библии, духовныхъ пѣсней и катехизиса, которые читаются нынѣ въ установленномъ Виленштейномъ текстѣ. Но и исторія и археологія латышскаго племени привлекли къ себѣ вниманіе неутомимаго изслѣдователя. Раскопки древнихъ городищъ, въ которыхъ онъ принималъ живое участіе, возбудили вопросъ о доисторической топографіи края; но при свудныхъ литературныхъ свѣдѣніяхъ главнымъ источникомъ для подобнаго рода изслѣдованій должны служить мѣстные названія, восходящія обыкновенно до весьма древнихъ временъ, и филологическій ихъ разборъ. Предпринять такой разборъ могъ только столь глубокой знатокъ латышскаго языка, какъ Виленштейнъ, которому не были чужды и нарѣчія финскихъ племенъ балтійскаго края. Самъ онъ рассказываетъ, что работалъ болѣе тридцати лѣтъ надъ вторымъ большимъ сочиненіемъ, изданнымъ Академіею при живомъ участіи покойнаго А. А. Кунича: „Die Grenzen des lettischen Volksstammes und der lettischen Sprache in der Gegenwart und im 13 Jahrhundert“, 1892. Смысло можно утверждать, что ни для одной изъ многочисленныхъ областей Россійской имперіи, въ которой чередовались различныя племена, не существуетъ подобнаго образцоваго изслѣдованія. Послѣдній капитальный трудъ покойнаго ученаго, „Die Holzbauten und Holzgeräte der Letten“, издается также Академіею, которая почтила пишущаго эти строки порученіемъ наблюдать за его печатаніемъ. Весною нынѣшняго года вышла первая часть, незадолго до кончины маститаго автора, уже съ начала девяностыхъ годовъ страдавшаго постепеннымъ ослабѣніемъ зрѣнія, такъ что онъ не былъ въ состояніи исполнять письменныя и корректурныя работы. Этотъ трудъ въ теченіе многихъ лѣтъ исполняла для него вѣрная его сотрудница—племянница покойнаго, г-жа Анна Шпонгольдъ, заслуги которой для науки равняются ея заслугамъ по отношенію къ ея покойному дядѣ.

Членамъ Отдѣленія памятно, какаю опасностью угрожала послѣднему труду Виленштейна, неопѣвнмому по богатству свѣдѣній и широтѣ взгляда въ изложеніи, когда два раза въ 1905 г., 1-го августа и въ началѣ декабря, шайки взбунтовавшихся латышей нападали на Добленскій пасторатъ и сожгли церковный архивъ и большую часть бумагъ и книгъ пастора¹). Къ счастью, рукопись второй части сочиненія „Die Holzbauten“ осталась невредимой.

Понятно удрученіе, охватившее почтеннаго старика вслѣдствіе грубѣйшаго поступка неблагодарности со стороны представителей племени, образованію и изученію котораго была посвящена вся его жизнь, поступка, который онъ простилъ, но забыть не могъ. Тѣмъ не менѣе Виленштейнъ не безъ основанія озаглавилъ свою автобіо-

¹) См. письма пастора Виленштейна ко мнѣ, отпечатанныя при протоколахъ Историко-Филологическаго Отдѣленія отъ 7 октября 1905 и 18 января 1906.

графію, вышедшую въ 1904 г., „Ein glückliches Leben“¹⁾. Да, счастливо протекала жизнь его, въ скромномъ пасторатѣ, въ кругу любящей семьи и единомыслящихъ друзей, среди служебныхъ занятій и научныхъ стремленій, которыя облизали его съ лучшими представителями современной науки и доставили ему на долгое время почетное имя между ними. Но не менѣе дорогой будетъ память пастора Биленштейна для родины, глубокая любовь къ которой руководила всею долготѣнней его дѣятельностью. И она вправдѣ гордиться такимъ сыномъ, ибо въ томъ, какъ онъ развился и кѣмъ онъ былъ, онъ обязанъ въ немалой мѣрѣ своей родинѣ. Nave, pia anima! (Съ разрѣшенія автора перепечат. изъ „Изв. И. А. Н.“).

Акад. К. Г. Залеманъ.

† Гейнрихъ ф. Влислоцкій родился 9 іюля 1856 г. въ г. Кронштатѣ въ Трансильваніи, получилъ среднее образованіе въ евангелической гимназій (Houtevus-gymnasium). Въ 1875 г. поступилъ въ университетъ Клаузенбургскій. Здѣсь онъ преимущественно изучалъ у профессоровъ Гуго Мельцля германскую филологію и нѣмецкую литературу, у Самуила Brassай—санскритъ. Онъ поражалъ своихъ учителей и товарищей своею робкою застѣнчивостью и исключительнымъ одиночествомъ. Спрятавшись у ниши окна въ коридорѣ, онъ поджидалъ профессора и вслѣдъ за нимъ входилъ въ аудиторію, не вмѣшиваясь въ бесѣды студентовъ. Эта замкнутость и одиночество породили о немъ цѣлый рядъ легендъ, но онѣ были не искусственною сдержанностью, а его природною наклонностью, дошедшею со временемъ до умственного заболѣванія. Въ 1879 г. онъ окончилъ свое университетское образованіе. Тогда же профессора Мельцля и Brassай стали издавать „Zeitschrift für vergleichende Literaturgeschichte“ (Временникъ сравнительной исторіи литературъ). Тогда же открылось Влислоцкому обширное поле дѣятельности. По совѣту Мельцля онъ сталъ заниматься цыганскимъ языкомъ и собираиіемъ ихъ пѣсенъ. Онъ не удовольствовался изученіемъ языка по книгамъ, а всѣ свои молодые годы посвятилъ непосредственному личному общенію съ трансильванскими цыганами. Онъ проводилъ въ ихъ таборахъ и перекочевкахъ цѣлые годы и, пользуясь ихъ дружбою и довѣріемъ, узналъ всѣ ихъ сокровенныя тайны, дѣлилъ съ ними всѣ ихъ невзгоды и, ставши „братомъ“ кочующихъ цыганъ, проводилъ съ ними зимой и лѣтомъ отъ восьми до десяти мѣсяцевъ непрерывно, въ грязной ихъ обстановкѣ, одно время сидѣлъ съ ними въ тюрьмѣ. Бабы рассказывали ему сказки, дѣвушки пѣли ему пѣсни, а старики передавали ему свои заговоры, заклинанья и разныя особенныя тайны. Результатомъ этихъ наблюденій и записей былъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ книгъ и статей въ нѣмецкихъ, мадьярскихъ, англій-

¹⁾ Ein glückliches Leben. Selbstbiographie von Dr. A. Bielenstein, Pastor zu Doblen in Kurland. Mit dem Porträt des Verfassers in Photogravure. Riga. 1904; на стр. 466 сл. списокъ печатныхъ трудовъ автора.—Ср. еще: Pastor Dr. August Bielenstein. Ein Nachruf von H. Diederichs. „Rigasche Zeitung“, 1907 (4 и 5 Juli, №№ 152 и 153).

скихъ и французскихъ журналахъ. Его выдающіеся труды, при всей строгой научности, нерѣдко читаются какъ романы. Вотъ ихъ заглавія: Heideblüten, Volks-Lieder die transylvanischen Zigeuner, Die Sprache d. transylvanischer Zigeuner; Märchen u. Sagen d. transylv. Zigeuner, Volksdichtungen d. siebenbürg. u. südungar. Zigeuner; Vom wandernden Zigeunervolke, Volksglaube u. religiöser Brauch d. Zigeuner; Märchen u. Sagen d. Bukowinaer Siebenbürger Armenier; Aus d. inneren Leben d. Zigeuner (признается самымъ важнымъ трудомъ Влислоцкаго).

Гансъ Ф. Гельмольтъ, редакторъ Всемирной исторіи (Weltgeschichte) пригласилъ Влислоцкаго къ участию въ его изданіи о болгарахъ, финнахъ, гуннахъ, мадьярахъ, румынахъ. Въ серединѣ 90-хъ гг. Влислоцкій посылалъ Гельмольту свои статьи, но подѣ конецъ въ письмахъ своихъ къ нему сталъ жаловаться на слабость зрѣнія, а затѣмъ изъ писемъ его стала обнаруживаться и слабость его памяти. Наконецъ подруга его жизни увѣдомила Гельмольта о постигшей Влислоцкаго душевной болѣзни. Онъ прожилъ въ такомъ положеніи еще 8 лѣтъ и недавно скончался въ Бетлеѣ-Сентъ-Миклотѣ.

Онъ пользовался большимъ уваженіемъ не только среди членовъ основаннаго въ Англии въ 1855 г. Gipsy-love society и особенно австр. Эрцгерцога Иосифа (цыганскаго протектора κατ' ἐξοχήν), но и редакторовъ и сотрудниковъ журналовъ, нѣмецкихъ, мадьярскихъ и англійскихъ по сравнительному языковеденію и фольклору, гдѣ помѣщались статьи покойнаго ученаго, такъ много сдѣлавшаго для изученія цыганскаго языка и быта, нравовъ, обычаевъ этого своеобразнаго племени.

(Изъ Кельнск. газеты, лѣтн. №№ 1907 г.)

† Во Франціи скончался видный византологъ августинецъ Жюль Паргуаръ. Онъ принималъ дѣятельное участіе, между прочимъ, въ „Византійскомъ Временникѣ“ и въ „Извѣстіяхъ Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ“. Участвовалъ онъ также и въ громадномъ научномъ предпріятіи — „Словарь христіанской археологіи и богослуженія“.

Дѣятельность Отдѣленія Этнографіи И. Р. Г. О-ва. Въ засѣданіи 26 октября 1907 года Э. К. Секарскій прочелъ вторую главу изъ „Набросковъ о якутахъ Якутскаго округа“ покойнаго В. Ф. Троцанскаго, автора „Эволюціи черной вѣры у якутовъ“.

Программа:

Зимнее жилище—юрта или балаганъ. Внѣшняя и внутренняя обстановка жилища. Каминъ. Культъ огня. Роль хозяйки, какъ хранительницы очага. Мебель юрты. Хозяйственный инвентарь якутской семьи: посуда, одежда, разныя хозяйственныя принадлежности. Наружность якутовъ и якутокъ. Два физическіе типа якутовъ. (Были показаны діапозитивы).

Въ засѣданіи 2 ноября было прочтано сообщеніе А. К. Сергеевскаго „Сувѣрія и предразсудки Полѣскихъ бѣлоруссовъ“.

Программа:

Топографическія условія мѣстности. Замена жизни народа. Суевѣрія и предрасудки, какъ остатки языческихъ переживаній. Взглядъ на господствующія въ мѣрѣ двѣ силы: добрую и злую. Колдунъ и колдунья, какъ руководители злой силы. Суевѣрія и предрасудки, связанные съ постройкой жилищъ, съ занятіями, съ главнѣйшими событіями жизни и т. п. Заключение. (Были показаны діапозитивы).

9 ноября чл.-сотрудникъ *А. А. Макаренко* сдѣлалъ сообщеніе: „Канунъ по Сибирскимъ селеніямъ“.

Программа:

Канунъ какъ обрядовое пивовареніе. Давность его въ Сибири. Цѣль, техника и организація кануна по фактамъ настоящаго и прошлаго времени. Случай разложенія и исчезновенія этого обычая. Религиозно-мірскаго характера кануна. Отношеніе къ нему властей свѣтскихъ и духовныхъ. (Были показаны діапозитивы).

Въ засѣданіи 28 ноября были заслушаны два сообщенія: 1) чл.-сотр. *Л. Л. Васильева*. „Къ характеристикѣ сально-акающихъ говоровъ: предлоги *см.*, *км.*, *см.* 2) чл.-сотр. *Н. Н. Вымоградова*. „Заломы и пережины“ (Изъ области народныхъ вѣрованій).

30 ноября и 14 декабря *В. И. Амучинъ* сдѣлалъ сообщеніе: Енисейцы (Енисейскіе остяки. Результаты экспедиціи 1905—1907 гг.). Объ этомъ сообщеніи будутъ даны болѣе подробныя свѣдѣнія.

Общество Любителей Древней Письменности. Въ засѣданіи 7 декабря были прочитаны доклады *Д. Ф. Кобко*. „Духовное завѣщаніе княгини Марыи Татевы“ и *С. В. Смоленскаго* „О трехголосныхъ кантахъ и нсальмахъ по рукописямъ конца XVII и нач. XVIII в.“. Послѣдній докладъ сопровождался пѣніемъ хора.

Въ засѣданіи 11 января *А. А. Титовъ* сообщилъ объ исчезнувшемъ музеѣ въ Смоленскѣ, а г. *Георгиевскій* объ распроданныхъ изъ Сольвычегодскаго собора иконахъ „Строгановскаго письма“.

Имп. Русское Археологическое О-во. Въ засѣданіи Восточнаго Отдѣленія 22 ноября были выслушаны сообщенія:

- 1) *А. Н. Самойловича*: Поѣздка въ Туркестанъ въ 1906—1907 г. (20-го іюля 1906 г.— 21-го января 1907 г.).
- 2) *Н. Я. Марра*: Еще о словѣ „челеби“.
- 3) *А. Д. Руднева*: Новыя данныя по манджурской діалектологіи.

Имп. Академія Наукъ. Въ Общемъ Собраніи 6 октября читано подписанное академиками *А. А. Шахматовымъ*, *Ф. Ф. Фортунатовымъ*, *А. С. Лаппо-Данилевскимъ*, *Ф. Е. Коршемъ* и *С. Ф. Ольденбургемъ* и адъютантомъ *М. А. Дьяконовымъ* заявленіе нижеслѣдующаго содержанія: „Исслѣдованіе географической номенклатуры, которое, по единогласному утвержденію исслѣдователей, можетъ дать обильныя и прочныя научныя результаты, находится у насъ въ Россіи почти въ зачаточномъ состояніи. Правда, можно

указать на рядъ попытокъ, предпринятыхъ единичными усиліями тѣхъ или иныхъ ученыхъ, подвергшихъ своему изслѣдованію тотъ или иной районъ съ цѣлью опредѣлить по топографическимъ названіямъ его историко-этнографическое прошлое, но эти попытки были неудачны потому, что для рѣшенія подобныхъ вопросовъ необходима совокупная работа нѣсколькихъ специалистовъ-языковѣдовъ. Намъ неслѣдуетъ указывать на важное значеніе для историковъ и этнографовъ разработки географической номенклатуры Россіи. Но мы думаемъ, что разработка ея будетъ поставлена цѣлесообразно и дастъ достовѣрные результаты только въ томъ случаѣ, если за нее возьмется ученое общество или Академія Наукъ. Опредѣлить методъ изслѣдованія, сосредоточить необходимый для изслѣдованія матеріалъ, освѣтить добытыя данныя всестороннимъ лингвистическимъ изученіемъ—все это требуетъ напряженнаго вниманія и просвѣщенныхъ указаній ученой коллегіи. Академія Наукъ болѣе, чѣмъ какое-либо иное ученое общество, могла бы стать центромъ подобныхъ изученій, какъ потому, что она заключаетъ въ своемъ составѣ ученыхъ языковѣдовъ, такъ и потому, что ей скорѣе, чѣмъ другому ученому обществу, обезпечена помощь со стороны различныхъ специалистовъ, а также русскихъ и иностранныхъ ученыхъ коллегій. Въ виду этого нижеподписавшіеся обращаются къ Общему Собранію съ просьбой избрать изъ своей среды Комиссію для предварительной разработки вопросовъ, связанныхъ съ организаціей изученій, встрѣчающихъ несомнѣнное сочувствіе въ нашей ученой средѣ. Положено передать это заявленіе на разсмотрѣніе особой Комиссіи, членами которой избраны академики А. А. Шахматовъ, А. С. Лаппо-Данилевскій, Э. Е. Коршъ, С. Э. Ольденбургъ и А. И. Соболевскій и адъютантъ М. А. Дьяконовъ.

Въ засѣданіи Историко-Филологическаго Отдѣленія Имп. Академіи Наукъ 3 октября академикъ С. Э. Ольденбургъ, какъ временно завѣдующій Музеемъ Антропологии и Этнографіи, довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что баронъ Эрнестъ Эдуардовичъ фонъ деръ Брюггенъ и Оскаръ Ивановичъ Іонъ принесли въ даръ Музею Антропологии и Этнографіи имени Императора Петра Великаго двѣ коллекціи изъ быта народа Сакаи (оранъ-батинъ) султанства Сіакъ на островѣ Суматрѣ.

Русское О-во Нормальной и Патологической Психологіи. Засѣданіе 13 ноября. Докладъ *И. М. Треубова*. Духоборы, ихъ ученіе, исторія и современная жизнь. Содержаніе: Сектанство, какъ народная социально-религіозная лабораторія. Духоборчество, какъ социально-религіозная лабораторія русскаго народа. Ученіе духоборовъ. Возникновеніе духоборчества, его распространеніе и гоненія противъ него. Переселеніе духоборовъ въ Таврическую губернію на молочныя воды при Александрѣ I. Сиротскій домъ. Изгнаніе духоборовъ изъ Таврической губерніи на Кавказъ при Николаѣ I. 40-лѣтнее благоденствіе духоборовъ. Дальнѣйшій ростъ духоборческой общины. Полное обобществленіе имущества, отказъ отъ военной службы и сожженіе оружія. Новая гоненія, тюрьмы и ссылки. Переселеніе въ Канаду. Современное положеніе духоборческой общины

въ Канадѣ. Новыя духоборческія теченія въ Россіи и ихъ глубокий интересъ, для психологовъ, социологовъ и политиковъ.

Харьковское Историко-Филологическое О-во. Въ засѣданіи О-ва 4 января Д. П. Миллеръ сдѣлалъ интересный докладъ объ этнографическомъ составѣ Харькова въ XIX в. Въ началѣ прошлаго столѣтія Харьковъ былъ по населенію почти украинскимъ городомъ, но уже въ 1818 году замѣченъ былъ его наклонъ къ обрусѣнію, которое стало быстро развиваться съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, съ усиленіемъ торговли и промышленности. Въ частности переводъ базара на Благовѣщенскую леваду повелъ къ обрусѣнію Панасовки, М.-Х.-А. ж.к. дороги къ обрусѣнію Холодной горы, удлиненіе конки приводитъ къ обрусѣнію Основы. По переписи 1897 г. въ Харьковѣ изъ 80 тыс. мужчинъ великороссовъ было 58 т., малороссовъ 22 т. женщинъ—великороссовъ 50 т., малороссовъ 20 т., причѣмъ курьезно, что все духовенство зачислило себя въ великороссы. Въ общемъ великороссовъ 58 % и малороссовъ около 25%.

Проф. Сумцовъ, соглашаясь съ выводами докладчика, замѣтилъ, что можетъ наступить предѣлъ, за которымъ пойдетъ уже сознательное наведеніе утраченнаго націонализма, особенно, когда въ обществѣ выростаетъ сознание, что денационализація идетъ рука объ руку съ деморализаціей, съ упадкомъ нравовъ и увеличеніемъ преступности, причѣмъ тѣ окраины, гдѣ болѣе всего обнаруживается денационализація, даютъ наибольшее число преступныхъ социальныхъ элементовъ.

Проф. Данилевичъ указалъ на любопытное явленіе, что прилегающія къ Кіеву малорусскія села лучше подгородныхъ харьковскихъ сохраняютъ свою національность и объяснилъ это явленіе сравнительно большимъ въ Харьковѣ влияніемъ торговыхъ и промышленныхъ слоевъ, въ особенности, пришлыхъ рабочихъ и приказчиковъ.

Проф. Сумцовъ добавилъ, что сильное обрусѣніе Харькова находитъ себѣ объясненіе въ его географическомъ положеніи въ районѣ стараго великаго муравскаго шляха, связывающаго Москву съ Крымомъ. Великорусская волна двигалась и двигается на югъ преимущественно черезъ Харьковъ и естественно осѣдаетъ въ немъ въ большомъ количествѣ.

Спб. Университетскій Студенческій Географическій Кружокъ. Въ засѣданіи 6 ноября Э. К. Пекарскій прочелъ „Якуты“. Этнографическій очеркъ. (Были показаны діапозитивы). Въ засѣданіи 20 ноября Л. Д. Соболевъ дѣлалъ сообщеніе: „Дальній Востокъ“. Географическо-этнографическій очеркъ. (Были показаны діапозитивы).

Въ г. Полтавѣ, при церковномъ историко-археологическомъ Комитетѣ открыто древлекранилище, содержащее въ себѣ свыше 500 предметовъ мѣстной церковной старины.

Тульская Епархіальная Палата Древностей. (Отчетъ за 1905 и 1906-й годы). Какъ въ предыдущіе, такъ и въ 1905 и 1906-й годы, Тульская Палата Древностей продолжала пополняться многими и

разнообразными памятниками старины и разнаго рода книгами. Многія изъ таковыхъ поступленій были вкладомъ жертвователей, сочувствующихъ дѣламъ Палаты, а многое было приобрѣтено покупкой—на средства, доставленныя почетными попечителями Палаты. Болѣе интересны (за отчетный періодъ) слѣдующія приобрѣтенія:

Изъ с. Городищъ, Каширскаго у. Деревянный потиръ, съ изображеніемъ Денсуса.—Деревянная ложка съ изображеніемъ св. Дмитрія Царевича, украшена бисеромъ и цвѣтными камешками. Съ подписью: Горать Угличъ. 1705.—Икона Успенія Пр. Богородицы, рѣзанная изъ слоновой кости, съ таковымъ же орнаментомъ.—Икона „Соборъ Архистратига Михаила и Гавріила, и прочихъ безплотныхъ силъ“, принадлежавшая И. И. Бѣляеву. Писана по заказу въ Калугѣ 1794 г.—Потиръ серебр. XVIII-го вѣка, принадлежавшій церкви с. Бѣльмова Бѣлев. у.—Серебряный стаканчикъ 1744 г. съ эмблемами льва и птицы.—Глиняный кувшинъ съ рельефными изображеніями утренней и вечерней зари.—Печатная пряничная доска.—Донце пряжи съ рѣзнымъ изображеніемъ сказки.—Шпатулка рѣзаная изъ кости.—Татарская серебр. подвѣска съ двумя самоцвѣтными камнями.—Ружейный кремневый замокъ, работы мастера Лебедева.—Икона-картина „Судъ надъ Христомъ у Пилата“.—Курокъ къ кремневому замку пистолета, съ золотой насѣчкой.—Пять маленькихъ бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ (Изъ Керченскихъ раскопокъ).—Гравюра съ изображеніемъ Св. Исаака Сирина, съ Аѳонской рукописи 1353 г.—Икона-картина на доскѣ: „Горы Синайскія“.—Четырехконечный тѣльный крестикъ съ замкнутыми концами (въ кругъ), серебряный.—Пара серебр. серегъ съ жемчужинками и червлеными бусами.—Рѣзаная изъ кости коробочка.—Долото изъ желтаго кремня.

Всероссійская Кустарная Выставка. Съ октября 1907 г. по январь 1908 была устроена въ Сиб. вторая Всероссийская Кустарная выставка. Цѣлью ея было:

- а) представить возможно полную картину народнаго труда;
- б) способствовать широкому сбыту кустарныхъ издѣлій, а также прийти на помощь населенію губерній, пострадавшихъ отъ неурожая въ послѣднихъ лѣтъ, продажей мѣстныхъ крестьянскихъ работъ;
- в) знакомить кустарей съ образцами иностранныхъ кустарныхъ и художественно-промышленныхъ издѣлій;
- г) содѣйствовать распространенію среди кустарей какъ старинныхъ русскихъ, такъ и новыхъ современныхъ рисунковъ.

Экспонаты Всероссийской Кустарной Выставки были представлены слѣдующими группами:

1-я группа. По обработкѣ дерева. Изготовленіе корзинъ и плетеной мебели. Столярно-мебельное производство. Токарный промыселъ. Бондарное производство. Рогожный промыселъ.

2-я группа. По обработкѣ волокнистыхъ веществъ. Ткацкій промыселъ. Изготовленіе шерстяныхъ издѣлій. Шерсто-валяльное производство. Изготовленіе вязаныхъ издѣлій. Сѣтко-вязальное производство. Изготовленіе кружевъ. Веревочно-прядильное производство.

3-я группа. По обработкѣ металловъ. Ножевое и замочное производство. Гвоздарное производство. Выдѣлка дѣпей и металлическихъ полотень. Изготовленіе металлической посуды и утвари.

4-я группа. По обработкѣ минераловъ. Гончарный промыселъ. Гранильное производство. Обработка простого камня.

5-я группа. По обработкѣ животныхъ веществъ. Кожевенное производство. Скорняжно-шубный промыселъ. Сапожное и шорное производство. Производство издѣлій изъ рога. Издѣлія изъ щетинъ и волоса.

6-я группа. Издѣлія изъ смѣшанныхъ матеріаловъ. Производство музыкальныхъ инструментовъ. Иконописный промыселъ. Производство игрушекъ и елочныхъ украшеній. Ювелирное производство. Лаконныя издѣлія.

Кромѣ того на Выставкѣ былъ устроенъ художественно-промышленный отдѣлъ, заключавшій въ себѣ слѣдующія группы: 1. Предметы русской старины. 2) Издѣлія художественной промышленности, могущія служить улучшенными образцами для кустарей. 3. Работы художниковъ. 4. Художественныя модели. 5. Рисунки и чертежи.

И наконецъ—иностранный отдѣлъ, имѣющій одну группу: Кустарни издѣлія.

При Выставкѣ издавался „Вѣстникъ Всероссійской Кустарной Выставки съ художественно-промышленнымъ и иностраннымъ отдѣлами“.

Абиссинская выставка открыта была 6-го декабря въ С.-Петербургѣ. Всѣ коллекціи вывезены изъ страны черныхъ христіанъ Эфіопіи. Коллекціи распределены въ образцовомъ порядкѣ и на ихъ систематизацію, очевидно, потрачено не мало усилій. Въ первой комнатѣ поражаетъ своей простотой и проникновенной мистичностью церковная утварь абиссинцевъ. Живопись оригинальна и самобытна. Вторая комната рисуетъ внутренность дома богатаго абиссинца. У костра сидятъ хозяинъ и слуги, на стѣнахъ висятъ охотничьи принадлежности, шкуры убитыхъ животныхъ и кухонная посуда. Третья комната представляетъ тронный залъ абиссинскаго императора. Всѣ главныя комнаты абиссинской выставки сообщаются коридорами, въ которыхъ выставлены всевозможныя мелкія вещи, рисующія бытъ абиссинцевъ.

Глуховская старина. Г. Глуховъ, Черниговской губ., игравшій такую крупную роль въ исторіи Украины, обогатился археологическимъ музеемъ, содержимымъ на средства уѣзднаго земства. Музей пополняется довольно быстро и общаесть занять одно изъ видныхъ мѣстъ среди провинціальныхъ музеевъ, распространеніе которыхъ такъ желательно. Самымъ богатымъ собраніемъ старины въ г. Глуховѣ, является собраніе П. Я. Дорошенка, состоящее изъ старыхъ бумагъ, книгъ по исторіи Малороссіи и коллекціи художественныхъ и бытовыхъ предметовъ.

Среди бумагъ имѣются подлинныя универсалы гетмановъ Богдана Хмельницкаго, Дорошенка, Брюховецкаго, Многогрѣшнаго, Самойловича, Скоропадскаго, Апостола и Разумовскаго. Въ библиотекѣ, между прочимъ, имѣется полный экземпляръ журнала „Основа“, всѣ изданія „Исторіи Малой Россіи“ Бантышъ-Каменскаго, всѣ сочиненія Костомарова, Максимовича, Кулина, „Записки о Малороссіи“ Я. Марковичъ СПб. 1798 г., „Энеида“ СПб. 1809 г. Первое изданіе „Кобзаря“ 1840 г. и т. д. Изъ оригинальныхъ портретовъ назовемъ

портретъ архимандрита Мельхисидека Значко-Яворскаго, умершаго въ началѣ XIX в. въ Глуховскомъ Петро-Павловскомъ монастырѣ и послѣдняго генеральнаго обознаго С. В. Кочубея, умершаго въ 1779 г. и т. д.—Необходимо упомянуть еще о древнѣйшихъ памятникахъ старины, имѣющихся въ изобиліи въ Глуховскомъ уѣздѣ,—о курганахъ, содержащихъ остатки трупо-сожженій. Пробныя раскопки, которыя велись здѣсь пишущимъ эти строки лѣтомъ 1907 г., показали, что курганы М. Воронежа Глуховскаго уѣзда принадлежатъ къ древнѣйшему въ Россіи типу т. н. „дыкова городища“ VI—VIII в. по Р. X.—Раскопки ихъ обѣщаютъ интереснѣйшіе результаты.

Нашъ сотрудникъ А. А. Макаренко, посвятилъ въ газетѣ „Рѣчь“ (1908, №№ 3 и 5) сибирскимъ инородцамъ двѣ статьи: „Вымираніе сибирскихъ инородцевъ“ и „Отчего вымираютъ наши сѣверные инородцы“. Заглавія статей вполне опредѣляютъ ихъ содержаніе. Констатировавъ еще разъ, между прочимъ и на основаніи личныхъ своихъ изслѣдованій инородческой жизни во время проживанія и путешествій на сѣверѣ Сибири, неудержимое угасаніе инородческаго племени, предоставленнаго исключительно самому себѣ въ борьбѣ со всевозможными неблагоприятными условіями его жизни, авторъ останавливается и на выясненіи причинъ этого нѣгѣмъ неоспариваемаго явленія. Прежде всего, авторъ указываетъ „на утѣсненіе въ гражданскихъ и земельныхъ условіяхъ и эксплуатацію инородцевъ, чинимыя въ самыхъ широкихъ размѣрахъ“, а затѣмъ на полное безучастіе властей вообще къ нуждамъ инородцевъ (№ 5). Въ силу наличности этихъ причинъ численное уменьшеніе замѣтно не только среди бродячихъ и кочевыхъ инородцевъ, но оно, по свидѣтельству автора, коснулось даже инородцевъ осѣдлыхъ. „Счастливые исключеніе представляютъ буряты, якуты и отчасти калмыки и киргизы“, что авторъ склоненъ объяснить „расовой устойчивостью, климатомъ, особенностями бытового устройства, занятій, а также развитіемъ собственной медицины, какъ, напр., у бурятовъ“ (№ 8).

Свои положенія авторъ иллюстрируетъ очень яркими примѣрами изъ собственныхъ наблюденій и печатныхъ источниковъ и горячо взываетъ о необходимости „двинуть инородческой вопросъ хотя бы въ печати“, и тогда—надѣется авторъ—„ему найдется коренное рѣшеніе. И пока этого не сдѣлаютъ, большой грѣхъ будетъ лежать на Россіи“ (№ 5).

В. Замысловскій, прожившій это лѣто въ Сѣверномъ Горномъ Округѣ Енисейской губерніи (Вост. Сибирь), привезъ свидѣніе о томъ, что въ глубинѣ золотопромысловой тайги, по „Чилимбѣ“, вымерла отъ черной оспы тунгусская семья Курочкиныхъ въ количествѣ восьми человекъ. Хоронилъ чужой тунгусъ. При помощи *носса* копалъ онъ для мертвыхъ могилы. И такъ какъ это было въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, когда почва еще въ достаточной степени промерзлая, то могилы не могли получиться достаточной глубины: ноги нѣкоторыхъ мертвецовъ, по словамъ посѣтившихъ мѣсто происшествія русскихъ, тор-

чали наружу; а одинъ умеръ въ полусидячемъ положеніи за „чайникомъ“. Картина представилась потрясающая. Добросердечному тунгусу удалось съ невѣроятными трудностями и рискомъ для собственной жизни похоронить семь человѣкъ, восьмого не смогъ: „самъ захворалъ, говорить, и Богу приказалъ, чтобы не сердился на меня за это...“ Оставшіеся безъ призора олени Курочкина разбрелись по тайгѣ.

Путешествіе. Дѣйств. чл. Имп. Русск. Географ. О-ва, извѣстный путешественникъ, полковникъ П. К. Козловъ телеграммой сообщилъ О-ву, что 28 декабря онъ выступилъ въ путь изъ Кяхты съ верблюжьимъ караваномъ.

„Справка о народѣ „Нах-самар-ях“. Подъ такимъ заглавіемъ въ № 23 „Православнаго Собесѣдника“ за 1907 г. Настоятель Обдорской миссіи игуменъ Иринухъ помѣстилъ небольшую замѣтку, въ которой онъ доказываетъ, что открытый въ 1894 г. въ Обдорскомъ краѣ заслуж. проф. А. И. Якобіемъ народъ „Нах-самар-ях“ есть не что иное, какъ обсамоѣдившееся племя остяковъ. Интересуясь подробной сообщенія проф. Якобія миссіонеръ во время своихъ поѣздокъ по Обдорскому краю въ 1898—1900 гг. употреблялъ, по его словамъ, всѣ усилія „разыскать слѣды этого народа. Но сдѣлать этого... не удалось. Всѣ поиски... ограничились лишь нахожденіемъ тамъ безоленныхъ самоѣдовъ, или обсамоѣдившихся остяковъ, проживающихъ полусѣдой жизнью круглый годъ въ лѣсныхъ мѣстностяхъ р. Надыша и называющихъ себя „Піано-хасово“,—„лѣсными людьми“. Говорятъ они особымъ самоѣдскимъ говоромъ. Ничего объ народѣ „Нах-самар-ях“ не узналъ миссіонеръ и отъ торговцевъ (русскихъ и зырянъ) Обдорскаго края, „знающихъ чуть ли не поименно всѣхъ инородцевъ“. Бывшій въ Обдорскѣ въ 1898—1899 гг. членъ экспедиціи графа Зичи лингвистъ Іосифъ Папай, говоря объ открытомъ проф. Якобіемъ народѣ нах-самар-ях, замѣчаетъ, что это лишь названіе группы самоѣдовъ: *ріахъ*—народъ, но *ори-ахъ*—самоѣдъ, *нюкохъ*—соболь, слѣдовательно, *нахъ са-маріахъ*—собольиные самоѣды, живущіе въ районѣ, гдѣ много соболя (см. Ежегодникъ Тобольскаго Губернскаго музея 1902 г. Выпускъ XIII. Хроника музея за 1899 г.). Очевидно проф. Якобіи встрѣтился съ группою инородцевъ самоѣдовъ или остяковъ, назвавшихъ себя нах-самар-ях, какъ намъ приходилось встрѣчаться съ инородцами, называвшими себя піано-хасово. Послѣдніе по словопроисхоженію самоѣды или обсамоѣдившіеся изъ проживающихъ въ Енисейской губерніи Юраковъ,—родственнаго самоѣдамъ народа, причисленныхъ по платежу ясака къ Обдорску, первые же должны по данному ими себѣ прозвищу принадлежать къ обсамоѣдившимся остякамъ. Это мнѣніе наше находитъ себѣ оправданіе въ томъ, что проф. Якобіи вверху по р. Надышу подымался не далѣе 90 верстнаго расстоянія, гдѣ и водрузилъ въ знакъ своего пребыванія на первомъ встрѣтившемся кедрѣ крестъ, вывезенный нами въ Обдорскъ и помѣщенный въ Музей Обдорскаго Братства св. Гурія. Мѣстность по р. Надышу, посѣщенная проф. Якобіемъ, извѣстна вдоль и поперекъ всѣмъ и каждому изъ Обдорскихъ тор-

говцевъ и миссіонеровъ и поэтому если бы тамъ жилъ какой-либо особый народъ, то обдорскимъ обывателямъ онъ былъ бы извѣстенъ. Остатки же въ этой мѣстности проживаютъ, только говорятъ они по самоѣдски.

По даннымъ миссіонерскихъ отчетовъ, за послѣднее время замѣчается сильное отатариваніе черемисовъ Царевовокшайскаго у. и чувашъ Казанской губ.

Крещенское купанье. „Ряз. В.“ передаетъ, что въ Рязани до сихъ поръ еще сохранился обычай купаться въ прорубяхъ на Крещенье. Въ этомъ году такихъ любителей сильныхъ ощущенийъ нашлось до 50 человѣкъ. Въ почтительномъ разстояніи отъ мѣста, отведеннаго для крестнаго хода, устроена прорубь, аршина два въ діаметръ. И какъ только раздался выстрѣлъ пушки, возвѣщавшей о погруженіи на водосвятіи креста въ воду, какъ купальщики одинъ за другимъ, держась за веревку, полѣзли въ прорубь.

Рѣдкая коллекція русскихъ модъ. На Фарфоровомъ заводѣ исполняется цѣлый рядъ статуэтокъ, изображающихъ всѣ перемѣны моды въ Россіи, начиная съ царствованія императора Николая I, по настоящее время.

Въ настоящее время начато печатаніемъ въ типографіи Имп. Академіи Наукъ обширное и многотомное изданіе „Славянской Энциклопедіи“.

Отдѣленіе Русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ по предложенію акад. А. И. Соболевскаго постановило ходатайствовать объ увеличеніи средствъ Отдѣленія для составленія и изданія діалектологическихъ и этнографическихъ картъ Россіи.

Предположено въ ознаменованіе 70-лѣтія со дня рожденія маститаго изслѣдователя живой старины и путешественника Г. Н. Потапина издать въ честь его сборникъ статей по живой старинѣ и по этнографіи. Имп. Русское Географическое О-во предоставило для этого ближайшій томъ Записокъ по этнографіи. (См. далѣе приглашеніе къ участію въ сборникѣ).

Въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности Имп. Акад. Наукъ К. Θ. Жяковъ представилъ свой отчетъ о лѣтней поѣздкѣ на сѣверъ Россіи подъ заглавіемъ: „Докладъ. Къ вопросу о составѣ населенія въ восточной части Вологодской губерніи“. Докладъ этотъ положено напечатать въ приложеніяхъ къ Отчету о дѣятельности Отдѣленія за 1907 годъ.

Нижегородская ученая архивная комиссія постановила издать біографическій словарь дѣятелей нижегородскаго Поволжья. Въ словарь должны быть внесены всѣ люди Поволжья, имена кото-

рыхъ дороги странѣ и человѣчеству, которые родились и дѣйствовали въ предѣлахъ нижегородскаго Поволжья, которые родились въ немъ, но работали внѣ, или отдавали свои силы Поволжью, лица, случайно посѣщавшія Нижній-Новгородъ, заглядывавшія въ край и оставившія по себѣ печатные матеріалы. Относительно каждаго лица должны быть помѣщены: 1) краткая біографія, 2) списокъ печатныхъ трудовъ и 3) біографическія данныя о жизни и дѣятельности. Въ словарь войдутъ: государственно-административные дѣятели, дѣятели церкви, сектантства, старообрядчества, общественные—земскіе и городскіе, науки, литературы, искусства, педагоги и др.

Обширный, задуманный Н. М. Лисовскимъ трудъ: „библіографія русской бібліографіи“, который будетъ заключать въ себѣ полный перечень всѣхъ русскихъ бібліографическихъ указателей, каталоговъ и т. п., близокъ къ окончанію.

Въ скоромъ времени выйдетъ въ свѣтъ Указатель къ „Историческому Вѣстнику“ за 25 лѣтъ.

Въ скоромъ времени выйдетъ въ свѣтъ въ переводѣ на русский языкъ книга маркиза А. де-Кюстинъ „La Russie“. Книга, впервые появившаяся въ печати на французскомъ языкѣ въ 1842 году, даетъ описаніе быта и порядковъ Россіи въ половинѣ прошлаго столѣтія.

По ходатайству еп. Якутскаго Макарія Св. Синодъ разрѣшилъ увеличить неофициальный отдѣлъ „Якутскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ включеніемъ статей, имѣющихъ мѣстный интересъ въ историческомъ, этнографическомъ и бытовомъ отношеніи, а также дневниковъ священниковъ и миссіонеровъ.

Вышли первые два выпуска XXII-го тома польской бібліографіи Эстрейхера.

Въ началѣ этого года будетъ издаваться еврейская энциклопедія.

Хроника составлена *Н. Виноградовымъ*.

Въ видахъ достиженія возможной полноты настоящаго отдѣла, редація усердно проситъ гг. секретарей ученыхъ обществъ и учреждений, въ кругъ дѣятельности которыхъ входятъ работы этнографическаго характера, присылать отчеты и разнаго рода сообщенія печатныя и рукописныя о дѣятельности обществъ.

Желательны также и вырѣзки изъ газетъ.

Редакція получила нижеслѣдующее извѣщеніе, которое считаетъ долгомъ перепечатать полностью для свѣдѣнія гг. читателей журнала.

У небольшого кружка лицъ возникла мысль ознаменовать минувшій въ 1905 году день 70-ти лѣтія со дня рожденія нашего маститаго изслѣдователя живой старины и путешественника *Григорія Николаевича Потанина*, изданіемъ въ честь его сборника статей по живой старинѣ или по этнографіи.

ИМПЕРАТОРСКОЕ Русское Географическое Общество предоставило для означенной цѣли въ наше распоряженіе одинъ, ближайшій, томъ Записокъ по этнографіи.

Просимъ Васъ, Милостивый Государь, не отказать увѣдомить по нижеслѣдующему адресу:

1) Желаете ли Вы принять участіе въ означенномъ сборникѣ, доставленіемъ статьи, размѣромъ не болѣе одного или двухъ печатныхъ листовъ (отвѣтъ о согласіи, по возможности, до 15—28 ноября).

2) Въ случаѣ Вашего согласія, доставить Вашу статью въ возможно непродолжительномъ времени (не позже 1 февраля 1908 года) по адресу:

Прив.-Доценту Андрею Дмитріевичу Рудневу.

Моховая ул., д. 17, кв. 7. С.-Петербургъ.

В. И. Ламанскій.

Ө. И. Щербатской.

С. Ф. Ольденбургъ.

П. К. Козловъ.

Д. А. Клеменцъ.

А. Д. Рудневъ.

СЪ 1-го ЮЛЯ 1907 г. ВЪ г. ЯКУТСКЪ
выходить ДВА РАЗА ВЪ НЕДѢЛЮ, по воскресеньямъ и четвергамъ, на
русскомъ и якутскомъ языкахъ

ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ЯКУТСКІЙ КРАЙ,

СЪ ЕЖЕДНЕВНЫМЪ ВЫПУСКОМЪ ТЕЛЕГРАФНЫХЪ БЮЛЛЕТЕНЕЙ
С.-П.-Б. АГЕНТСТВА НА РУССКОМЪ ЯЗЫКЪ.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ: 1) Телеграммы агентскія и собственныхъ корреспондентовъ. 2) Правительственныя распоряженія. 3) Передовыя статьи. 4) Мѣстная хроника. 5) Отчеты о дѣятельности и о засѣданіяхъ мѣстныхъ обществъ и учреждений. 6) Обзорніе мѣстной жизни. 7) Обзорніе русской жизни. 8) Корреспонденціи. 9) Иностранныя извѣстія. 10) Научный отдѣлъ. 11) Библиографія. 12) Фельетоны (повѣсти, разказы, очерки, стихотворенія и проч.). 13) Судебная хроника. 14) Торгово-промышленныя свѣдѣнія по Сибири. 15) Слѣсъ. 16) Справочный отдѣлъ. 17) Почтовый ящикъ. 18) Объявленія.

Подписная цѣна на газету „Якутскій Край“ съ доставкой и пересылкой:

Съ телеграфными бюллетенями.		Безъ бюллетеней.	
На годъ	12 р.	На годъ	6 р.
„ 6 мѣс.	7 р.	„ 6 мѣс.	3 р. 50 к.
„ 3 „	3 р. 50 к.	„ 3 „	2 р.
„ 1 „	1 р. 25 к.	„ 1 „	— 80 к.

Подписка принимается въ конторѣ „Якутскаго Края“, по Преображенской улицѣ, домъ Борисова.

БЪЛГАРСКА СБИРКА

списание за книжнина, исторически и общественни
знания.

Българска Сбирка ще излазя и прѣзъ 1908 г. еднажъ въ мѣсеца освѣнъ августъ и септемврий, въ размѣръ отъ 4—5 печат. листове. „Б. Сб.“ съдържа: I. Исторически и етнографически приноси за нашенско. II. Икономически, общественни и педагогически статьи. III. Изящна книжнина: разказы и стихотворения. IV. Историко-литературни студии. V. Книжовни оцѣнки. VI. Прѣгледъ на списания. VII. Що става въ нашенско, въ славянскитѣ земи и на чужбина. VIII. Разни вѣсти.

Годишно „Бълг. Сбирка“ струва 8 лева въ България, 9 фр. на чужбина, 3 рубли въ Русия. Абонаментътъ е годишенъ въ прѣдплата и започва отъ 1 януарий.

Всичко за „Б. Сб.“ се изпровожда въ София, ул. Славянска № 24, дѣто е редакцията и администрацията. Телефонъ № 10.

Редакторъ С. С. Бобчевъ.

[Къ этой „Молитвѣ святого священномученика Кипріяна“ позднѣйшей рукой, писарскимъ почеркомъ присоединенъ рядъ апокрифическихъ молитвъ, употребляемыхъ въ качествѣ заговоровъ отъ самыхъ разнообразныхъ болѣзней и на разные случаи человѣческой жизни.

Любопытно, что почти рядомъ помѣщены три „Сна Пресвятой Богородицы“. Это показываетъ, въ какихъ разнообразныхъ редакціяхъ и какъ широко распространено въ народной массѣ это произведеніе].

№ 110. Сонъ Пресвятыя Богородицы.

На горахъ, горахъ три ангела въ головахъ... (далѣ неразборчивое мѣсто). Спрашиваетъ Иисусъ Христось: „Мати моя возлюбленная, спишь, али такъ лежишь?“ Отвѣчаетъ пресвятая Богородица: — сплю я, такъ лежу, вижу я сонъ необыченъ, весьма претрашенъ: ведутъ Тебя, истиннаго Христа, въ нетлѣнной ризѣ, на престолъ голову положили, кошемъ голову изпроломали, потекла изъ Тебя, истиннаго Христа, кровь и вода. На начали ¹⁾ мы Тебѣ, истинному Христу, воскреснути, но Ты въ третій день воскресся, на небеса вознесся, всѣмъ слѣпымъ и ухраннымъ ²⁾ на удивленіе, міру на сохраненіе, душамъ на спасеніе. Аминь.

№ 111. Сонъ Пресвятыя Богородицы.

„Мати моя возлюбленная, гдѣ ты была-побывала?“ — Въ городѣ Вохлѣмѣ, во святой оградѣ, въ Божьей церевни, у истиннаго Христа за престоломъ. Видѣла я сонъ про Христа, про своего Сына милаго: кабы взяли Христа со креста, понесли Христа со креста на вапаристое древо, руцѣ и нозѣ гвоздемъ пригвоздили, святое лицо оплевали, кошемъ ребра прободали, на главу обручъ накладывали, изъ святого лица кровь проливали. Выди же, кровь, водою святою, намъ на исцѣленіе, душамъ нашимъ на спасеніе. Положили Христа въ новую гробницу, въ чистую плащаницу, тридевятъ локтей землей засыпаци, хрящами завалаци.

Ходять три жены Мироносицы, слезно плачуть и рыдають, истиннаго Христа ищуть. Сослалъ Господь, истинный Христось,

¹⁾ Нужно—не чаяли.

²⁾ Очевидно не разобранное слово.

трехъ ангеловъ съ небесъ: подьте, снесите женамъ мирносопцамъ, не жалко вы плавали, слезно рыдали,—въ третій день Христось воскресеть. Заутрашши, просыпашши, святая плащаница раскрывавши, Христось изъ гроба востававши, въ адовы двери входящи, изъ аду праведниковъ и праведницъ выводящи. Тогда аде простонаше. „Не стони же ты, аде, и не сокрушайся, будешь ты, аде, наполненъ попами, дяками и мурыми мудроками, поучеными людьми: архиреями, архимадритритами, колдунами, портещиками, неправедными судьями и нищей братией!“.

Рѣчаетъ Господь Богъ, истинной Христось: „Кто этотъ сонъ на списокъ спишетъ, или наизусть перейметъ, въ томъ домѣ Владычица почиваетъ съ тремя ангелами, тотъ домъ спсень и сохраненъ будетъ, и помилованъ: отъ огня отъ пламени, отъ вора, отъ разбойника, отъ колдуна и отъ портещика, отъ болѣзни, отъ скорбости и отъ всякѣе немощи. Кто этотъ сонъ станетъ по трижды въ день читати, на главѣ держати и въ чистотѣ носити, тотъ человекъ отъ Бога спасеніе получитъ; куда этотъ человекъ ни пойдетъ, ни поѣдетъ, прочитаетъ этотъ сонъ, поутру ставши, при вечерѣ, спать ложавши, и среди дни бѣлаго — дастъ ему Богъ, истинный Христось, въ торгахъ-товарахъ большія прибытія, на водѣ плавающимъ — погоду бѣ хорошее, коню — легость, самому — здоровье. Поидетъ человекъ въ лѣсъ, прочитаетъ этотъ сонъ, не будетъ ему въ лѣсу заблужденія. Поидетъ человекъ въ пирь, прочитаетъ этотъ сонъ, во пиру ни бѣды, ни напасти, ни колдуна, ни портещика. Поидетъ этотъ человекъ передъ судью, вельмогу, прочитаетъ этотъ сонъ, и во всемъ получитъ въ судѣ свое дѣло. Закроетъ Господь Богъ, истинной Христось, отъ муки вѣчныя, отъ кромѣшныя во вѣки аминь.“

№ 112. Похвала Пресвятой Богородицѣ.

Ангельское удивленіе, Апостольская преславная похвала, пророческая высокая проповѣдь, святителямъ изрядное украшеніе, мученикамъ крѣпкое утвержденіе, инокамъ спасеніе, Богу присвоеніе, чистымъ матерямъ дѣвственнымъ тихое веселіе, младенцамъ мудрость и наказаніе, вдовѣ и сиротѣ кормительница, труждающимъ благое покоище, поснивкамъ изнемогающимъ воздержность, плѣннымъ избавленіе, нагимъ одѣяніе, болящимъ здравіе, обидящимъ ¹⁾ покровительница, въ бѣдахъ

¹⁾ Нужно читать—обидимымъ.

сущимъ скорая помощница, молитвенница о душахъ нашихъ; въ путяхъ легкое прихождение, въ заблужденіи нетрудная наставница, по морю плавающимъ, не бурями обуреваемая ¹⁾, тихое пристанище, ненадежнымъ надѣяніе. Ты—мати чадолюбивая, Богоизбранная отроковица, Богообрядная невѣста, чистая, непорочная, начало закона, стопа непоколебимая, глубина неизмѣримая, благодать неизчерпаемая, несвѣдомое чудо, родшая Иисуса Христа, царя и Бога нашего, грозная огненная колесница, нося въ киотѣ Духа Святого, тѣла Христова, еретикамъ пагуба, мечу ярость... Спаси, Господи, и сохрани мора и прещенія Духа Святого тѣла Христова... Ты—чаша и чара растворенная, нѣже вина и елея, Духа Святого... Спаси, Господи, и сохрани обитель и домъ сей. Ты еси—изъ Цариць Царица, небеснаго Царя Мати, всѣхъ творяй ²⁾ святая-святѣйшая, на небеси ухвалимая, по землѣ славимая, ангельскаго ума палата, Духа Святаго кадило благоуханное, порфира боготканная, багряница небеснаго престола, звѣзда свѣтлозарная, небеснаго орла гнѣздо, орлица богоглаголивая, тихая и смиренная.. Спаси и сохрани грады наши, страны наши, святыя церкви Сына твоего едиnorodнаго отъ нашествія иноплеменики, междуособныя брани. Подай, Господи, для растворенія воздуха, земныхъ плодовъ твоихъ, младенцевъ напитай, юныя наставь, младость мою поддержи и сохрани. Препояши меня, Господи, поясомъ своимъ, силою честнаго и животворящаго Креста, предстательствомъ пророка предтечева, крестителя Господня Іоанна. Помилуй насъ, Господи, всякаго бого-отвѣта ³⁾ недоумѣющаго сію Ти молитву, яко Владычицѣ, грѣшніи приносимъ: помилуй насъ!

**№ 113. Молитва Архистратигу Михаилу Грозному воеводѣ
небесной силы.**

О, Господень великій архангеле Михаиле, у Господа Бога великій царь безначальныхъ! призываю тебя, архангела Михаила, въ рабу твоему (или рабѣ твоей имя рекъ) на помощь мою, взяти мя отъ врагъ моихъ, видящихъ и невидящихъ! О, господине великій архангеле Михаиле, излей мира благаго на раба своего; демону сокрушителю запрети всѣмъ врагамъ твоимъ,

¹⁾ Нужно читать: и бурями обуреваемымъ.

²⁾ Очевидно—тварей.

³⁾ Слѣдуетъ читать: бо отвѣта.

борющихся вся ¹⁾ со мною, сотвори, яко овцы, сокруши, яко прахъ предъ лицо ветра! О, господине великій Михаиле Архангелъ, шестоврылатый первый князь воевода небесной силы, херувимы и серафимы! О, господинъ великій архангеле Михаиле, чудной хранитель, изрѣченной буди мнѣ помощникъ во всѣхъ бѣдахъ, скорбѣхъ и печаляхъ, пустыняхъ, на рѣкахъ и на моряхъ! О, господине архангеле Михаиле, избави меня отъ прелести дьявольскія, призываема ²⁾ святое имя твое, внигда услыши молитву мою, ускори на помощь мою! О, господинъ великій архангеле Михаиле, поворившихся притивающаго ³⁾ силою честнаго животворящаго Креста господня, пресвятыя Богородицы, святыхъ ангеловъ, святыхъ апостоловъ, святаго славнаго пророка, крестителя предтечева, Іоанна, святаго великаго Николая чудотворца, Иліи пророка, Никиту, Остафія, святыхъ великомученикъ и всѣхъ святыхъ, избави отъ труса, потопа, отъ огня, меча, отъ глада и губительства и помилуй мя.

№ 114. Свитокъ Іерусалимскій.

Списокъ ⁴⁾ сей свитокъ съ Іерусалимскаго знамени отъ Господа нашего Іисуса Христа. Бысть во святомъ градѣ Іерусалимѣ явленіе предивное, во святѣй Божіей церкви гласъ глаголетъ невидимо еъ людямъ; спадеть ⁵⁾ съ небеси камень малъ, бѣлъ, студень, тяготы его никто же повѣдать не можетъ. Спаде тотъ камень въ 1-мъ часу ноци. Патріархъ Іерусалимскій со всѣмъ освященскимъ соборомъ надъ онымъ камнемъ пѣли молебны по 3 дни и по 3 ноци, а въ 4-й день тотъ камень распался по Божьему повелѣнію надвое и обрѣте въ немъ тотъ списокъ, писанный рукою самого Іисуса Христа. Тако глаголетъ Господь: послушайте, людіе мои, человеколюбія моего Божественнаго писанія и наказанія моего, и Я къ вамъ Отца вашего небеснаго исповѣдую. Азъ есмь Господь Богъ Вашъ, Творецъ небу и земли, и вы людіе мои. Пишу вамъ 1-е и 2-е наказаніе: поживите въ любви и въ совѣтѣ и дѣлайте правду между собою, вдовъ и сиротъ не обижайте и не грабите чужого имѣнія, у васъ и своего много. А вы возлю-

1) Въсто—борющимся.

2) Въсто—призывающа.

3) Нужно читать: покори вся противящіяся.

4) Въсто—списанъ.

5) Въсто—спаде.

били блудъ и чистоту ¹⁾ тѣлесную, воровство, обиду и неправду между собою; нищимъ и убогимъ милостину не творите и не милуете ихъ, за что и сами не помилованы теперъ будете отъ Бога. Аще ли вы отъ сего вспокаетесь, словесъ моихъ и наказанія послушаете, то Азъ дамъ вамъ царство небесное и покой вѣчный, и теплоту и сходовъ ²⁾ на землю, и всего изобильно будетъ больше прежняго. Не бойтесь Мя, небо и земля мимо идеть, словеса моя не пройдутъ. А если же вы отъ влхъ дѣлъ вашихъ не отстанете и словесъ моихъ и наказанія моего не послушаете, то я васъ буду гладомъ морить и повѣтрѣямъ злымъ и войнами карать. Сошлю на васъ невѣрные языки и возстанетъ царство на царство, цари на царей, короли на королей и проліють кровь вашу и порубятъ крещеніе ваше. Отецъ возстанетъ на сына, сынъ на отца, братъ на брата и возненавидятъ сестра сестру, не возлюбятъ и поревнуютъ другъ на друга. Сошлю моръ на человѣки и на скоты ваша и будетъ кровопролитіе великое, на земля валяться будутъ трупы и никто ихъ подбирать не будетъ. Тогда коней борзыхъ... ³⁾ ни славы, ни богатства не будетъ; не будетъ тогда рыбы въ моряхъ и звѣрей въ лѣсахъ и земля будетъ пуста, аки вдова, не дастъ плода своего, возрастетъ трава и родить быліе. Аще кто посѣетъ сто мѣръ, а соберетъ едину, и нищу отъ васъ отниму, и воды изсушу солнечнымъ окомъ, рѣки изсохнутъ и источники водяные. Тогда не напьетесь отъ водъ и отъ рѣкъ, и отъ морей, и проточинъ, все будетъ сухо за умноженіе грѣховъ вашихъ. Пущу на васъ птицы черныя крылатыя, двуглавыя, главы у нихъ львовы, а крылья орловы, власы женскія: тотъ часъ поѣдятъ сердца ваша за неправду и за непослушаніе ваше и будутъ жевать главы ваша и пить кровь вашу, станутъ раскапывать гробы умершихъ отцовъ своихъ и матерей, и сродниковъ, и будите проситься: примите и насъ къ себѣ, уже мы не можемъ терпѣть страха Божія и куда укрыться отъ сихъ лютыхъ звѣрей. Тогда отвращу лицо свое отъ васъ и не послушаю вашего ни плача, ни рыданія. Слѣпые душегубцы, отъ діавола есть родились, а не отъ Бога. Послушайте, людіе мои, человѣколюбія моего и сего Божественнаго писанія, и наказанія моего! Азъ заповѣдую вамъ многіи заповѣди, и вы не вѣруете. Лѣта, времена и дни ваши скончаваются, судъ Божій готовится, судеб-

1) Въмѣсто — нечистоту.

2) Не разобранное слово.

3) Не разобранное мѣсто.

ныя книги разгибаются и вся вольная дѣла ваша являются. Грядеть Господь судити живыхъ и мертвыхъ и воздасть комуждо по дѣломъ его. Праведнымъ царство небесное, а грѣшнымъ мука вѣчная. Нищихъ-братію мою возлюбите и милостыню имъ сотворите, странныхъ и убогихъ въ дома своя вводите, напоите ихъ и накормите, больныхъ и въ темницахъ суть ¹⁾ посѣщайте. Смотрите на невѣрные языки: и тѣ творять милостыню, не знающіе Бога по своей вѣрѣ, а вамъ данъ Божій законъ и крещеніе Христово. Вы моему закону не вѣруете, словесъ моихъ и наказанія моего не слушаете. Авъ долготерпѣливъ и многомилостивъ Господь, не до конца прогнѣваюсь на васъ окаянныхъ и жду вашего покаянія и обращенія. Посла бы васъ окаянныхъ погубити до конца, всякаго человѣка на земли согрѣшающаго, но еще молится за васъ окаянныхъ мати моя возлюбленная, Пресвятая Богородица, и ангели, вани хранители, умилосердились на васъ окаянныхъ. Неудобно есть верблюду сквозъ игольные уши пройти и разбойнику внидти въ царство небесное. Горе тому священнику, которой въ воскресеніе Христово не служитъ Божественной литургіи и сего Божественнаго писанія не читаетъ предъ народомъ въ воскресные и праздничные дни; дѣтей своихъ духовному страху и закону Божию не учать. Горе имъ будетъ, которые не посылають дѣтей своихъ Богу молиться. Горе пьяницѣ, христіанамъ называются, а по вся дни, аки свинья въ валу валается. Горе тому человѣку кто изъ устъ своихъ скверно глаголетъ и матерно бранится. Горе тѣмъ будетъ, кои блудъ творять—мужіе съ чужими женами, а жены съ чужими мужьями. Горе игрокамъ и плясунамъ, и кто осуждаетъ. Горе тѣмъ будетъ, кои воскресеніе Христово и праздники Господни не почитаютъ, и труды прилагають, и желаютъ себѣ прибытку, и тотъ человѣкъ собираеть на главу свою вѣчный огонь, и погубитъ у себя всѣ шесть дней въ недѣль. Воскресеніе Христово дано на опочеваніе человѣкамъ и скотамъ. Горе, которые среду и пятницу и великіе посты не почитаютъ. Въ среду жидове совѣтъ сотвориша, како бы убить Господа нашего Иисуса Христа; въ пятокъ былъ распятъ Господь нашъ, Иисусъ Христосъ, на крестѣ и въ тотъ же день сотворилъ перваго человѣка на землѣ Адама—для того и должно почитать всякому православному христіанину среду и пятницу.

Послушайте, людіе мои, Божественнаго писанія моего, глаголетъ Господь. Богу нашему слава, честь и держава нынѣ и

¹⁾ Въмѣсто—сущихъ.

присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь. Пишу въ вамъ такожде и наказаніе писаніемъ моимъ. Кто глаголетъ, ложь есть сей свитовъ, тотъ человекъ проклятъ и наслѣдуетъ муку вѣчную, а себѣ смерть горькую въ животъ вѣчный. Аминь.

№ 115. [Сонъ Пресвятыя Богородицы].

Опочивала еси Владычица наша, пресвятая Богородица, во святомъ градѣ Вилеємѣ Іудейстемъ, и прииде къ ней Господь нашъ, Іисусъ Христосъ, сынъ Божій, Спаситель всего міра, и рече ей: Аминь, аминь, глаголю тебѣ, о, мати моя возлюбленная, пресвятая Богородица, опочивала еси во святомъ градѣ Вилеємѣ Іудейстемъ, и что ты во снѣ своемъ видѣла еси? реки ми истинну правду. И рече ему пресвятая Богородица устами своими пречистыми: О, сыне мой возлюбленный, Господь нашъ, Іисусъ Христосъ, сынъ Божій, Спаситель всего міра, очи мои предражаются, но и гортань моя не отверзается глаголати истинну правду. Спала есть во святемъ градѣ Іудейстемъ въ мартѣ мѣсяцѣ и видѣла еси сонъ про тебя, сына Божія, вѣло страшешъ и ужасенъ; якобы тебя у жидовъ поймана и связана, приведена къ Понтійскому Пилату игеймону и распята на горѣ Голгофѣ на трехъ древахъ: на капаристѣ, певѣ и кедрѣ. Медіемъ ¹⁾ ко кресту пригвожденну и тростию по главѣ ударену, уста желчіемъ напоенны и терновъ вѣнецъ на главу твою Божию возложенъ, и въ ребра твои Божіи бысть прободенъ, и абіе изъ реберъ твоихъ святыхъ истекала кровь и вода на исцѣленіе христіанамъ и на спасеніе душамъ христіанскимъ.

Въ началѣ бысть заушенъ и палицею біенъ и повелѣша тебѣ зрети лицомъ въ западъ, и въ то время солнце померче и луна въ кровь превратися, и церковная завѣса раздрася съ нижняго края до верхняго, и земля потрясеса, и камни расиадеса, и гробы отверзошася, и многіе тѣлеса усопшихъ святыхъ возсташа, и бысть отъ 9-го часу тьма по всей земли. А въ третій день воскресе Христосъ отъ мертвыхъ и внесся на небо, и сяде одесную Бога Отца. Аминь.

Возглагола Господь нашъ, Іисусъ Христосъ, сынъ Божій, Спаситель всего міра: Аминь, глаголю тебѣ, Мати моя возлюбленная, пресвятая Богородица, приснодѣва Марія, воистинну праведенъ и неложенъ сонъ твой Богородицынъ.

Аще кто его въ дому своемъ держать и имѣть въ чистотѣ

¹⁾ Вѣроятно—гвоздіемъ.

будеть, въ тому дому не прикоснется ни огонь, ни тать, ни разбойникъ и по водамъ тихое пристанище, и въ бесѣдѣ честенъ. Аще кто его въ путь съ собой возьметъ и имѣть будетъ въ чистотѣ, къ тому человѣку не прикоснется діавольскій нечистый духъ, ни злый человѣкъ. Аще которой человѣкъ при смерти своей помянетъ или прочитаетъ, или кому дастъ прочитать, и кто съ вѣрой послушаетъ сего Божественнаго писанія, тотъ человѣкъ муки вѣчной и огня палящаго, и таргарара пренеподняго избавленъ будетъ. Аще кто его хочетъ читать, тому человѣку самъ Іисусъ Христосъ во всякомъ ему дѣлѣ подастъ и отъ грѣховъ его избавитъ.

Аще коя беременная женщина будетъ родить и болѣзни ея, а сей листъ будетъ имѣть или кого заставить прочитать, или положить въ головахъ его своихъ, тогда легко ей родить будетъ отроча; избавить ея Господь Богъ всякіе скорби и болѣзни, и отъ всякаго недуга.

Въ скоту приплодъ, въ хлѣбѣ спорина, въ продажахъ талантъ, въ торговлѣ счастье, въ дѣлахъ господне благословеніе. Аще который сему листу будетъ вѣрить и при себѣ имѣть будетъ, или кто напишетъ, или кто съ вѣрой послушаетъ сего Божественнаго писанія, посылаетъ по дальнимъ странамъ, и тотъ человѣкъ имѣть себѣ будетъ отпущеніе грѣховъ, и воспримутъ душу его ангелы господни изъ тѣла его, и донесутъ до царствія небеснаго Аврааму въ рай.

Всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

XIX.

[Всѣ ниже помѣщенные заговоры и молитвы записаны мною въ Шунгенской волости, Костромского уѣзда, въ с. Сельцѣ (Нивольское тожъ), что за р. Воржею, и въ деревняхъ: Пашутинѣ, Новленскомъ, Скрываловѣ, Митинѣ, Губачевѣ, Саковѣ, Стрѣльниковѣ, Оганинѣ и Палачевѣ, въ 1899—1906 гг., отъ разныхъ лицъ, преимущественно отъ женщинъ и дѣвушекъ. Подъ вліяніемъ образованія (молодое поколѣніе все грамотно) вѣра въ заговоры уже значительно утратилась, и лѣтъ 5—6 тому назадъ умеръ послѣдній волдунъ (вѣрнѣе—считавшійся таковымъ), „Олѣша Федоровъ“. Да и самые заговоры, которые мнѣ удалось записать, являются уже значительно разложившимися. Они интересны лишь, какъ послѣдній этапъ въ этомъ отношеніи. Еще нѣсколько лѣтъ и въ данной мѣстности исчез-

нуть всякіе слѣды заговоровъ, какъ въ настоящее время всякая всякая вѣра въ ихъ цѣлебное значеніе.

Совсѣмъ не такъ обстоитъ дѣло съ приводимыми мною образцами апокрифическихъ спасительныхъ молитвъ, имѣющихъ разнѣрный и часто рену. Всѣ эти и подобныя имъ молитвы очень сильно распространены среди женскаго населенія нашей волости (а также, насколько мнѣ извѣстно, и многихъ другихъ мѣстностей). Онѣ пользуются большимъ уваженіемъ, ихъ считаютъ гораздо важнѣе всѣхъ церковныхъ молитвъ и стараются обязательно читать прежде всего утромъ, на ночь, или въ какомъ-либо другомъ подходящемъ случаѣ. Фонетическія особенности не сохранены, такъ какъ говору жителей Шунгенской волости мною посвящена особая работа ¹⁾].

№ 116 [Утренняя молитва].

1. Господи, благослови,
Господи, спаси,
Господи, помоги!
Печать Христова,
5. Духа Святова.
Спасъ на рукахъ,
Богородица предъ глазахъ, ²⁾
Ангели охраняють,
Врага ³⁾ отгоняють.
10. Ангелъ мой,
Хранитель мой,
Сохрани меня,
Сокрѣпи меня
На днешній день,
15. На доброе дѣло,
На святую молитву,
На Христову милостину.
Врагъ-сотона,
Отступишь отъ меня.

¹⁾ *Николай Виноградовъ*. О народномъ говорѣ Шунгенской волости, Костромского уѣзда. Часть I. Фонетика. Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Акад. Наукъ, т. LXXVII; отд. отд. Спб. 1904 г. IV + 100 стр.

²⁾ Произносятся именно такъ.

³⁾ Говорятъ: врага, чернаго, темнаго, избѣгая названія діаволь, чертъ.

20. Нѣтъ тебѣ во мнѣ—
 Ни части,
 Ни мѣста,
 Ни радости!
 Есть мнѣ заступа,
25. Есть мнѣ укрѣпа:
 Гробъ Господень,
 Нивита мученикъ,
 За Христа мучится,
 За меня муку терпять,
30. За насъ грѣшныхъ Бога молить.

Аминь.

№ 117. [Утренняя молитва].

1. Красно солнышко восходить,
 Самъ Исусъ Христосъ выходить,
 Крестъ, евангелъе выносить.
 Благослови, милосливой Господи,
5. По сырой землѣ пройти,
 Таланъ-долю найти,
 Ко Лукѣ, ко Марку,
 Ко Михайлу Архангелу,
 Ко Матушкѣ Пресвятой Богородицѣ
10. Въ пресвѣтлый рай взойти.

Аминь.

№ 118. [Вечерняя молитва].

1. Солнце на закатѣ,
 Ангелъ на отлетѣ...
 Господи, Господи,
 Послать Тебѣ нечего:
5. Ни поста, ни молитвы,
 Ни денныя, ни пощныя.
 Запиши меня, Господи,
 Въ животную книгу;
 Помяни меня, Господи,
10. Егда придеши во царствіи Твоемъ!

Аминь.

№ 119. [Молитва на сонъ грядущимъ].

1. Нивола въ зголовахъ,
Богородица въ ногахъ,
Справа Иоаннъ Богословъ,
Слѣва другъ Христовъ,
5. Надо мной чуденъ крестъ
На семьдесятъ семь верстъ.
Ангель мой,
Хранитель мой,
Сохрани мое тѣло,
10. Просвѣти мою душу,
На день, полудень,
На ночь, полуночь,
13. Безъ грѣха на спасенье.
Во вѣки вѣковъ
Аминь.

№ 120. [Молитва ото всякія бѣды и напасти].

1. Врагъ-сотона,
Откачнись отъ меня,
Есть у меня
Крестъ честной,
5. Вѣрющій и вѣрнущій,
И на (в) землѣ не удержанный.
[Не окончена].

№ 121. [Отъ порѣзовъ и всякихъ ранъ].

Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь. Встану, благословясь, выйду, перекрестясь, изъ избы въ ворота, за чистое поле, на синее море, на окіянъ. На морѣ на окіянѣ, на островѣ на Буянѣ стоитъ каменная гробница; на той гробницѣ сидитъ красная дѣвица; красная дѣвица шьетъ и зашиваетъ иглой и ниткой, и чистымъ шолкомъ шемаханскимъ кровавыя раны, бойныя жилы. Надъ той дѣвицей летитъ черный вранъ. Ты, вранъ, не каркай, а ты, кровь, не капай ни отъ пули бойной, ни отъ стрѣлы летячей, ни отъ ножа востраго, ни отъ копья булатнаго. Ключъ, замокъ. Аминь. Аминь. Аминь.

Читать надъ раненымъ мѣстомъ трижды.

№ 122. [Присуха].

Господи, благослови, истинный Христосъ. Встану я, рабъ Божій (имя рекъ), не благословясь, пойду, не перекрестясь, изъ избы не дверью, изъ воротъ не въ поле, сквозь полъ въ подполе, на закатъ красна солнышка, на восходъ ясна мѣсяца; пойду я, рабъ Божій (имя рекъ), въ лѣсъ къ бѣлой березѣ, сдери бѣлое бересто, брошу въ печь огненную. Какъ то бересто на огнѣ горитъ и тлѣетъ, и пылаетъ, такъ бы и у рабы Божіей (или раба Божія, имя рекъ), сердце бы тлѣло и горѣло, и пылало бы во мнѣ, рабу Божію (или рабѣ Божіей, имя рекъ) во вѣки вѣчныя, до отвороту, всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

№ 123. [Присуха].

Господи Иусе, Христе, Сыне Божій. Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь. Лагу я, рабъ Божій или раба Божія, (имя рекъ), благословясь, встану, перекрестясь, пойду изъ избы дверьми, изъ сѣней воротами, въ чистое поле, на быстрыя рѣки. На быстрыхъ рѣкахъ стоятъ заливныя луга, на тѣхъ лугахъ подкормная трава, подъ Божьимъ солнцемъ сохнетъ и вянетъ. Какъ на быстрыхъ рѣкахъ луговая трава подкормная сохнетъ и вянетъ, такъ же бы и у рабы Божіей (или у раба Божія имя рекъ) сердце сохло и вяло, и ныло, и тосковало объ рабѣ Божіемъ (или рабѣ Божіей имя рекъ) въ вѣки вѣчныя; отгннѣ и по вся вѣки, до Страшнаго Суда. Аминь. Слово мое крѣпко. Ключъ, замокъ. Шарамаку баша. Аминь. Аминь. Аминь.

№ 124. [Присуха].

Господи, благослови! Господи, Иусе, Христе, Сыне Божій, помилуй насъ. Аминь. Встану я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь и перекрестясь, честнымъ Крестомъ оградясь, Богородицѣ помолясь и поклонясь; выйду изъ воротъ на улицу, отводомъ въ чистое поле, въ широкое раздолье, подъ востокъ, подъ западъ, подъ полдень и подъ полуночь. Есть въ чистомъ полѣ, въ широкомъ раздольѣ двѣнадцать вѣтровъ, двѣнадцать буйныхъ братьевъ. Я вамъ, братья вѣтры, поклоняюсь и помаляюсь: Ой вы, двѣнадцать братьевъ вѣтровъ, подсобите и помогите мнѣ, рабу Божію (или рабѣ Божьей, имя рекъ), сни-

мите съ меня тоску, печаль и сухоту несусвѣтиму, отнесите и напустите на рабу Божию (или раба Божія имя рекъ), чтобы сохла и тосковала она по мнѣ, по рабѣ Божиємъ (или рабѣ Божіей имя рекъ), жить бы не могла, ни пить, ни ѣсть, смертной тоской бы тосковала, а сухоты бы не навывала, въ банѣ бы не замыла и водой не отлила. Во вѣки вѣковъ. Аминь. Аминь. Аминь.

№ 125. [Присуха].

Читать „Да воскреснетъ Богъ“ и т. д. до середины. Господи, благослови, истенной Христоръ. Пойду я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь и перекрестясь, въ чистое поле, на синее море. Въ синемъ морѣ морская рыба. Закину неводъ, вытану рыбу морскую. Какъ тяжело морской рыбѣ безъ воды жить, такъ бы тяжело было и рабѣ Божіей (или рабу Божию, имя рекъ) безъ раба Божія (или рабы Божіей, имя рекъ) жить. Ни день бы она передневала, ни ночь бы она переночевала, спала бы—не засыпала, въ ѣдѣ бы не заѣдала и въ питьѣ бы не запивала. Въ морѣ рыба съ рыбой сходится, такъ бы и раба Божія (имя рекъ) со мной сходилась и отъ меня бы не отходила, смотрѣла бы, не насмотрѣлась, балла, не набавлялась ¹⁾ и любовь бы во мнѣ имѣла всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Читать „Да воскреснетъ Богъ“ отъ середины до конца.

№ 126. [Отъ притокъ и призоровъ].

Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его! Встану я, рабъ Божій (имя рекъ), на зарѣ, о вечерней порѣ, благословясь и перекрестясь, Господу-Богу помолясь, выйду въ чистое поле, на синее море. Въ чистомъ полѣ, на синемъ морѣ есть тридцать колдуновъ и колдуницъ, тридцать еретиковъ и еретицъ, тридцать вѣдуновъ и вѣдуницъ напускають на меня, раба Божія (имя рекъ), вѣтры и притвы, призоры разные. И взожду я, рабъ Божій (имя рекъ), на Сионскую гору, и стану я, рабъ Божій (имя рекъ), на желѣзномъ току подъ мѣднымъ потолкомъ; и одѣнусь я, рабъ Божій (имя рекъ), небесной высотой, подпояшусь свѣтлою зарею вечернею и утреннею, осыплюсь частыми звѣздами и умоюсь свѣжею водою—отъ полуденнаго вѣтра, отъ вечерняго вѣтра и отъ утренняго вѣтра, и

¹⁾ Говорила, не наговаривалась.

отъ ночного вѣтра; отъ денной притки, отъ ночной притки, отъ вечерней притки, отъ утренней притки и отъ полуночной, и отъ полуденной притки, и отъ призоровъ, и прикосовъ всякихъ и отъ всѣхъ злыхъ людей. И никто бы мнѣ ни въ чемъ не повредилъ, не изурочилъ, не обаялъ. Слова мои крѣпки на-крѣпки всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь Царю Небесному. Аминь.

№ 127. Отъ порчи.

Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь. Крестъ — креститель, крестъ — святитель, крестъ — красота церковная, крестъ — хранитель всея вселенныя, крестъ — демоновъ прогнаніе, крестъ — бѣсамъ язва. И нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь. Встану я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь, пойду, перекрестясь, изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ калитку, въ чистое поле, на синее Окіанъ-море. На томъ синемъ Окіанъ-морѣ, въ чистомъ полѣ стоитъ бѣлая кужлеватая береза — сама матушка Пресвятая Богородица. Ей я, рабъ Божій (имя рекъ), поворюсь и помолюсь, на всѣ стороны поклонюсь: Пречистая мати, Пресвятая Богородица Дѣво, помоги, пособи мнѣ, рабу Божию (имя рекъ), отговаривать притки и призоры, вѣтряные переговоры, нутряные переломы, съ кости, съ мозгу, съ бѣлой жилы, изъ ясныхъ очей, съ ретива сердца, со буйной головы, изъ тридесяти костей, изъ тридевяти жилъ, изъ единой становой жилы, изъ всего стану человѣческаго у раба Божія, или у рабы Божіей (имя рекъ). Всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Ключъ словамъ, замокъ мыслямъ. Аминь. Аминь. Аминь.

№ 128. [Отъ порчи у дѣтей].

Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь. Встану, не благословясь; пойду, не перекрестясь; изъ избы не дверями, со двора не калиткой, не въ чистое поле, не подъ свѣтлый мѣсяцъ, не подъ часты, мелки звѣзды, не на утренней зарѣ, не на вечерней. Пойду я, рабъ Божій (имя рекъ) съ озера на озеро, съ рѣки на рѣку, съ ключа на ключъ. Въ тѣхъ озерахъ и въ рѣкахъ, и на ключахъ, вода живая, текучая и палючая. Той водой обливаю и окропляю я, рабъ Божій (имя рекъ), пеня и колоды, сухія кочки и бѣлыя камни; смываю и снимаю всякую нечистоту и щерботу. Еще же умою и окропляю, и помазую сего раба Божьяго, младенца (имя рекъ), отъ худой худобы, отъ хворой хвороты, отъ лихой лихости, отъ

матрней думы, отъ отцовскихъ мыслей, отъ всякаго злазу и привору, и озепу, и обѣю, отъ всякаго лихова человѣка, отъ дѣвки простоволоски, отъ бабы паларотки и отъ всякаго сустричнаго и поперечнаго. Будьте вы, мои слова, крѣпки, въ ключи и въ замки, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Для излѣченія порчи у дѣтей нужно на зарѣ (утренней или вечерней—безразлично) сходить на рѣку къ тому мѣсту, гдѣ двѣ рѣки встрѣчаются (въ устью), или же на три рѣки; въ случаѣ крайности—на три озера, или на три ключа. Итти на рѣку молча, не кланаясь, не отвѣчая на привѣтствія и не оглядываясь. Придя къ рѣкѣ, почерпнуть, трижды выливая, воды и тѣмъ же порядкомъ вернуться домой. Дома вода со всѣхъ трехъ источниковъ собирается въ одно мѣсто, и затѣмъ ею умываютъ трижды ребенка, читая вышеупомянутый заговоръ. Если это средство не поможетъ, то нужно читать „Куприяновы молитвы“¹⁾).

№ 129. [Отъ лихорадки].

Написать на бумажѣ три раза подъ рядъ:

Саторъ арено тенеть опера ротасъ.

Прочитать это три раза, не дыша, и съѣсть съ Исусовой молитвой.

№ 130. [Чтобы скотина велась].

Новокушку, приведа домой, становать въ воротахъ; на порогъ постилають поводъ, на которомъ вели купленную скотину, и перегоняють ее черезъ поводъ со словами:

Дворовый хозяинъ, прими скотинушку, полюби нашу новую животинушку!

Послѣ этого машуть поводомъ на всѣ четыре стороны.

№ 131. [Чтобы у ребенка были крѣпкіе зубы].

Мышка, мышка, на тебѣ зубокъ костяной, а мнѣ (или, если ребенокъ малъ и не можетъ пролепетать весь заговоръ самъ, то за него говорить мать: а младенцу такому-то) дай стальной:

Затѣмъ зубъ бросается подъ печку.

¹⁾ См. ранѣе № 109.

№ 132. [Чтобы курица была носчѣе].

Когда молодка снесетъ первое яйцо, то хозяйка беретъ его и проводитъ имъ трижды вокругъ головы мужа, приговаривая:

Сколько у... (имя хозяйна) на головѣ волосень, столько бы у рябушки (чернушки и пр.) зародышковъ, а у меня грошниковъ. Первое яйцо должно быть отдано въ церковь.

№ 133. [Чтобы спина не болѣла отъ полевыхъ работъ].

Увидя въ первый разъ весною пролетающихъ журавлей, нужно лечь на траву и семь разъ перекувырнуться черезъ голову, или перевернуться съ боку на бокъ, приговаривая:

Журавель, журавель,
У тя шея коломъ,
А у мяя (меня) спина колесомъ,
А не крокомъ.

Спина во время полевыхъ работъ будетъ „быть пружиная“.

№ 134. [Отъ порѣза, поруба и т. д.].

Господи, благослови, истенной Христось, помози началъ положить ¹⁾. Аминь.

Встану я, рабъ Божій (имя рекъ), благословася, пойду, перекрестася, изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, въ чистое поле. Въ чистомъ полѣ течетъ тридцать три рѣки и двѣ рѣки, и една рѣка — *Черна-Смородина*. По той рѣкѣ, Черной Смородинѣ, бѣжитъ легкая малая лодка. Въ той легкой малой лодкѣ сидитъ старъ, матеръ человекъ; голова у него бѣла, борода сѣда, везетъ онъ наго, сине, мертво тѣло; въ рукахъ онъ держитъ длинну, востру саблю булатную. Той вострой саблей булатной сѣчетъ и рубитъ онъ сине, наго мертво тѣло. Съ того мертва, синя, нага тѣла кровь не течетъ и не канетъ. Такъ же бы и у раба Божія (имя рекъ) изъ раны кровавой кровь не текла, не канула и никакой бы сухоты и ломоты не было. Слово мое крѣпко и твердо, какъ столобъ мѣдянь, веревя желѣзна. Изъ ключа въ ключъ, изъ замка въ замокъ. Всегда нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь. Аминь. Аминь Царю Небесному.

Говорить трижды и каждый разъ сплюнуть трижды черезъ рану.

¹⁾ М. б. слова „началъ положить“ ранѣе относились къ известному циклу молитвъ, произнести которыя и значило „положить началъ“.

I. Распределение заговоровъ по содержанию.

Заговоры общаго характера, принимаемые въ различныхъ случаяхъ. №№ 10а, 10б, 14, 15, 21, 24, 25, 26, 27, 28, 61, 64, 110, 111, 112, 113, 114 и 115.

Заговоры на любовь, почетъ отъ людей и начальства. №№ 1, 8, 17, 62, 63 и 68.

Заговоръ, чтобы люди боялись. № 7.

Заговоры на недруговъ и супостатовъ. №№ 5, 6, 9, 11, 12, 13 и 57.

Заговоры отъ злыхъ людей. №№ 2, 57 и 66.

Молитва на прогнаніе злыхъ духовъ. № 109.

Заговоръ на домового. № 75.

Заговоры судей. №№ 5 и 68.

Молитва въ путь идущимъ. № 4.

Для счастья. № 22.

Заговоры на любовь (присуха). №№ 23, 37, 41, 44, 45, 54, 55, 56, 59, 60, 69, 72, 77, 107, 122—125.

Заговоры на остуду (отсуха). №№ 32 и 108.

Свадебные обереги. №№ 29, 30, 46, 48, 49, 51 и 52.

Заговоры ружья. №№ 93 и 95.

Отговоръ ружья. № 94.

Заговоръ холоднаго оружія. № 18.

Заговоры крови. №№ 39, 121 и 134.

„ отъ нѣсколькихъ болѣзней (преимущественно нервныхъ). №№ 19, 20, 31 и 35.

„ „ грыжи. №№ 38, 42 и 74.

„ „ зубной боли. №№ 43, 99, 104 и 106.

„ „ лихорадки. №№ 98, 100, 101, 102 и 129.

„ „ нестойки. № 103.

„ „ переполоха (и другихъ порчей). №№ 19, 20 и 79.

„ „ порчи и др. нервныхъ болѣзней. №№ 34, 73, 74, 76, 78, 126—128.

„ „ родимца. № 36.

„ „ рожи. № 97.

- Заговоръ отъ укушенія бѣшеннымъ животнымъ. № 40.
" " укушенія змѣей. №№ 90 и 91.
" чтобы женщина не мучилась родами. № 96.
" чтобы зубы были крѣпши. № 131.
" чтобы во время жатвы спина не болѣла. № 133.
Молитвы утреннія. №№ 116 и 117.
Молитва вечерняя. № 118.
Молитвы на сонъ грядущимъ. №№ 65 и 119.
Молитва отъ всякаго бѣды и напасти. № 120.
Молитва отъ гладу. № 67.
-

- Заговоръ, чтобы скотина велась. № 129.
Скотскіе обереги. №№ 70, 71, 84 и 85.
Заговоръ отъ заушницы. № 105.
" " нечистой силы. № 33.
" " скотскаго падежа. № 83.
" " укушенія змѣей. №№ 80 и 82.
" " чемера. № 81.
" чтобы курица неслась. № 132.
-

Охотничьи заговоры. №№ 47—53, 58, 86—89.

Заговоръ, чтобы свѣча потухла. № 92.

Статьи неопредѣленнаго содержанія. №№ 3 и 16.

II. Распределение заговоровъ по мѣстности.

- Вологодской губ., Кадниковскаго у. №№ 72 — 75, 86 — 89,
107—108.
" " Тотемскаго у. №№ 1—28, 45, 80—85.
" " Черевковской вол. (Кадниковск. у.). №№ 107—
108.
Костромской губ., Галичскаго у. (?) №№ 109—115.
" " Костромскаго у. №№ 46, 54—69, 76—79,
90—106, 109—134.

- Костромской губ., Солигаличского у. №№ 29 — 31, 47 — 53,
70—71.
" " Бѣлорѣченской вол. (Костр. у.). №№ 97—
106.
" " Шишвинской вол. (Костр. у.). №№ 54—60,
76—79, 97—105 ¹⁾.
" " Шунгенской вол. (Костр. у.) №№ 68—69,
116—134 ²⁾.
Олонецкой губ., Петрозаводского у. №№ 32—44.

¹⁾ Д. Семилово.

²⁾ С. Сельцо; дд. Губачево, Митино, Новленское, Оганино, Палачев, Пашутино, Саково, Скрывалово, Стрѣльниково.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

№№	СТРАН.
Предисловіе	3
1. Заговоръ на любовь у начальства и всѣхъ людей	6
2. Молитва отъ злого человѣка	7
3. О травѣ прыскъ пресв. Богородицы	—
4. Молитва въ путь идущимъ	8
5. На недруги и въ судъ	—
6. Заговоръ на супостатовъ	—
7. Заговоръ на уваженіе и страхъ	—
8. На который дворъ идешь, къ воротамъ глаголи	9
9. Молитва на прогнаніе всякаго врага и супостата	—
10а. Молитва Михаилу и Гавриилу архангеламъ	—
10б. Молитва Михаилу архангелу, грозному воеводѣ небесныхъ силъ	11
11. Молитва Ангелу Хранителю	12
12. Заговоръ заградить уста супостату	—
13. Заговоръ противъ супостата	—
14. Сонъ пресвятой Богородицы	13
15. Молитва на прогнаніе отъ всякаго зла	—
16. О водѣ	14
17. Заговоръ на любовь раба Божія	—
18. Заговоръ отъ уроковъ	15
19. Заговоръ отъ уроковъ, призоровъ, прикосовъ	—
20. Отъ уроковъ и переполоховъ	16
21. Ангелу хранителю молитва	—
22. Для счастья	18
23. Для любви вѣчной	—
24. Сонъ пресвятыя Богородицы	—
25. Свитокъ Іерусалимскій	19
26. Тоже	—
27. Молитва въ бѣдахъ, скорбахъ и печаляхъ	20
28. О 12 пятницахъ	21
29. Свадебный оберегъ	22
30. Свадебный оберегъ	24
31. Отъ порчей и другихъ болѣзней	25
32. Заговоръ на остуду	27
33. Заговоръ на болѣзнь скота	28
34. Заговоръ отъ порчи	29
35. Отъ призора и наговора	—

№№	СТРАН.
36. Заговоръ отъ родимца	30
37. Слова ва присуху	—
38. Заговоръ на грыжу	31
39. Остановить кровь	—
40. Заговоръ отъ укушенія быловымъ животнымъ	—
41. Слова на присуху	—
42. Заговоръ на грыжу	32
43. Отъ зубной боли	33
44. Слова дѣвцамъ на почетъ отъ молодець	—
45. „Статья“ (присуха)	34
46. Свадебное обереженіе	35
47. Говорить, ставаючи по утру да въ гѣсь пошедь, со звѣремъ идучи домой	36
48. Охотничій заговоръ, онъ же свадебный оберегъ	37
49. Тоже	38
50. Пошедь въ гѣсь, говорить	39
51. Заговоръ на удачную охоту; онъ же свадебный оберегъ	—
52. Заговоръ на удачную охоту; онъ же свадебный оберегъ	40
53. Противъ собачьей порчи	43
54. Заговоръ на присуху	44
55. Тоже	—
56. Тоже	45
57. Заговоръ отъ злого человека	46
58. Заговоръ на удачную охоту	—
59. Начало заговора на присуху	47
60. Напускать тоску	—
61. Спасительная молитва 1-я	49
62. „ „ „ 2-я	—
63. „ „ „ 3-я	50
64. „ „ „ 4-я	—
65. „ „ „ 5-я	—
66. „ „ „ 6-я	—
67. Молитва отъ гладу	51
68. Заговоръ судь	—
69. Заговоръ на присуху	52
70. Обереги скота	53
71. Тоже	55
72. Заговоръ на присуху	57
73. „ отъ порчи	58
74. „ отъ порчи и грыжи	—
75. „ на домового	59
76. Начинать уроки	—
77. Присушить дѣвиць	60
78. Заговоръ отъ порчи	61
79. „ „ переполоха	62
80. „ „ укушенія скотины вѣей	63
81. „ „ чемера	—
82. „ „ укушенія скотины вѣей	64
83. „ противъ скотсваго падежа	—
84. Скодкой оберегъ	65

ММ	Стр.
85. Тоже	65
86. На всякаго звѣра, на всякую птицу	66
87. Когда увидишь въ ниткѣ зайца	68
88. Когда вынешь изъ ловушки зайца	69
89. Когда нитку или ловушку снимаешь	—
90. Заговоръ змѣн	70
91. Тоже	71
92. Заговоръ, чтобы свѣча потухла	—
93. Какъ заговорить ружье	—
94. Какъ отговорить оное	—
95. Заговоръ ружья, 2-й способъ	—
96. Что должно сдѣлать, чтобы женщина не мучилась	—
97. Заговоръ противъ рожн	72
98. " отъ лихорадки	—
99. " " зубной боли	73
100. " " лихорадки	—
101. " " то же	—
102. " " двѣнадцати лихорадокъ	74
103. " " востонхи	—
104. " " зубной боли	—
105. " противъ заушницы	75
106. " отъ зубной боли	—
107. Присуха	76
108. Отсуха	—
109. Молитва святаго священномученика Кипріяна	77
110. Союзъ пресвятыя Богородицы	81
111. Тоже	—
112. Похвала пресвятой Богородицѣ	82
113. Молитва архистратигу Михаилу, грозному воюводу небесной силы	83
114. Свитокъ Іерусалимскій	84
115. Союзъ пресвятыя Богородицы	87
116. Утренняя молитва	89
117. Тоже	90
118. Вечерняя молитва	—
119. Молитва на союзъ грядущимъ	91
120. Молитва отъ всякаго бѣды и напасти	—
121. Заговоръ отъ порывовъ и всякихъ ранъ	—
122. Присуха	92
123. Тоже	—
124. Тоже	—
125. Тоже	93
126. Заговоръ отъ притокъ и призоровъ	—
127. " " порчи	94
128. " " порчи у дѣтей	—
129. " " лихорадки	95
130. " чтобы скотина велась	—
131. " " у ребенка были крѣпкіе зубы	—
132. " " курица была кочче	96
133. " " спина не болитъ отъ полевыхъ работъ	—
134. " отъ порыва, поруба и пр.	—

острога. Э. Пекарскаго. — Етнографичный збірникъ, т. XIX.	
И. А. — С. Малевичъ. Бѣлорусскія народныя пѣсни. А. Серж- путовскаго. — А. Самойловнчъ. Памяти П. М. Меліоранскаго.	
Э. П. — Пекарскій, Э. Словарь Якутскаго языка. Акад. В. Рад- лова. — К. Иностранцевъ. Турецкіе оссуарин и асоданы. Къ изученію оссуаріевъ. Э. П. — Ц. Жамцарановъ. Матеріалы къ изученію устной литературы монгольскихъ племень. А. С. — Dr. A. Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. М. Фасмера.	57—70
2. Журналы за 1907 г. Н. В.	71—72
3. Новости литературы. Н. В.	72—74

ОТДѢЛЪ V.

Смѣсь. Хроника.

1. Какъ перестали убивать стариковъ въ Малороссіи. <i>Ив.</i> <i>Абрамова</i>	41—42
2. Загадки. А. <i>Неуступова</i>	42—43
3. Умерла правда. <i>Ив. Абрамова</i>	43—44
4. Хроника (37 замѣтокъ). Сост. Н. <i>Виноградовъ</i>	45—59
5. † А. Биленштейнъ. Акад. К. Г. <i>Залемана</i>	46—49
О сборникѣ въ честь Г. Н. Потанина	50
Объявленія	51

ЖИВАЯ СТАРИНА,

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

XVI

годъ изданія
1907

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

XVI

годъ изданія
1907

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,

подъ редакцію Предсѣдателя Отдѣленія Этнографіи В. И. Ламанскаго и члена-сотрудника Н. Н. Виноградова, въ XVI году своего существованія будетъ выходить четырьмя выпусками по 10—12 листовъ въ каждомъ (въ февралѣ, маѣ, сентябрѣ и ноябрѣ). При достаточномъ количествѣ подписчиковъ число выпусковъ будетъ доведено до шести.

Программа журнала: Изученіе внѣшнихъ и внутреннихъ особенностей расъ, племенъ, народностей Россіи и соплеменныхъ и сопредѣльныхъ съ нею странъ; ихъ взаимодействія въ далекомъ прошломъ и въ настоящемъ; изученіе народныхъ языковъ, нарѣчій и говоровъ, народной поэзіи, быта, — вообще живой народной старины; критическій и библиографическій обзоръ литературы народовѣдѣній.

Вступая въ XVI годъ изданія, редакція „Живой Старины“ пригласила къ участию въ журналѣ многихъ ученыхъ специалистовъ и молодыхъ работниковъ по этнографіи и народной словесности и рѣшила обратить особенное вниманіе на полноту и свѣжесть отдѣла критики и библиографіи. При одномъ изъ выпусковъ, въ видѣ приложенія—отдѣльною книжкою, будетъ разосланъ „Указатель“ къ журналу за 15 лѣтъ (60 вып.) его существованія.

Подписная цѣна для городскихъ подписчиковъ—5 р. съ доставкой, для многогородныхъ—5 р. 50 к. и за границу—6 р., для книжныхъ магазиновъ скидка по соглашенію, соразмѣрно количеству требуемыхъ экземпляровъ, для сельскаго духовенства, учителей и учащихся—2 р. 75 к. Подписка принимается въ редакціи „Живой Старины“ (Спб., у Чернышева моста).

Редакція.